
МАРК ВЕРЕСК
Я НЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАТЬ
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Марк Вереск

Я не должен был об этом рассказывать

«Автор»
2026

Вереск М.

Я не должен был об этом рассказывать / М. Вереск — «Автор», 2026

«Я не должен был об этом рассказывать» — четвёртый сборник мистической прозы Марка Вереска, объединяющий тридцать пять самостоятельных рассказов о столкновении человека с необъяснимым.Герои этих историй — представители самых обычных профессий. Их привычная жизнь меняется, когда они обнаруживают явления, противоречащие законам природы, человеческой памяти и самой логике существования.Документальная манера повествования, психологическая достоверность и внимание к повседневным деталям создают ощущение тревожной близости происходящего.Четыре тематические части сборника исследуют границы человеческой личности, памяти, времени и пространства, постепенно ставя под сомнение саму возможность объективной реальности.Это книга о страхе перед неизвестным, о хрупкости привычного мира и о том, что остаётся от человека, когда он больше не может доверять собственному опыту.

© Вереск М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Близкие и чужие 5
Мой отец двадцать лет ездил в командировки. Вчера я узнал, куда именно 5
Я работал ночным сторожем на птицефабрике. Однажды все сорок тысяч кур одновременно замолчали 18
Я разбирал вещи умершего соседа. В одной коробке лежали письма, которые он так и не отправил 40
Я двадцать лет работаю ветеринаром. В прошлом году животные начали приносить нам своих детёнышей 56
Я тринадцать лет работаю водителем ночного автобуса 79
Я купил дом у человека, который двадцать семь лет не выходил в сад 98
Я работаю в службе поддержки. Один клиент звонит нам уже девять лет 123
Часть II. Правила работы 144
Я работал в аварийной газовой службе. Один вызов мы закрывали одиннадцать раз 144
Я работаю реставратором старых фотографий. На одном снимке обнаружился человек, которого фотографировали отдельно от остальных 157
Я двадцать лет ремонтировал лифты. В одном доме жильцы просили никогда не менять перегоревшую лампочку 179
Конец ознакомительного фрагмента. 185

Марк Вереск
Я не должен был об этом рассказывать

Часть I. Близкие и чужие

Мой отец двадцать лет ездил в командировки. Вчера я узнал, куда именно

Отец умер в феврале, а в конце апреля мне позвонила женщина и спросила, почему он до сих пор не приехал.

Я не сразу понял, о ком речь. Она назвала его по имени и отчеству, поинтересовалась здоровьем и сказала, что в этом году они особенно на него рассчитывали.

Пришлось объяснить, что отец умер.

Женщина долго молчала.

Потом спросила:

— А похоронили где?

Я ответил.

— Понятно. Простите, пожалуйста. Мы не знали.

И уже собиралась положить трубку, когда я спросил, кто она.

— Нина Павловна. Из Заречного. Передайте вашей маме, что мы очень соболезнуем.

Мама умерла одиннадцать лет назад.

Я сказал ей об этом.

На этот раз молчание продолжалось гораздо дольше.

— Странно, — наконец произнесла женщина. — Он никогда не говорил.

В тот вечер я впервые за несколько месяцев достал отцовские вещи.

Он был инженером. Из тех советских инженеров, которые умели починить практически всё, носили одни и те же часы тридцать лет и записывали показания счётчиков в отдельную тетрадку.

Мы жили в обычной трёхкомнатной квартире. Мама преподавала математику в школе. Летом ездили на дачу, зимой по воскресеньям лепили пельмени. Отец любил рыбалку, терпеть не мог майонез и всегда снимал обувь перед тем, как зайти даже в больничную палату.

Ничего необычного.

За исключением командировок.

Каждый год, приблизительно в конце апреля, он уезжал на две или три недели. Иногда раньше, иногда позже. В детстве я ждал этих поездок, потому что отец обязательно привозил какой-нибудь подарок.

Однажды привёз деревянный кораблик с настоящими парусами. В другой раз — коробку необычных карандашей, на которых вместо названия производителя были выжжены маленькие звёздочки.

Году в девяносто восьмом он привёз мне книгу про приключения мальчика на необитаемом острове. Я обожал её. Перечитывал раз десять.

Когда вырос, пытался найти эту книгу в интернете.

Не нашёл.

Но тогда меня это совершенно не удивило. Мало ли книг издавали в девяностые.

После выхода на пенсию отец продолжал ездить.

Объяснял, что консультирует бывших коллег, помогает с оборудованием, что молодых специалистов осталось мало.

Мама никогда не возражала. Более того, сама собирала ему сумку, покупала в дорогу продукты и проверяла, взял ли он лекарства.

Я помню только один случай, когда они из-за этого поссорились.

Мне было лет пятнадцать. Я проснулся ночью, пошёл на кухню за водой и услышал их разговор.

— Ты обещал, что больше не будешь там оставаться, — сказала мама.

— Обстоятельства изменились.

— У них всегда меняются обстоятельства.

— Люда, ну пожалуйста.

— Я не хочу ещё раз объяснять ребёнку, почему его отец не вернулся домой.

Я стоял в коридоре, босой, с пустым стаканом в руке.

Тогда мне показалось, что у отца, наверное, другая женщина.

Сейчас я бы многое отдал за то, чтобы это оказалось правдой.

После звонка Нины Павловны я перебрал две коробки документов.

Трудовая книжка, диплом, старые квитанции, пенсионное удостоверение. Несколько конвертов с фотографиями. Гарантийные талоны на технику, которой давно не существовало.

В нижнем ящике письменного стола лежал небольшой коричневый блокнот.

На каждой странице — год и несколько дат.

24 апреля. Поезд.

25 апреля. Прибытие.

12 мая. Обратно.

26 апреля. Поезд.

27 апреля. Прибытие.

15 мая. Обратно.

Так продолжалось до 2016 года.

Дальше записи стали подробнее.

«Крыша над столовой. Поговорить с Виктором».

«Купить ремкомплект».

«Не забыть лекарства для Н. П.».

«У Саши день рождения. 12 лет».

Я перечитал последнюю запись несколько раз.

Меня зовут Александр.

Только в 2016 году мне было тридцать четыре.

Я сфотографировал страницу и отправил сестре.

Она ответила почти сразу:

«А ты не знал про Заречное?»

Я позвонил ей.

— Какое Заречное?

— Ну куда папа ездил.

— Ты там была?

— Нет. Мама была. Один раз.

— Когда?

— Не помню. До моего рождения, кажется.

Сестра помолчала.

— Слушай, а зачем тебе вообще это сейчас?

Я рассказал про звонок.

Она неожиданно разозлилась.

— Саш, ну умер человек. Оставь ты его в покое.

— Я просто хочу понять.

— Что понять? Что у родителей была жизнь, о которой они нам не рассказывали? У всех родителей такая жизнь.

Она положила трубку.

В половине первого ночи прислала ещё одно сообщение.

«Если найдёшь там какие-нибудь фотографии, пожалуйста, сначала покажи мне».

Фотографии я нашёл на следующий день.

Они лежали в старом конверте из-под медицинских анализов, между страницами справочника по электротехнике.

Всего двадцать семь снимков.

На первых — небольшой посёлок. Деревянные дома, кирпичное двухэтажное здание, высокая водонапорная башня.

На одном снимке отец стоял возле железнодорожной платформы. Молодой, худой, в куртке, которую я хорошо помнил.

На обороте снимка с платформой было написано:

«Заречное. Май 1999».

Следующая фотография — группа людей за длинным столом. Отец в центре, рядом пожилая женщина и мужчина в клетчатой рубашке.

Потом дети.

Мальчики и девочки на спортивной площадке.

Какой-то праздник. Воздушные шары, самодельные гирлянды, столы с едой.

И наконец фотография, из-за которой я весь день не мог нормально работать.

Отец сидел на крыльце деревянного дома. Рядом с ним мальчик лет восьми в синей футболке с изображением динозавра.

У мальчика на коленях лежала книга.

Я узнал футболку.

Узнал книгу.

И маленький шрам над правой бровью тоже узнал.

Этот шрам у меня до сих пор.

Я отправил фотографию сестре.

Она не отвечала почти час.

Потом написала:

«Приезжай. Только без фотографий. Я не хочу, чтобы дети увидели».

Сестра живёт за городом. Мы с ней никогда не были особенно близки, хотя и не ссорились. После смерти матери виделись несколько раз в год, после смерти отца — чаще.

В тот вечер она попросила мужа погулять с детьми.

Мы остались на кухне вдвоём.

— Ты помнишь дачу бабушки? — спросила она.

— Конечно.

— А как мы туда добирались?

— На электричке. Потом автобусом.

— Сколько ехали?

— Часа два. Может, больше.

Она кивнула.

— А где эта дача находилась?

Я хотел ответить и вдруг понял, что не знаю.

Помнил дом, участок, старую яблоню, соседского пса. Помнил, как бабушка ругалась, когда мы рвали зелёную смородину. Помнил даже рисунок клеёнки на кухонном столе.

Но название населённого пункта вспомнить не мог.

— Бабушка продала её в девяносто шестом, — продолжала сестра. — Когда ты сломал руку.

— Я ломал руку во дворе.

— Да. Мама так потом всем рассказывала.

Она встала, открыла шкафчик и достала бутылку коньяка.

Налила нам обоим.

— Мне было девять, Саш. Я помню кое-что лучше тебя.

— Что именно?

— Мы не всегда возвращались с дачи вместе.

— В каком смысле?

— Иногда папа привозил домой только меня.

Я не ответил.

— Мама тогда несколько дней ни с кем не разговаривала. Не ходила на работу. Сидела на кухне, курила в форточку. А потом папа привозил тебя. И всё снова становилось нормально.

— Может, я просто оставался у бабушки?

Сестра посмотрела на меня.

— Бабушка умерла, когда тебе было четыре года.

Я рассмеялся.

— Ты что несёшь?

Она взяла телефон и нашла фотографию надгробия.

Имя, отчество, фамилия.

Годы жизни.

1941–1986.

Я родился в 1982-м.

— Мы ездили на кладбище, — сказала сестра. — Ты тоже там был. Несколько раз. Просто никогда не обращал внимания на даты.

Я долго смотрел на экран.

Мне отчётливо вспомнилось, как бабушка учила меня чистить рыбу. Как подарила на десятый день рождения наручные часы. Как летом девяносто третьего года мы вместе слушали по радио новости.

Я помнил её голос.

Запах её волос.

Родинку на шее.

Мёртвых людей невозможно помнить настолько подробно в событиях, произошедших после их смерти.

По крайней мере, мне всегда так казалось.

На следующий день я перезвонил Нине Павловне.

Она узнала меня по голосу.

— Александр?

— Да. Я хотел бы приехать к вам.

— Зачем?

— Поговорить об отце.

— Не стоит.

— Почему?

— Потому что вам это ничего хорошего не даст.

Я рассказал про фотографии.

Про книгу, футболку и мальчика на крыльце.

Она тяжело вздохнула.

— Господи. Значит, всё-таки сохранил.

— Кто этот мальчик?

— Вы.

— Но я никогда не был в Заречном.

Женщина ничего не ответила.

Я спросил, жив ли кто-нибудь из тех людей, которые были на снимках.

— Почти все, — сказала она.

— А моя бабушка?

— Александра Михайловна?

У меня похолодели руки.

— Да.

— Умерла. Четыре года назад. Хороший был человек.

Я выключил телефон.

Минут двадцать сидел в машине возле работы, наблюдая, как люди выходят из соседнего магазина с пакетами продуктов.

Мне хотелось найти какое-нибудь нормальное объяснение.

Двойная жизнь отца. Другая семья. Незаконнорождённые дети. Секта. Мошенничество. Наследственная болезнь. Что угодно.

Любое объяснение, которое укладывалось бы в привычное устройство мира.

Вечером Нина Павловна прислала сообщение.

«Если всё-таки решитесь, приезжайте до 15 мая. Потом будет поздно».

Следом пришла фотография листка бумаги с нарисованной от руки схемой.

И ещё одно сообщение:

«Только ничего не говорите вашей сестре. Она и так достаточно пережила».

До города, указанного на схеме, я добрался на машине.

Дальше нужно было ехать электричкой.

На маленькой станции с облупившимися стенами я показал кассирше название посёлка.

— Это вам на старую ветку, — сказала она. — Там пассажирские давно не ходят.

— А как добраться?

— Машиной. Через лесничество. Только дорога плохая.

Она объяснила, где свернуть.

Через сорок минут асфальт закончился. Навигатор перестал показывать дорогу. По обеим сторонам тянулся мокрый весенний лес.

Я уже собирался разворачиваться, когда увидел водонапорную башню.

Ту самую, с отцовских фотографий.

За ней показались крыши домов.

Посёлок выглядел бедным, но вполне жилым. Возле одного двора стоял велосипед. Кто-то колол дрова. На верёвке сушилось бельё.

Двое мальчишек играли в футбол.

Один остановился, посмотрел на мою машину и помахал рукой.

Второй тоже.

Я опустил стекло.

— Ребята, не подскажете, где живёт Нина Павловна?

— Вон там, за магазином.

— Спасибо.

— А вы к Сашке?

— К какому Сашке?

Мальчик пожал плечами.

— К своему.

Я поднял стекло.

На крыльце небольшого дома меня ждала седая женщина в сером кардигане.

Нина Павловна.

Она посмотрела на меня так, как смотрят на человека, которого очень давно не видели.

— Вылитый отец, — сказала она.

Потом обняла меня.

Я не успел ничего спросить.

— Пойдёмте. Чай поставила. Потом покажу.

В доме пахло сушёными яблоками, хозяйственным мылом и старой мебелью.

Я почувствовал странное облегчение.

Понял почему, только когда она провела меня на кухню.

На столе лежала клеёнка с оранжевыми грушами и маленькими зелёными листьями.

Такая же была у бабушки.

— Вы здесь давно живёте? — спросил я.

— С восемьдесят девятого.

— Что это за место?

Она поставила передо мной чашку.

— Обычный посёлок. По большей части.

— А по меньшей?

Нина Павловна села напротив.

— Ваш отец думал, что если будет приезжать, то сможет разобраться. Потом перестал этим заниматься. Просто приезжал помогать.

— Кому?

— Нам.

— Почему?

— Потому что больше некому.

Она говорила спокойно, почти буднично.

Это пугало сильнее всего.

— Здесь живут люди, у которых когда-то что-то пошло не так, — продолжила она. — Не знаю, как объяснить лучше. Кто-то пришёл сюда сам. Кого-то привели. Некоторые родились уже здесь.

— И моя бабушка?

— И ваша бабушка.

— Она умерла в восемьдесят шестом.

— Знаю.

— Вы понимаете, что это невозможно?

— Конечно, понимаю. Я ведь не всегда здесь жила.

Она отпила чай.

— Мой муж погиб в автомобильной аварии. Я сама опознавала его в морге. А через семь месяцев встретила здесь. Он меня узнал. Даже помнил, что мы собирались делать ремонт в ванной.

— И что?

— Ничего. Мы прожили вместе ещё двадцать два года.

Я не знал, что сказать.

За окном проехал трактор.

На стене тикали часы.

— Только это был не совсем мой муж, — добавила Нина Павловна. — Понимаете?

Я покачал головой.

— И хорошо, что не понимаете.

После чая она отвела меня к дому на другом конце посёлка.

Я узнал его сразу.

Тёмные брёвна, голубые наличники, перекошенная ступенька крыльца.

На отцовской фотографии мы сидели именно здесь.

Нина Павловна постучала.

Дверь открыл мужчина приблизительно моего возраста.

Он был немного полнее меня. Волосы длиннее, борода, старый свитер с вытянутыми рукавами.

Но лицо.

Господи.

Лицо было моё.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд.

Он первым отвёл взгляд.

— Значит, всё-таки приехал.

Голос тоже был моим.

Я попятился.

Мужчина не стал меня удерживать.

— Нина Павловна, зачем вы его привели?

— Он сам захотел.

— Ну и зря.

Он закрыл дверь.

Я сел на крыльцо.

Меня тошнило.

Нина Павловна молча стояла рядом.

Через минуту дверь снова открылась. Мужчина вынес стакан воды.

— Пей. У тебя давление падает.

Я взял стакан.

— Кто ты?

Он сел на верхнюю ступеньку.

— Ты ведь уже догадался.

— Нет.

— Тогда не спрашивай.

Я выпил воду.

— Ты знал моего отца?

Мужчина усмехнулся.

— Нашего.

— Он приезжал к тебе?

— Не только ко мне.

Из дома донёсся женский голос:

— Саш, там картошка готова.

Мужчина обернулся.

— Сейчас, мам.

У меня задрожали руки.

— Кто там?

Он посмотрел на Нину Павловну.

Та опустила глаза.

— Не надо, — тихо сказал мужчина. — Серьёзно. Тебе лучше уехать.

Но я уже поднимался по ступенькам.

Он попытался загородить проход.

Я оттолкнул его.

Вошёл в дом.

И увидел свою мать.

Она стояла у плиты.

В домашнем халате, с полотенцем через плечо.

Волосы седые. Лицо заметно постарело. Очки другие.

Одиннадцать лет.

Примерно так она и должна была выглядеть, если бы прожила ещё одиннадцать лет.

Мама повернулась ко мне.

Я ждал, что она закричит. Удивится. Уронит что-нибудь.

Она лишь устало закрыла глаза.

— Господи, Саша. Ну зачем?

Я не мог произнести ни слова.

Она подошла, взяла меня за руку и усадила за стол.

— Ты ел сегодня?

Я заплакал.

Мне сорок четыре года. У меня собственная взрослая дочь. Я пережил развод, смерть родителей, потерю работы.

Но тогда я сидел за чужим кухонным столом и плакал, как ребёнок.

Мама гладила меня по голове.

Другой Александр стоял в дверях.

Не мешал.

Потом мы долго разговаривали.

Я спрашивал про вещи, которые могли знать только мы.

Как звали мою первую учительницу.

Где отец прятал деньги.

Что случилось с нашим котом.

Почему в детстве я боялся закрывать дверь ванной.

Она отвечала.

Иногда ошибалась в мелочах.

Иногда вспоминала то, что забыл я.

А иногда рассказывала истории, которых в моей жизни никогда не происходило.

Например, как я окончил музыкальную школу.

Или как в двадцать семь лет привёз знакомить её с девушкой по имени Оксана.

Я никогда не учился в музыкальной школе.

И никакой Оксаны у меня не было.

Наконец я спросил:

— Ты умерла?

Мама долго смотрела на меня.

— Там, наверное.

— А здесь?

— Здесь болела. Потом поправилась.

— Как?

— Не знаю.

— А папа?

Она сняла очки.

— Папа не принадлежал этому месту. Он мог приезжать и уезжать. Ему повезло.

— Почему он ничего не рассказал?

Мама посмотрела на мужчину в дверях.

— Потому что один раз уже рассказал.

Я остался ночевать.

Это было глупо. Сейчас я понимаю.

Но попробуйте представить, что вам дали возможность провести ещё один вечер с человеком, которого вы много лет считали умершим.

Не уверен, что многие из вас смогли бы отказаться.

Мы сидели на кухне почти до полуночи.

Мама расспрашивала о моей дочери. Я показывал фотографии. Она улыбалась и говорила, что внучка похожа на нашу бабушку.

Другой Александр почти всё время молчал.

Когда мама ушла спать, он предложил выйти во двор.

Мы сели на лавочку.

Где-то в темноте лаяла собака.

— У тебя дети есть? — спросил я.

— Были планы.

— Женат?

— Был.

— Что случилось?

— Уехала.

Он закурил.

Я заметил, что держит сигарету точно так же, как я.

— Ты ведь хочешь забрать её отсюда, — сказал он.

Я не стал отрицать.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что она не твоя мать.

— Только что говорил, что отец у нас общий.

— Отец — другое дело.

— Объясни нормально.

Он долго курил.

Потом спросил:

— Помнишь, как сломал руку?

— Помню.

— Где?

— Во дворе. Упал с гаража.

— А я помню, как провалился в старый колодец. Здесь, за домом. Мне было четырнадцать.

Он закатал рукав.

На предплечье остался тонкий белый шрам.

У меня был точно такой же.

— Отец вытаскивал меня, — продолжил он. — А потом несколько дней искал тебя.

— Меня?

— Ты исчез.

Я молчал.

— Тогда-то он и понял, что здесь происходит что-то неправильное. Приехал с одним сыном, а уезжать пришлось с другим.

— С кем именно?

— Не знаю.

— Кто из нас настоящий?

Он посмотрел на меня с неожиданной злостью.

— Как же вы все достали с этим вопросом.

Бросил окурок.

— Я сорок четыре года прожил. Работал, женился, хоронил близких. У меня зубы болят, когда холодно. Я по ночам не сплю, когда совесть мучает. Чем я, по-твоему, ненастоящий?

Мне стало стыдно.

Мы некоторое время сидели молча.

— Папа приезжал каждый год, — сказал он уже спокойнее. — Сначала хотел исправить произошедшее. Потом понял, что если исправит, то кого-то из нас, возможно, не станет. И просто остался отцом для обоих.

В ту ночь я почти не спал.

Слышал, как за стеной кашляет мама.

И думал о том, что отец двадцать лет жил с тайной, которую, наверное, невозможно было рассказать даже самому близкому человеку.

Утром я проснулся от крика.

На кухне стояла Нина Павловна.

Мама сидела за столом, закрыв лицо руками.

Другого Александра нигде не было.

— Где он? — спросил я.

Нина Павловна посмотрела на меня.

— Когда вы приехали, вы кому-нибудь сообщили, куда направляетесь?

— Нет.

— Телефон ваш где?

— В машине.

— Позвоните сестре. Немедленно.

Я вышел во двор.

Телефон лежал на пассажирском сиденье.

Семнадцать пропущенных звонков.

Все от сестры.

Я перезвонил.

Она ответила сразу.

— Ты где?!

— За городом.

— Не ври мне.

— Я потом объясню.

— Саша, послушай внимательно. Ко мне приехал человек.

Я закрыл глаза.

— Какой человек?

— Ты прекрасно знаешь какой.

На заднем плане слышался детский смех.

— Он сидит у нас на кухне. Разговаривает с моим мужем. Дети его узнали. Понимаешь? Они его узнали.

— Выгони его.

— Он знает всё, что знаешь ты.

— Вызови полицию.

— И что я им скажу?

Сестра заплакала.

— Саш, я даже сейчас не уверена, с кем разговариваю.

Связь оборвалась.

Я вернулся в дом.
Мама всё ещё сидела на кухне.
— Он уехал? — спросил я.
Она кивнула.
— Куда?
— Домой.
— Это мой дом!
Мама вздрогнула.
Я никогда прежде не кричал на неё.
Во всяком случае, в той жизни, которую помнил.
— Прости, — сказала она. — Он так долго ждал.
— Чего?
— Чтобы твой отец разрешил ему вернуться.
Я собрался за несколько минут.
Нина Павловна вышла проводить меня.
— Езжайте той же дорогой, — сказала она. — Никуда не сворачивайте.
— Что будет с ним?
— Не знаю.
— А со мной?
Она поправила воротник моего пальто.
— Ваш отец очень вас любил. Обоих.
Я сел в машину.
Мама стояла на крыльце.
Не плакала.
Просто смотрела, как я уезжаю.
Уже за поворотом я понял, что в этот раз не сказал ей, что тоже её люблю.
К сестре я приехал вечером.
Она открыла дверь не сразу.
Увидев меня, отступила.
— Он уехал час назад.
— Куда?
— К себе. То есть к тебе.
Она протянула мне ключи от моей квартиры.
— У меня оставил. Сказал, что не хочет устраивать проблем.
Я поехал домой.
Квартира была пуста.
Ничего не пропало.
На кухне стояла вымытая чашка.
На столе лежала записка.
«Я хотел только посмотреть. Не бойся. Возвращаюсь. Прости».
Под запиской — старая фотография.
Отец, крыльцо, мальчик с книгой.
Теперь на снимке я заметил деталь, которую прежде упустил.
В глубине дома, за открытой дверью, стоял ещё один ребёнок.
Тоже в синей футболке.
Прошло почти полгода.
Я вернулся к работе. Общаюсь с дочерью. Иногда встречаюсь с сестрой.
О Заречном мы не говорим.
Я дважды пытался найти посёлок.

Первый раз доехал до лесничества, но дальше дорога упиралась в заболоченную низину.

Второй раз взял с собой старую карту.

На месте посёлка был лес.

Номер Нины Павловны больше не обслуживается.

Иногда мне снится мама.

Самые тяжёлые сны — те, в которых ничего страшного не происходит. Мы просто сидим на кухне, разговариваем, пьём чай.

Просыпаясь, я несколько секунд уверен, что она жива.

А потом вспоминаю.

Я долго не собирался публиковать эту историю. Понимал, что большинство людей сочтут её выдумкой, а остальные предложат обратиться к психиатру.

Но вчера произошло кое-что, из-за чего я всё-таки решил написать.

Мне позвонила дочь.

Мы разговаривали о работе, её планах на выходные, каких-то повседневных мелочах.

Перед тем как попрощаться, она вдруг спросила:

— Пап, а ты в следующем году опять в апреле поедешь?

— Куда?

— Ну, туда, куда дедушка ездил.

Я спросил, о чём она говорит.

Дочь удивилась.

— Ты же сам рассказывал. Мы с тобой там даже были, когда я маленькая была. Помнишь, бабушка подарила мне зайца?

Я сказал, что не помню.

— Да ладно тебе. Подожди, у меня фотография есть.

Через минуту пришло сообщение.

На фотографии была моя дочь. Лет пяти, в красном платье, с плюшевым зайцем в руках.

Она сидела на коленях у моей матери.

Мать выглядела примерно так же, как той ночью в Заречном.

На заднем плане, возле деревянного крыльца, стоял я.

И вот что не даёт мне уснуть вторую ночь подряд.

Я помню это красное платье.

Помню того плюшевого зайца.

Даже помню, как дочь потеряла его на обратном пути и проплакала всю дорогу.

Только до вчерашнего вечера я был совершенно уверен, что мы купили его в обычном детском магазине.

Теперь я пытаюсь вспомнить, как выглядел тот магазин.

Вспоминается длинный деревянный прилавок.

Женщина в сером кардигане.

И прибитый над дверью маленький колокольчик.

Кажется, я начинаю понимать, почему отец никогда не выбрасывал старые фотографии.

Наверное, ему тоже иногда требовались доказательства того, что он действительно прожил ту жизнь, которую помнил.

В апреле я снова поеду в Заречное.

Только сначала мне нужно найти человека, который согласится присмотреть за моей квартирой.

И ещё кое о чём я хочу его попросить.

Если после моего возвращения я скажу, что у меня никогда не было дочери, пусть он покажет мне этот рассказ.

Пожалуйста.

Конец.

Я работал ночным сторожем на птицефабрике. Однажды все сорок тысяч кур одновременно замолчали

В 03:17 на птицефабрике стало тихо.

Я знаю точное время, потому что в эту минуту посмотрел на часы.

До этого я восемь лет работал по ночам среди сорока тысяч кур и ни разу не слышал настоящей тишины.

Даже когда птицы спят, в корпусах постоянно что-то происходит.

Шуршат перья. Скрипят клетки. Щёлкают поилки. Кто-то возится в подстилке, кто-то негромко кудахчет. Работают вентиляторы, транспортёры, насосы.

Шум не прекращается никогда.

К нему привыкаешь настолько, что перестаёшь замечать.

Поэтому, когда он исчез, я сначала подумал, что оглох.

Проверил рацию.

Потёр уши.

Щёлкнул пальцами возле лица.

Звук был.

Работала вентиляция. Гудел трансформатор за стеной.

Но птицы молчали.

Из сторожки я не слышал ни одной. Только потом мы поняли, что разом замолчали все сорок тысяч.

Я поднялся со стула, взял фонарь и пошёл в третий корпус.

Через стекло двери увидел длинные ряды клеток.

Тысячи белых кур стояли неподвижно.

И смотрели в одну сторону.

На северную стену.

Меня зовут Сергей. Мне пятьдесят один год.

До птицефабрики я работал на железной дороге. Потом предприятие сократили, пришлось искать что-то другое.

На фабрику устроился охранником.

Работа простая, если не считать запаха.

Две ночи через две.

Обход территории, проверка ворот, контроль пожарной сигнализации. Если на панели загоралось предупреждение, я сообщал дежурным.

В обязанности охраны не входило обслуживание птицы, но за восемь лет я научился замечать, когда что-то не так.

Например, если в корпусе становится слишком жарко, куры начинают дышать с открытыми клювами.

Если нарушается подача воды, птицы беспокоятся.

Если появляется крыса, по рядам проходит характерное движение.

А когда в корпус забирается ласка, начинается настоящий переполох.

Но такого я не видел никогда.

Птицы стояли совершенно неподвижно.

Даже головы не поворачивали.

Их было около десяти тысяч только в третьем корпусе.

Все смотрели на северную стену.

Там не было ничего интересного.

Бетон, кабельные каналы, пожарный щит.

И небольшая служебная дверь, которой почти не пользовались.
Я включил верхний свет.
Обычно резкое освещение вызывает движение.
Хотя бы несколько птиц начинают переступать лапами.
Но никто не шелохнулся.
Я подошёл к ближайшей клетке.
Постучал по металлической стойке.
Курица передо мной не отреагировала.
Я поднёс руку почти к самому её клюву.
Она не моргнула.
И только тогда заметил, что птица дрожит.
Не от холода.
Мелко, непрерывно, всем телом.
Я позвонил дежурному механику.
Его звали Костя.
Ему было двадцать семь, и он ненавидел ночные смены.
— Чего? — сонно спросил он.
— Подойди в третий корпус.
— Что случилось?
— Птицы странно себя ведут.
— Сергей Петрович, я механик. Если они плохо несутся, это к зоотехнику.
— Костя, просто подойди.
Он выругался, но согласился.
Через пять минут появился в дверях.
Сначала ничего не понял.
Потом остановился.
— А чего они молчат?
— Вот и я спрашиваю.
Он прошёл между рядами.
Посмотрел на клетки.
Щёлкнул пальцами перед одной курицей.
— Может, отравились?
— Все одновременно?
Костя пожал плечами.
Потом посмотрел туда, куда были направлены тысячи птичьих голов.
— А там что?
— Стена.
Он нахмурился.
— Нет. За стеной.
За северной стеной третьего корпуса находился старый кормоцех.
Его закрыли ещё до моего прихода.
Раньше там готовили комбикорм, но потом фабрика перешла на готовые смеси.
Здание использовали как склад ненужного оборудования.
Окна заколотили.
Двери заперли.
Внутри, насколько я знал, не было даже электричества.
— Может, крысы? — предположил Костя.
— На крыс они бы так не реагировали.
Он снова посмотрел на птиц.

— Ну да.

Мы стояли молча.

Потом одна курица в первом ряду медленно опустила голову.

Я подумал, что всё заканчивается.

Но птица не вернулась к обычному поведению.

Она просто прижала клюв к металлической перекладине.

Следом то же самое сделали соседние.

Потом следующий ряд.

И следующий.

По корпусу прошла волна.

Тысячи кур опускали головы.

Почти одновременно.

Пока все не оказались в одинаковой позе.

Клювами к металлу.

Головами вниз.

Костя тихо произнёс:

— Сергей Петрович, мне это совсем не нравится.

В 03:26 зазвонил служебный телефон.

Звонила Валентина Михайловна, дежурная зоотехник.

Она находилась в первом корпусе.

— Сергей, у вас там что происходит?

— А что?

— Птицы замолчали.

Я почувствовал неприятный холод.

— У нас тоже.

Пауза.

— Во всех корпусах?

— В третьем точно.

Она выругалась.

Я никогда раньше не слышал, чтобы Валентина Михайловна ругалась.

Ей было шестьдесят два, она работала на фабрике почти тридцать лет и относилась к птицам серьёзнее, чем большинство людей относится к собственным детям.

— Не ходите к старому кормоцеху, — сказала она.

Я нахмурился.

— Почему?

— Просто не ходите.

— Валентина Михайловна, что там?

Она помолчала.

— Я сейчас приду.

И отключилась.

Мы с Костей вернулись в охранную комнату.

Я открыл камеры наблюдения.

На территории всё выглядело нормально.

Пустые дорожки.

Свет фонарей.

Стоянка грузовиков.

Закрытые ворота.

Но на камере, направленной на старый кормоцех, я заметил движение.

Возле северной стены стояла собака.

Рыжая дворняга, которая последние полгода жила на территории фабрики.
Мы называли её Рыжухой.
Обычно она ночевала возле котельной.
Сейчас стояла у кормоцеха.
Не двигалась.
Смотрела на стену.
Потом медленно легла.
Положила морду на передние лапы.
И закрыла глаза.
Костя сказал:
— Может, там какой-нибудь ультразвук?
— Откуда?
— Не знаю. Старое оборудование.
Я хотел ответить, но в этот момент Рыжуха поднялась.
Сделала три шага назад.
Потом ещё два.
И побежала.
Не к нам.
Не к воротам.
Она бросилась вдоль забора с такой скоростью, будто за ней гнались.
Добежала до дальнего угла территории.
Прыгнула на сетку.
Упала.
Поднялась.
Снова прыгнула.
Я никогда не видел, чтобы собака так отчаянно пыталась выбраться.
Валентина Михайловна пришла через несколько минут.
На ней был старый ватник поверх рабочего халата.
Лицо бледное.
— Показывайте.
Я включил камеры из корпусов.
Она долго смотрела на птиц.
Потом спросила:
— Головы опустили?
— Да.
Она закрыла глаза.
— Господи.
Костя спросил:
— Вы знаете, что это?
Она посмотрела на него.
— Надеялась, что больше не увижу.
Мы молчали.
Валентина Михайловна села.
Сняла платок.
Руки у неё дрожали.
— В девяносто шестом такое уже было.
Я посмотрел на неё.
— Здесь?
— Да.

— И что случилось?
Она не ответила сразу.
Потом произнесла:
— Тогда птицы тоже замолчали.
В 1996 году фабрика была значительно меньше.
Три корпуса.
Около пятнадцати тысяч голов.
В старом кормоцехе ещё работало оборудование.
Однажды ночью птицы перестали издавать звуки.
Сначала в одном корпусе.
Потом в остальных.
Через несколько минут все куры повернулись в сторону кормоцеха.
Точно так же, как сейчас.
Дежурный зоотехник решил, что произошла утечка газа или химическое загрязнение.
Вызвали механиков.
Проверили вентиляцию.
Ничего не обнаружили.
А потом из кормоцеха вышел человек.
— Какой человек? — спросил я.
Валентина Михайловна посмотрела на меня.
— Обычный. Мужчина лет сорока.
— Рабочий?
— Нет.
— Откуда он взялся?
Она покачала головой.
— Никто не знал.
Мужчина вышел через боковую дверь.
На нём были серые брюки и белая рубашка.
Он прошёл вдоль третьего корпуса.
Остановился возле окна.
И начал смотреть на птиц.
Ничего не делал.
Просто стоял.
Через несколько минут куры начали погибать.
Не все сразу.
Сначала ближайшие к окну.
Потом следующие.
За двадцать минут погибло больше трёх тысяч птиц.
Костя нахмурился.
— От чего?
— Не установили.
— Вскрытие делали?
— Конечно.
— И?
Валентина Михайловна посмотрела на него.
— У них не было повреждений.
— Сердце остановилось?
— Да.
Пауза.

— Только не у всех.
Она рассказала, что некоторые птицы после смерти продолжали стоять.
Головы опущены.
Лапы держатся за перекладины.
Тела холодные.
Сердца не бьются.
Но птицы не падают.
Когда рабочие пытались снять их с клеток, обнаружили, что лапы невозможно разжать.
Приходилось разрезать металлические перекладины.
— А мужчина? — спросил я.
Валентина Михайловна ответила:
— Ушёл обратно в кормоцех.
— И всё?
— Нет.
Она посмотрела на нас.
— За ним пошёл сторож.
Сторожа звали Николай Фёдорович.
Ему было пятьдесят восемь.
Бывший военный.
Не пил.
Не курил.
По словам Валентины Михайловны, спокойный человек, которого трудно было напугать.
Он взял фонарь и пошёл за незнакомцем.
Через несколько минут из кормоцеха раздался крик.
Рабочие бросились туда.
Дверь была открыта.
Внутри никого.
Ни мужчины.
Ни сторожа.
Только на полу лежал фонарь.
И рядом — фуражка Николая Фёдоровича.
— Его нашли? — спросил Костя.
Валентина Михайловна покачала головой.
— Нет.
— Полиция?
— Приезжала.
— И?
— Искали три дня.
Я посмотрел на монитор.
Старый кормоцех стоял тёмный.
Неподвижный.
— А потом?
Она тихо сказала:
— Потом птицы снова начали шуметь.
Я спросил, почему здание не снесли.
Валентина Михайловна ответила:
— Собирались.
— И?
— Не получилось.

— В каком смысле?

Она посмотрела на меня.

— Первый раз пригнали экскаватор. Машинист отказался работать.

— Почему?

— Сказал, что слышит внутри людей.

Костя усмехнулся.

Но неуверенно.

— Каких людей?

— Много. Как будто там собрание.

Она помолчала.

— Второй раз приехала другая бригада. Начали разбирать крышу. Один рабочий упал и сломал позвоночник. После этого стройку остановили.

— Совпадение, — сказал Костя.

Валентина Михайловна посмотрела на него.

— Возможно.

В 03:41 погас свет в четвёртом корпусе.

Сработала аварийная сигнализация.

Костя вскочил.

— Чёрт.

Он посмотрел на панель.

— Питание пропало.

Я спросил:

— Генератор?

— Должен включиться.

Через несколько секунд загудел резервный дизель.

Свет восстановился.

На панели осталась авария, и зуммер не смолкал.

Костя нахмурился.

— Вентиляция не запускается.

Это было серьёзно.

В большом птичнике вентиляция — не удобство, а жизненно важная система.

Без неё быстро меняются температура, влажность и состав воздуха.

Мы сообщили дежурным, что свет вернулся, а вентиляция стоит.

Костя побежал к щитовой.

Я остался возле камер.

Валентина Михайловна стояла рядом.

И вдруг сказала:

— Сергей.

Я повернулся.

Она смотрела на монитор.

— Он вышел.

На экране возле кормоцеха стоял мужчина.

Серые брюки.

Белая рубашка.

Лет сорок.

Невысокий.

Полноватый.

Совершенно обычный.

Он стоял под фонарём и смотрел на третий корпус.

Я приблизил изображение.
Лицо было плохо видно.
Но заметил одну странность.
На улице было около нуля.
Изо рта у мужчины не шёл пар.
Я взял рацию.
— Костя, ты где?
— Возле щитовой.
— Не подходи к кормоцеху.
— Чего?
— Просто не подходи.
Он не ответил.
Я повторил.
— Костя!
Рация зашипела.
Потом раздался его голос:
— Сергей Петрович, тут кто-то стоит.
Я почувствовал холод.
— Где?
— Возле третьего корпуса.
— Уходи.
— Мужик какой-то.
— Костя, немедленно уходи!
Пауза.
Потом он сказал:
— Он меня спрашивает.
— Что?
— Говорит, где остальные.
Я схватил рацию.
— Не отвечай!
Но Костя уже говорил.
— Какие остальные?
На мониторе мужчина повернул голову.
Посмотрел в сторону щитовой.
Потом медленно поднял руку.
И указал на неё.
Я выбежал из охранной комнаты.
Валентина Михайловна бросилась за мной.
На улице было холодно.
Ветер гнал по асфальту сухие листья.
Я побежал к щитовой.
Костя стоял возле двери.
Совершенно неподвижно.
Смотрел на мужчину.
Тот находился метрах в двадцати.
Я закричал:
— Костя!
Он не повернулся.
Мужчина посмотрел на меня.

И улыбнулся.
Это была обычная улыбка.
Без страшных зубов.
Без искажённого лица.
Просто вежливая улыбка человека, который увидел знакомого.
Но мне стало настолько страшно, что я остановился.
Мужчина сказал:
— Доброй ночи.
Голос был негромкий.
Приятный.
Я ничего не ответил.
Он посмотрел на Костю.
— Молодой человек говорит, что здесь работают люди.
Я молчал.
— А где они?
Я почувствовал, как холодеют пальцы.
— Кто?
Мужчина улыбнулся шире.
— Люди.
Валентина Михайловна схватила меня за рукав.
— Не разговаривай.
Мужчина посмотрел на неё.
Его улыбка исчезла.
— А вы ещё здесь.
Она побледнела.
Он слегка наклонил голову.
— Я вас помню.
Валентина Михайловна прошептала:
— Уходи.
Мужчина посмотрел на неё с искренним удивлением.
— Но я только пришёл.
В этот момент Костя упал.
Просто подогнулись ноги.
Он рухнул на асфальт.
Я бросился к нему.
Валентина Михайловна закричала.
Мужчина стоял неподвижно.
Я перевернул Костю.
Он был жив.
Дышал.
Но глаза оставались открытыми.
И смотрели куда-то вверх.
Я попытался привести его в чувство.
Он не реагировал.
Потом его губы зашевелились.
Я наклонился.
Костя очень тихо произнёс:
— Там много.
— Чего?

Он сглотнул.
— Их там много.
Мужчина в белой рубашке подошёл ближе.
Я поднял голову.
Он смотрел на Костю.
— Этот тоже слышит.
Я почувствовал злость.
Она появилась неожиданно.
Сильнее страха.
— Что вы с ним сделали?!
Мужчина посмотрел на меня.
— Ничего.
— Тогда почему он лежит?!
— Потому что понял.
— Что понял?!
Мужчина помолчал.
Потом сказал:
— Сколько вас здесь.
Валентина Михайловна схватила меня за плечо.
— Сергей, не надо.
Но я уже смотрел на мужчину.
— Кто вы такой?
Он нахмурился.
Словно вопрос показался ему странным.
— Я работаю здесь.
— Кем?
Он посмотрел на третий корпус.
— Считаю.
Я хотел спросить, что именно он считает.
Но мужчина вдруг поднял голову.
Прислушался.
Потом посмотрел в сторону старого кормоцеха.
Его лицо изменилось.
Впервые на нём появился страх.
Он тихо сказал:
— Рано.
И быстро пошёл обратно.
Мы смотрели, как он удаляется.
Он не бежал.
Но двигался очень быстро.
Дошёл до кормоцеха.
Открыл дверь.
Скрылся внутри.
Через несколько секунд дверь закрылась.
И птицы закричали.
Не закудахтали.
Не зашумели.
Именно закричали.
Все сорок тысяч.

Звук был настолько сильным, что я закрыл уши руками.
Куры бились в клетках.
Хлопали крыльями.
Ударялись о металлические перегородки.
Валентина Михайловна опустилась на колени.
Костя лежал рядом.
А из третьего корпуса доносился такой шум, будто внутри началась бойня.
Мы вызвали скорую.
Потом связались с директором фабрики.
Через двадцать минут приехали первые сотрудники.
Костю увезли в больницу.
Врачи сказали, что у него острое нарушение сознания неясного происхождения.
Физических повреждений не обнаружили.
Но он почти не разговаривал.
Только повторял одну фразу:
— Их больше, чем должно быть.
К утру птицы успокоились.
Погибло сто восемьдесят семь голов.
Большинство — от травм во время паники.
Несколько десятков умерли без видимых повреждений.
Ветеринарная служба взяла материалы для исследования.
Директор распорядился временно ограничить доступ к старому кормоцеху.
Я рассказал ему о мужчине.
Он выслушал.
Потом спросил:
— Вы уверены, что это не кто-то из сотрудников?
— Уверен.
— Почему?
Я посмотрел на него.
— Потому что он вышел из закрытого здания, в котором нет электричества и которое двадцать лет никто не использует.
Директор помолчал.
Потом сказал:
— Сергей, давай пока никому об этом не рассказывать.
В тот день я не поехал домой.
Остался на фабрике.
Не потому, что хотел.
Просто не мог успокоиться.
Сидел в охранной комнате.
Смотрел записи.
Пытался понять, что произошло.
На видео мужчина появлялся возле кормоцеха в 03:39.
Стоял.
Потом шёл к третьему корпусу.
Разговаривал с Костей.
После этого возвращался.
Всё совпадало с тем, что я видел.
Кроме одной детали.
На записи мужчина не открывал дверь кормоцеха.

Он подошёл к стене.

Остановился.

И исчез.

Я пересмотрел момент несколько раз.

Никакого монтажа.

Никаких помех.

Он просто перестал быть виден.

Словно вошёл в стену.

Но ещё страннее было другое.

Когда я увеличил изображение, заметил, что перед исчезновением мужчина смотрел на крышу кормоцеха.

Не на дверь.

Не на окна.

На крышу.

И выглядел испуганным.

Вечером приехала Валентина Михайловна.

Она сказала, что хочет показать мне кое-что.

Мы прошли в старый административный корпус.

Там находился архив.

Пыльные шкафы.

Папки.

Журналы.

Она достала толстую тетрадь.

На обложке было написано:

«Учёт падежа птицы. 1996 год».

Открыла страницу за ноябрь.

Показала записи.

В день происшествия погибло 3 214 кур.

Я посмотрел на следующую строку.

Там было написано:

«Общее количество поголовья после инцидента — 15 000».

Я нахмурился.

— А сколько было до?

Валентина Михайловна перевернула страницу.

«Общее количество поголовья на начало смены — 15 000».

Я посмотрел на неё.

— Ошибка в учёте?

Она покачала головой.

— Мы тогда тоже так подумали.

— И?

— Пересчитали.

— Сколько получилось?

Она ответила:

— Пятнадцать тысяч.

Я долго молчал.

Потом спросил:

— То есть три тысячи кур погибли, но общее количество не изменилось?

Она кивнула.

— Да.

— Откуда взялись новые?
— Не знаю.
— Их кто-то привёз?
— Нет.
— Может, в журнале ошиблись?
Валентина Михайловна посмотрела на меня.
— Сергей, мы пересчитывали трижды.
Я почувствовал неприятный холод.
— А сейчас?
Она достала ещё одну папку.
Современный журнал учёта.
Показала запись за вчерашнюю ночь.
«Поголовье на начало смены — 40 000».
Потом следующую.
«Падёж — 187».
И ниже:
«Поголовье на конец смены — 40 000».
Я смотрел на цифры.
Потом на Валентину Михайловну.
— Кто-то ошибся.
Она покачала головой.
— Я сама считала.
— Это невозможно.
— Знаю.
Мы вернулись в третий корпус.
Птицы вели себя нормально.
Клевали корм.
Пили воду.
Шуршали перьями.
Я прошёл вдоль рядов.
Посмотрел на ближайшую клетку.
Там сидели шесть кур.
Все белые.
Обычные.
Но одна отличалась.
Совсем немного.
У неё был слишком длинный клюв.
Не уродство.
Не травма.
Просто пропорции казались неправильными.
Я наклонился ближе.
Курица повернула голову.
Посмотрела на меня.
И медленно открыла клюв.
Из него раздался звук.
Не кудахтанье.
Не писк.
А тихий человеческий вздох.
Я отшатнулся.

Валентина Михайловна подошла.

— Что?

Я указал на птицу.

Она посмотрела.

И побледнела.

— Сергей, отойди.

— Почему?

Она не ответила.

Только медленно подняла руку.

Показала на соседнюю клетку.

Там сидела ещё одна такая же курица.

Слишком длинный клюв.

Слишком неподвижные глаза.

И ещё одна.

И ещё.

Мы начали осматривать ряды.

В каждой десятой или пятнадцатой клетке находилась птица, которая выглядела немного неправильно.

У одной шея была длиннее обычного.

У другой — странно располагались глаза.

У третьей перья росли в обратную сторону.

Но все они вели себя спокойно.

Ели.

Пили.

Двигались вместе с остальными.

Пока мы не подходили слишком близко.

Тогда они переставали двигаться.

И смотрели на нас.

Валентина Михайловна тихо сказала:

— Они не новые.

Я посмотрел на неё.

— Что?

— Они были здесь раньше.

— Откуда?

Она покачала головой.

— Не знаю.

Потом добавила:

— Но теперь я понимаю, почему мужчина считал.

Мы стояли посреди корпуса.

Вокруг шумели тысячи птиц.

Я смотрел на клетки.

И постепенно осознавал страшную вещь.

Мужчина не приходил забирать кур.

Он приходил проверять, сколько их стало.

На следующий день директор распорядился провести полную инвентаризацию.

Мы пересчитали птицу.

Проверили документы.

Сверили данные по корпусам.

Всё совпало.

Ровно сорок тысяч.

Но Валентина Михайловна настояла на отдельном осмотре птиц с аномальными признаками.

Их оказалось двести четырнадцать.

Ветеринарный врач, приехавший из областного центра, осмотрел несколько особей.

Сказал, что у птиц могут быть врождённые дефекты развития.

Предложил провести лабораторные исследования.

Но когда попытался взять одну курицу в руки, та неожиданно произнесла:

— Не надо.

Врач замер.

Я стоял рядом.

Слышал отчётливо.

Два слова.

Тихим человеческим голосом.

— Не надо.

Врач медленно опустил птицу.

Посмотрел на нас.

— Кто это сказал?

Никто не ответил.

Курица стояла в клетке.

Смотрела на него.

Потом закрыла глаза.

В тот же вечер директор вызвал специалистов.

Приехали люди из ветеринарной службы, представители районной администрации, сотрудники лаборатории.

Птиц с аномальными признаками изолировали.

Часть отправили на исследования.

Фабрику временно закрыли для поставок.

Начали санитарную проверку.

Я надеялся, что наконец всё закончится.

Но ночью снова наступила тишина.

На этот раз я был не один.

В охранной комнате находились два сотрудника службы безопасности и ветеринарный инспектор.

В 02:54 птицы одновременно замолчали.

Мы смотрели на мониторы.

Все корпуса.

Все ряды.

Тысячи белых тел.

Неподвижных.

И все головы повёрнуты к старому кормоцеху.

Инспектор прошептал:

— Господи.

На камере возле кормоцеха появился мужчина.

Тот самый.

Серые брюки.

Белая рубашка.

Он стоял под фонарём.

Смотрел на третий корпус.

Потом медленно повернулся к камере.

И поднял руку.

Показал три пальца.

Я не понял.

Но Валентина Михайловна, которая находилась в первом корпусе, позвонила почти сразу.

— Сергей, сколько он показывает?

— Три.

Она тяжело выдохнула.

— Значит, осталось три.

— Чего?

— Ночи.

Я почувствовал, как холодеют пальцы.

— До чего?

Она ответила:

— До пересчёта.

Я хотел спросить подробнее.

Но в этот момент на мониторе произошло движение.

Мужчина подошёл к третьему корпусу.

Остановился возле стены.

Приложил ладонь к бетону.

И птицы внутри начали двигаться.

Не хаотично.

Не от страха.

Они медленно поворачивались.

Одна за другой.

Пока все не оказались лицом к нему.

Мужчина стоял неподвижно.

Потом тихо сказал что-то.

Камера была без звука.

Но я увидел движение его губ.

Он произнёс три слова.

Я не мог разобрать.

Тогда инспектор рядом со мной вдруг сказал:

— Он спрашивает, сколько нас.

Я повернулся.

— Что?

Инспектор смотрел на экран.

Лицо было белым.

— Он спрашивает, сколько нас здесь.

В этот момент я понял, что мужчина не считает птиц.

Он считает людей.

Мы начали проверять записи.

И обнаружили странную закономерность.

Каждый раз, когда мужчина появлялся возле кормоцеха, на фабрике находилось определённое количество сотрудников.

В 1996 году — двадцать три.

В первую ночь — трое.

Во вторую — четверо.

Но на старых записях иногда появлялись люди, которых никто не знал.

Они стояли возле корпусов.

Ходили по территории.

Смотрели в камеры.

А потом исчезали.

Я попросил директора предоставить списки сотрудников за последние тридцать лет.

Он сначала отказался.

Потом согласился.

Мы начали сравнивать.

И обнаружили, что некоторые люди, числившиеся в штатном расписании, никогда не существовали.

По крайней мере, никто их не помнил.

У них были фамилии.

Табельные номера.

Зарплатные ведомости.

Но не было личных дел.

Фотографий.

Адресов.

И никто не мог вспомнить, чтобы они работали на фабрике.

Я понял, что мужчина приходит не считать живых.

Он проверяет, сколько людей ещё осталось людьми.

На третью ночь мы решили не ждать.

Директор распорядился полностью остановить производство и вывести персонал.

Птицу оставили под автоматическим контролем оборудования и минимальным необходимым обслуживанием, организованным вне опасной зоны.

К полуночи территория почти опустела.

Я остался с двумя сотрудниками безопасности.

Валентина Михайловна отказалась уезжать.

Сказала, что должна увидеть конец.

В 02:47 птицы замолчали.

Мужчина появился возле кормоцеха.

На этот раз он не стоял под фонарём.

Он сразу пошёл к третьему корпусу.

Мы наблюдали по камерам.

Он подошёл к стене.

Приложил ладонь.

Потом повернулся к объективу.

И улыбнулся.

В этот момент из всех корпусов раздался звук.

Тихий.

Почти неслышный.

Сначала я не понял, что это.

Потом почувствовал, как волосы поднимаются на затылке.

Птицы говорили.

Не отдельные слова.

Не человеческие фразы.

Они произносили звуки.

Сотни.

Тысячи.

Одновременно.
И постепенно эти звуки складывались в один голос.
Низкий.
Хриплый.
Нечеловеческий.
Он произнёс:
— МАЛО.
Мужчина в белой рубашке перестал улыбаться.
Посмотрел на корпуса.
Потом на старый кормоцех.
И впервые за всё время побежал.
Он добежал до двери.
Рванул ручку.
Дверь не открылась.
Он ударил плечом.
Потом кулаками.
Птицы продолжали говорить.
— МАЛО.
— МАЛО.
— МАЛО.
Я смотрел на экран.
Мужчина бил в дверь.
Кричал.
Но мы не слышали его голоса.
Потом он повернулся к камере.
И я увидел, что он плачет.
Валентина Михайловна тихо сказала:
— Он не их хозяин.
Я посмотрел на неё.
— Что?
Она ответила:
— Он сторож.
Я вспомнил Николая Фёдоровича.
Сторожа, исчезнувшего в 1996 году.
Мужчину, который пошёл за незнакомцем.
И вдруг понял.
Тот, кого мы видели все эти ночи, не был неизвестным человеком.
Он был Николаем Фёдоровичем.
Только выглядел моложе.
Я спросил Валентину Михайловну:
— Почему вы раньше не сказали?
Она смотрела на экран.
— Я не узнала его.
— Но вы работали вместе!
— Знаю.
Она закрыла лицо руками.
— Я забыла, как он выглядел.
На экране мужчина продолжал бить в дверь.
Потом остановился.

Посмотрел на корпуса.
И медленно опустился на колени.
В этот момент птицы замолчали.
Наступила тишина.
Потом в третьем корпусе одна курица открыла клюв.
И произнесла:
— ХВАТИТ.
Следом другая.
— ХВАТИТ.
Потом третья.
И четвёртая.
Через несколько секунд тысячи птиц повторяли одно слово.
— ХВАТИТ.
— ХВАТИТ.
— ХВАТИТ.
Я не знаю, что произошло потом.
Камеры отключились.
Свет погас.
Раздался громкий удар.
Земля под ногами дрогнула.
Мы бросились к выходу.
На улице стоял сильный запах горелого металла.
Старый кормоцех исчез.
Не разрушился.
Не сгорел.
Не провалился под землю.
Его просто не стало.
На месте здания находилась ровная бетонная площадка.
Без обломков.
Без пыли.
Без следов фундамента.
Птицы снова начали шуметь.
Обычным птичьим шумом.
Мы стояли посреди двора.
Смотрели на пустое место.
И никто не произносил ни слова.
Утром приехали специалисты.
Провели обследование.
Ничего не обнаружили.
В документах оказалось, что кормоцех снесли ещё в 2004 году.
На старых спутниковых снимках его не было.
На планах фабрики тоже.
Но мы все помнили здание.
Помнили мужчину.
Помнили птиц.
Через неделю производство возобновили.
Аномальных кур больше не обнаружили.
Поголовье оставалось стабильным.
Сорок тысяч.

Ровно.

Я уволился через месяц.

Не смог больше работать по ночам.

Иногда мне звонила Валентина Михайловна.

Говорила, что всё нормально.

Птицы несутся.

Оборудование работает.

Никаких странностей.

Но однажды она сказала:

— Сергей, я тут кое-что вспомнила.

— Что?

— Николай Фёдорович.

Я замер.

— И?

Она помолчала.

— Он не был сторожем.

— А кем?

— Счётчиком.

Я не понял.

— Каким счётчиком?

Она ответила:

— Он каждый вечер пересчитывал птицу вручную.

— Зачем?

— Не знаю.

Пауза.

— Но в его журнале всегда было на одну больше.

Я попросил её прислать фотографию журнала.

Она прислала.

Старые страницы.

Даты.

Количество голов.

И каждый день в последней графе стояла единица.

Не плюс один.

Не ошибка.

Просто цифра.

На последней странице журнала находилась запись.

Почерк был неровный.

«Если они перестанут шуметь, значит, снова считают. Не отвечать на вопросы. Не называть количество людей. Не открывать кормоцех. Они не умеют отличать одного от многих».

Ниже:

«Пока есть птицы, они считают птиц».

Я долго смотрел на эти слова.

Потом понял, почему мужчина боялся.

Он не пытался забрать людей.

Он пытался не дать чему-то другому их заметить.

Но если кормоцех исчез, значит, больше нет того, кто отвлекал внимание.

И тогда возникает вопрос.

Кого теперь будут считать?

Ответ я получил вчера.

Валентина Михайловна позвонила поздно вечером.

Голос дрожал.

— Сергей, у нас опять тишина.

Я почувствовал холод.

— Птицы?

— Нет.

— Что тогда?

Она тяжело дышала.

— Люди.

Я не понял.

— Какие люди?

— Все.

— Что значит «все»?

Она заплакала.

— Сергей, на фабрике сегодня было двадцать семь человек.

— И?

— Они перестали разговаривать.

Я молчал.

Валентина Михайловна продолжила:

— Стоят. Смотрят на северную стену. Не двигаются.

— Вызовите помощь!

— Уже вызвали.

— И?

Пауза.

— Приехали трое.

— Ну?

Она прошептала:

— Теперь их тридцать.

Связь оборвалась.

Я пытался дозвониться до неё всю ночь.

Безрезультатно.

Утром в новостях появилось короткое сообщение о временной остановке предприятия из-за технической неисправности.

Никаких пострадавших.

Никаких происшествий.

Сегодня я приехал к фабрике.

Ворота были закрыты.

На территории стояли машины.

Через забор я видел людей.

Они ходили между корпусами.

Разговаривали.

Курили.

Всё выглядело нормально.

Я уже собирался уехать, когда заметил мужчину возле проходной.

Серые брюки.

Белая рубашка.

Лет сорок.

Он стоял у стены и смотрел на меня.

Потом поднял руку.

Показал один палец.
Я сел в машину.
Завёл двигатель.
Но прежде чем уехать, посмотрел на территорию ещё раз.
Мужчина исчез.
Зато возле проходной стояла Валентина Михайловна.
Она смотрела на меня.
И медленно качала головой.
Я не стал выходить.
Уехал.
Потому что понял наконец, что означала единица в старом журнале.
Не количество лишних птиц.
Не ошибка учёта.
Это был тот, кого нельзя было считать вместе с остальными.
Тот, кто оставался отдельно.
Вечером я нашёл в кармане куртки маленький бумажный ярлык.
Такие крепили к клеткам при инвентаризации.
На нём стояла дата.
Сегодняшняя.
Ниже — номер.
И подпись:
«ОСОБЬ УЧТЕНА».
Я долго держал ярлык в руках.
Потом положил на стол.
И впервые за много лет услышал настоящую тишину.
Не потому, что вокруг не было звуков.
За окном ехали машины.
Работал холодильник.
Соседи разговаривали за стеной.
Но я вдруг понял, что больше не слышу собственного дыхания.
Я попытался вдохнуть глубже.
Воздух вошёл в лёгкие.
Грудь поднялась.
Но звука не было.
Я подошёл к зеркалу.
Посмотрел на себя.
Обычное лицо.
Седые волосы.
Усталые глаза.
Ничего странного.
Потом заметил, что мои губы шевелятся.
Хотя я молчал.
Я наклонился ближе.
И прочитал по губам одно слово.
«ХВАТИТ».
Конец.

Я разбирал вещи умершего соседа. В одной коробке лежали письма, которые он так и не отправил

Последнее письмо было адресовано мне.

На конверте стояло моё имя, номер квартиры и дата — 14 октября прошлого года.

К тому дню мы уже одиннадцать лет жили на одной лестничной площадке. Иногда здоровались, пару раз вместе ждали лифт. Однажды я помог ему донести из магазина упаковку воды. Вот и всё наше знакомство.

Но я не знал, что он записывал всё, что происходило в моей квартире.

Не знал, что у него был ключ.

И уж точно не знал, почему в письме он просил меня никогда не открывать кладовку за кухней.

Никакой кладовки у меня не было.

По крайней мере, я так думал.

Соседа звали Николай Петрович Гордеев.

Ему было семьдесят восемь.

Невысокий, сухой старик с аккуратной седой бородкой и привычкой носить рубашки с застёгнутым верхним воротником.

Он жил в сорок второй. Наши двери выходили на площадку друг напротив друга.

Один.

Жена умерла давно. Детей, насколько я знал, не было.

Мы почти не общались.

Утром он выходил за хлебом. По средам приносил домой газеты. Летом иногда сидел во дворе на скамейке, но никогда не участвовал в разговорах других пенсионеров.

Его нашли в конце ноября.

Умер во сне.

Сердце.

Мне об этом сообщила председатель нашего ТСЖ, потому что именно я первым пожаловался на запах из квартиры.

Через две недели приехала женщина лет пятидесяти.

Представилась племянницей Гордеева.

Звали её Светлана.

Она жила в другом городе и, по её словам, не видела дядю почти двадцать лет.

Квартиру собиралась продавать.

Вещи — выбрасывать.

Мы встретились возле лифта.

Она спросила, не знаю ли я кого-нибудь, кто помог бы вынести старую мебель.

Я сказал, что могу помочь в выходные.

Не из особого благородства.

Просто у меня тогда был отпуск, а женщина выглядела совершенно измученной.

В субботу мы начали разбирать квартиру.

Там было удивительно чисто.

Старая мебель, ковёр на стене, книжные шкафы, радиоприёмник, телевизор с толстым корпусом.

Никаких гор мусора.

Никакого хлама, который обычно накапливают одинокие пожилые люди.

Только бумаги.

Очень много бумаг.

Они лежали в ящиках письменного стола, в коробках под кроватью, на антресолях.

Светлана открыла одну коробку.

Внутри находились конверты.

Белые, пожелтевшие, серые.

На каждом — адрес и дата.

— Письма, — сказала она. — Наверное, переписывался с кем-то.

Я взял верхний конверт.

На нём было написано:

«Квартира 38. Анне Сергеевне. 12 марта 2009 года».

Я нахмурился.

— Это же наш дом.

— Что?

— Тридцать восьмая квартира. Этажом ниже.

Светлана пожала плечами.

— Может, знакомая.

Я перевернул конверт.

Марки не было.

Почтового штемпеля тоже.

Мы нашли четыре коробки.

В каждой лежали десятки писем.

Все адресованы жильцам нашего дома.

Некоторые — людям, которые давно переехали.

Некоторые — умершим.

На многих конвертах стояли даты пятнадцати- и двадцатилетней давности.

Светлана предложила выбросить всё вместе с остальными бумагами.

Но я заметил знакомую фамилию.

«Квартира 31. Елене Вороновой».

Елена Воронова жила на пятом этаже.

Погибла четыре года назад.

Упала с балкона.

Официально — несчастный случай.

Я помнил её хорошо, потому что в тот вечер возвращался с работы и видел возле подъезда скорую.

На конверте стояла дата за два месяца до её смерти.

Я захотел узнать, что он писал ей за два месяца до падения. И открыл письмо. Теперь мне неприятно вспоминать, как легко я это сделал.

Внутри был обычный лист бумаги.

Почерк мелкий, аккуратный.

«Елена Викторовна.

Я понимаю, что вы не хотите со мной разговаривать. Но прошу вас ещё раз: не оставляйте окно открытым, когда уходите на работу.

Вы считаете, что я преувеличиваю. Возможно.

Однако в прошлый четверг я снова видел, как мужчина из сорок шестой квартиры выходил на ваш балкон.

Я не знаю, каким образом он туда попадает.

И не знаю, зачем ему ваши фотографии.

Пожалуйста, поменяйте замки.

Н. Гордеев».

Я перечитал письмо.

Потом посмотрел на Светлану.

— Он что, за соседями следил?

Она взяла лист.

Прочитала.

Поморщилась.

— Господи. Может, у него с головой было плохо?

Я не ответил.

Потому что вспомнил одну вещь.

В сорок шестой квартире жил мужчина по фамилии Мельников.

И четыре года назад его действительно задерживали.

Но не за убийство.

За кражи.

Он проникал в квартиры соседей, пока те находились на работе.

Полиция обнаружила у него чужие документы, украшения и фотографии.

Я узнал об этом от участкового.

Никто тогда не связывал его с гибелью Вороновой.

Я попросил Светлану не выбрасывать письма.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Зачем они тебе?

— Хочу разобраться.

— В чём?

Я показал конверт.

— Возможно, здесь есть что-то важное.

Она устало махнула рукой.

— Забирай. Только потом не говори, что я тебя не предупреждала.

Вечером я принёс домой две коробки.

Поставил на кухонный стол.

Налил чай.

И начал читать.

Первые письма оказались довольно скучными.

Гордеев жаловался соседям на незапертые двери, оставленные включёнными электроприборы, подозрительных посетителей.

Но постепенно я заметил странность.

Он почти никогда не писал о том, что видел сам.

Он писал о том, что слышал.

«Вчера в 23:16 вы снова передвигали мебель».

«Во вторник после полуночи у вас работала вода».

«Я слышал, как ваш сын вернулся домой в 02:40».

Сначала мне показалось, что старик просто страдал бессонницей.

Потом я вспомнил расположение квартир.

Гордеев жил в сорок второй.

Но письма касались людей с первого по девятый этаж.

Он физически не мог слышать всё, о чём писал.

Я разложил конверты по датам.

Самые ранние относились к 1998 году.

Самые поздние — к прошлому октябрю.

Некоторые адресаты получали по несколько писем.

Другие — только одно.

И почти все письма содержали предупреждения.

«Не оставляйте дочь одну с репетитором».
«Проверьте газовую колонку».
«Не соглашайтесь подписывать документы, которые принесёт мужчина в сером пальто».
«Спросите у мужа, почему он возвращается домой через чёрную лестницу».
Я читал до трёх часов ночи.
Потом нашёл письмо, после которого уже не смог остановиться.
Оно было адресовано женщине из квартиры двадцать семь.
Датировано 18 мая 2016 года.
«Марина Алексеевна.
Сегодня в 06:12 ваш сын снова плакал за стеной.
Я знаю, что вы считаете его умершим.
Но я прошу вас не включать воду в ванной, когда слышите плач.
В прошлый раз после этого он плакал ещё сорок минут.
Если вы не можете выдержать, позвоните мне.
Я приду.
Н. Гордеев».
Я долго смотрел на лист.
Марину Алексеевну я помнил.
Она жила в нашем подъезде с мужем и маленьким сыном.
Мальчик погиб в 2015 году.
Утонул в ванной.
Мать на несколько минут вышла на кухню.
После трагедии семья переехала.
Я перечитал письмо.
Особенно одну фразу.
«Сегодня в 06:12 ваш сын снова плакал за стеной».
Гордеев писал это через год после смерти ребёнка.
Я решил, что старик действительно был психически нездоров.
Тогда мне показалось, что я понимаю, зачем он всё это писал.
Навязчивое наблюдение.
Предупреждения.
Но оставался вопрос: почему некоторые из них совпадали с реальными происшествиями?
На следующий день я пошёл к председателю ТСЖ.
Её звали Людмила Викторовна.
Она работала в нашем доме почти двадцать лет.
Я спросил, помнит ли она Гордеева.
— Конечно. Очень неприятный человек.
Я удивился.
— Почему?
Она поморщилась.
— Всё время жаловался.
— На что?
— На шум. На соседей. На какие-то голоса.
Потом добавила:
— А однажды вообще потребовал вскрыть стену в своей квартире.
Я насторожился.
— Какую стену?
— Между кухней и ванной.
— Зачем?

Она пожала плечами.
— Говорил, что там кто-то живёт.
Я почувствовал неприятный холод.
— И что сделали?
— Ничего. Он даже заявление официально не написал.
Я спросил, когда это было.
Она подумала.
— Лет десять назад. Может, больше.
Я вернулся домой.
Снова открыл коробку.
Нашёл письма за 2014 год.
И обнаружил три конверта, адресованных самому Гордееву.
На первом было написано:
«Николаю Петровичу. Не отправлять».
Внутри находился лист.
«Сегодня снова слышал женщину.
Она называла своё имя.
Сначала думал, что голос идёт из вентиляции.
Но вентиляция не может повторять слова, которые я ещё не произнёс.
Проверил стену. Следов ремонта нет.
Нужно перестать отвечать».
Второе письмо было написано через четыре дня.
«Она сказала, что её зовут Ольга.
Спросила, почему я не открываю.
Я сказал, что не знаю, где дверь.
После этого она заплакала.
Плакала почти всю ночь.
Утром обнаружил на кухне мокрые следы.
Следы маленькие. Босые.
Доходят до стены и обрываются».
Третье письмо было короче.
«Сегодня она сказала, что я уже открывал.
И что тогда обещал вернуться.
Я не помню этого.
Но на внутренней стороне кухонного шкафа нашёл надпись своим почерком.
НЕ ВЕРЬ ЕЙ.
Почерк мой.
Смысл не понимаю».
Я отложил письма.
Посмотрел на стену кухни.
За ней находилась квартира Гордеева.
Я никогда раньше об этом не задумывался.
За поворотом площадки наши кухни примыкали друг к другу.
Между ними — несущая стена.
Я приложил ладонь к обоям.
Стена была холодной.
Обычной.
Вечером я позвонил Светлане.
Спросил, не нашла ли она среди вещей дяди какие-нибудь записи о ремонте.

Она ответила, что нашла старую папку.
В ней лежали планы квартиры, квитанции и несколько фотографий.
Я попросил показать.
Мы встретились на следующий день.
Светлана принесла папку.
Я разложил документы на столе.
План квартиры был датирован 1987 годом.
Двухкомнатная.
Кухня.
Ванная.
Туалет.
Коридор.
Кладовая.
Я нахмурился.
— Подожди.
Светлана посмотрела.
— Что?
Я указал на план.
— Здесь кладовка.
— Ну да.
— А в квартире её нет.
Мы прошли на кухню.
Осмотрели стены.
Там стоял старый холодильник, шкаф, газовая плита.
Никакой кладовки.
Я снова посмотрел на план.
Кладовая должна была находиться между кухней и ванной.
Небольшое помещение.
Примерно полтора квадратных метра.
Светлана пожала плечами.
— Может, заложили при ремонте.
— Возможно.
Я попросил разрешения осмотреть стену.
Она согласилась.
Мы отодвинули шкаф.
За ним обнаружилась старая плитка.
На одной из плиток была маленькая трещина.
Я постучал.
Звук был глухой.
Потом постучал чуть левее.
Звук изменился.
Светлана посмотрела на меня.
— Там пустота?
— Похоже.
Я не стал ничего вскрывать.
Сказал, что лучше вызвать специалиста.
Светлана согласилась.
Вечером я снова читал письма.
И нашёл одно, которое изменило всё.

Оно было датировано 1999 годом.
Адресовано неизвестному человеку.
На конверте стояло только:
«Тому, кто будет после меня».
Внутри находились четыре страницы.
Я прочитал их три раза.
«Если вы нашли эти письма, значит, я больше не могу следить за домом.
Я должен объяснить, почему начал их писать.
В 1998 году в нашем подъезде произошёл пожар.
Официально — короткое замыкание.
Погибли двое.
Но я знаю, что погибших было трое.
Третьей была девочка.
Её звали Ольга.
Ей было шесть лет.
Она жила в квартире, которой больше нет».
Я остановился.
Перечитал.
«Квартира находилась между сорок первой и сорок второй.
Номер у неё был сорок один „А“.
После пожара её замуровали.
Планировку изменили.
Документы исправили.
Все сделали вид, что помещения никогда не существовало.
Я участвовал в этом.
И теперь понимаю, что совершил ошибку».
Я почувствовал холод.
«Ольга не погибла в пожаре.
Она осталась внутри.
Мы слышали, как она стучала.
Сначала три дня.
Потом неделю.
Потом месяц.
Но когда вскрыли стену, там никого не было.
Только детская кровать.
И мокрые следы на полу.
После этого стену заложили снова».
Я долго смотрел на текст.
«С тех пор я слышу жильцов.
Не всех.
Только тех, кто скоро потеряет кого-то.
Сначала думал, что это совпадения.
Потом понял: голоса идут не из квартир.
Они идут из той комнаты.
Ольга повторяет то, что услышала.
Иногда заранее.
Иногда после.
Я пытался предупреждать людей.
Но письма не отправлял.

Потому что каждый раз, когда я предупреждал кого-то лично, происходило что-то хуже».
Последняя страница была написана другим почерком.
Крупнее.
Неровнее.
«Если вы живёте в сорок третьей квартире, не открывайте кладовку за кухней.
Она находится не у меня.
Она у вас.
В моей квартире только стена.
В вашей — дверь.
Я не знаю, почему.
Но Ольга сказала, что следующий должен жить напротив.
И теперь я слышу, как она произносит ваше имя».
Я посмотрел на конверт.
1999 год.
В 1999 году я жил в другом городе.
Мне было двадцать один.
В этот дом я переехал только в 2013-м.
Но Гордеев писал обо мне за четырнадцать лет до нашего знакомства.
Я встал.
Прошёл на кухню.
Посмотрел на стену.
У меня за кухонным гарнитуром действительно была небольшая ниша.
Я никогда её не открывал.
Когда покупал квартиру, прежний хозяин сказал, что там старый сантехнический шкаф.
Он был закрыт листом фанеры.
Сверху наклеены обои.
Я всегда считал, что за ним проходят трубы.
Теперь я подошёл ближе.
Постучал.
Звук был пустой.
Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.
Взял отвёртку.
Поддел край фанеры.
Она немного отошла.
За ней была дверь.
Маленькая.
Деревянная.
Покрашенная белой краской.
На двери висела табличка.
Пожелтевшая.
С чёрными цифрами.
41А.
Я отступил.
Потом услышал голос.
Детский.
Очень тихий.
— Дядя Андрей?
Я замер.
Голос повторил:

— Вы нашли письма?
Я не ответил.
— Николай Петрович говорил, что вы хороший.
Я почувствовал холод.
— Он обещал, что вы придёте.
Я отступил ещё на шаг.
— Почему вы молчите?
Я хотел уйти.
Но вдруг услышал плач.
Тихий.
Детский.
— Мне страшно.
Я стоял неподвижно.
— Здесь темно.
Я закрыл глаза.
Потом вспомнил письмо Гордеева.
«Не открывайте».
Я развернулся.
Вышел из кухни.
Закрыл дверь.
В ту ночь я не спал.
Около трёх часов услышал стук.
Три коротких удара.
Пауза.
Ещё три.
Звук шёл из кухни.
Я лежал в кровати.
Не двигался.
Потом услышал голос.
— Дядя Андрей.
Я закрыл глаза.
— Николай Петрович тоже сначала боялся.
Я не ответил.
— А потом привык.
Голос стал тише.
— Вы тоже привыкнете.
Утром я позвонил в управляющую компанию.
Попросил прислать специалиста для обследования стены.
Мне сказали, что смогут приехать через неделю.
Я решил не ждать.
Собрал вещи.
Уехал к брату.
Через два дня Светлана позвонила.
Сказала, что нашла ещё одну коробку.
Внутри лежали фотографии.
И письма.
Я попросил прислать снимки.
На первой фотографии был наш подъезд.
Старый.

Ещё до ремонта.
На второй — лестничная площадка.
Три двери.
Сорок первая.
Сорок первая «А».
Сорок вторая.
Я почувствовал холод.
На третьей фотографии стояли люди.
Мужчина.
Женщина.
Маленькая девочка.
Девочка была лет шести.
Светлые волосы.
Платье в цветочек.
На обратной стороне было написано:
«Ольга. 1998».
Я долго смотрел на фотографию.
Потом заметил, что девочка держит в руках конверт.
Белый.
С моим именем.
Я увеличил изображение.
Почерк был знакомый.
Гордеева.
На конверте стояла дата.
14 октября прошлого года.
Я почувствовал холод.
Это было невозможно.
Я позвонил Светлане.
Спросил, откуда фотография.
Она ответила, что лежала в коробке.
Я попросил прислать остальные.
На следующей фотографии была кухня Гордеева.
Старая мебель.
Стол.
Шкаф.
Возле стены стоял мужчина.
Николай Петрович.
Молодой.
Лет сорока.
Он держал в руках молоток.
За его спиной виднелась открытая дверь.
А внутри — маленькая комната.
На полу лежал матрас.
На стене висели детские рисунки.
И сидела девочка.
Та самая.
Ольга.
Но она была не одна.
Рядом сидел мальчик.

Лет десяти.
Тёмные волосы.
Худой.
Я почувствовал холод.
Потому что узнал его.
Это был я.
Не похожий мальчик.
Не случайное сходство.
Я.
На фотографии у меня был шрам над правой бровью.
Я получил его в десять лет, когда упал с велосипеда.
Я долго смотрел.
Потом вспомнил одну вещь.
В детстве я действительно жил в этом городе.
Недолго.
Около года.
Мы переехали, когда мне было одиннадцать.
Я почти ничего не помнил о том времени.
Родители говорили, что жили в общежитии.
Но теперь я не был уверен.
Я позвонил матери.
Ей было семьдесят два.
Она жила в другом городе.
Спросил:
— Мам, мы когда-нибудь жили на улице Строителей?
Пауза.
— Зачем тебе?
Я почувствовал холод.
— Просто вспомнил.
Она долго молчала.
Потом спросила:
— Ты туда вернулся?
Я не ответил.
— Андрей, — сказала она. — Ты же обещал.
Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.
— Что обещал?
Мать заплакала.
— Что больше никогда не откроешь.
Я молчал.
— Мам, что произошло?
Она долго не отвечала.
Потом сказала:
— Ты был маленький.
Я почувствовал холод.
— И?
— Ты дружил с девочкой.
Я закрыл глаза.
— Ольгой?
Мать всхлипнула.

— Да.
Я молчал.
— Она жила за стеной.
Я почувствовал холод.
— Что с ней случилось?
Мать ответила:
— Мы не знаем.
Я долго молчал.
— Но ты тогда сказал, что она не хочет выходить.
Я почувствовал холод.
— Почему?
Мать ответила:
— Потому что там кто-то был.
Я закрыл глаза.
— Кто?
Пауза.
— Ты.
Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.
— Что?
Мать плакала.
— Ты сказал, что в комнате сидит другой мальчик.
Я молчал.
— Такой же, как ты.
Я почувствовал холод.
— И что потом?
Она ответила:
— Ты открыл дверь.
Я закрыл глаза.
— А дальше?
Мать долго молчала.
Потом сказала:
— Мы тебя потеряли.
Я почувствовал холод.
— Но я же здесь.
Она ответила:
— Да.
Пауза.
— Через три дня ты вернулся.
Я молчал.
— Но больше никогда не говорил об Ольге.
Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.
— Мам…
Она перебила:
— Андрей, пожалуйста, не возвращайся туда.
Я не ответил.
— Мы тогда не знали, кого забрали из той комнаты.
Связь оборвалась.
Я долго сидел неподвижно.
Потом посмотрел на фотографию.

Мальчик рядом с Ольгой смотрел прямо в камеру.
И улыбался.
А я не помнил, чтобы когда-нибудь так улыбался.
На следующий день я вернулся в квартиру.
Не знаю зачем.
Наверное, хотел убедиться, что всё это реально.
Дверь в кладовку была закрыта.
Я подошёл.
Приложил ухо.
Тишина.
Потом услышал шорох.
И голос.
Но уже не детский.
Мужской.
Мой.
— Андрей.
Я почувствовал холод.
— Ты наконец вспомнил?
Я не ответил.
— Я ждал.
Я стоял неподвижно.
— Николай Петрович обещал, что ты вернёшься.
Я почувствовал холод.
— Кто ты? — спросил я.
Пауза.
Потом голос ответил:
— Тот, кого вы оставили.
Я закрыл глаза.
— Где?
— Здесь.
Я молчал.
— За дверью.
Я почувствовал, как сердце начинает биться быстрее.
— Что тебе нужно?
Голос ответил:
— Чтобы ты прочитал последнее письмо.
Я вспомнил конверт.
Тот самый.
Адресованный мне.
Я достал его из коробки.
Открыл.
Внутри лежал лист бумаги.
«Андрей.
Если ты читаешь это письмо, значит, я умер.
Я должен был рассказать тебе всё раньше.
Но не смог.
Когда ты был ребёнком, мы действительно открыли комнату.
Внутри находились двое детей.
Ты и Ольга.

Но через несколько минут мы обнаружили, что настоящий Андрей стоит рядом с нами.
Мы не знали, кто из вас настоящий.
Твоя мать забрала одного.
Другого оставили в комнате.
Я помог заложить дверь.
С тех пор каждый год я слышал, как он растёт.
Сначала он плакал.
Потом просил выпустить.
Потом начал говорить твоим голосом.
В прошлом году он сказал, что больше не хочет ждать.
Я не знаю, кто из вас настоящий.
Но знаю одно.
Тот, кто остался за дверью, никогда не выходил.
И теперь он знает, где ты живёшь.
Прости меня.
Николай Гордеев».
Я долго смотрел на письмо.
Потом услышал голос.
— Ну что?
Я молчал.
— Теперь понимаешь?
Я почувствовал холод.
— Нет.
Голос тихо засмеялся.
— Конечно.
Я посмотрел на дверь.
— Что тебе нужно?
Пауза.
— Ничего.
Я нахмурился.
— Тогда зачем ты меня звал?
Голос ответил:
— Я не звал.
Я почувствовал холод.
— Что?
— Это ты пришёл.
Я молчал.
— Сам.
Потом голос добавил:
— Как и в прошлый раз.
Я отступил.
В этот момент за дверью раздался стук.
Три удара.
Пауза.
Потом ещё три.
Я не открыл.
Вышел из квартиры.
Спустился по лестнице.
И только на улице понял, что всё ещё держу письмо.

Я посмотрел на последнюю страницу.
Там была приписка.
Мелкая.
Почти незаметная.
«Если он попросит открыть, не открывай.
Если скажет, что ты уже открывал, не верь.
Но если он скажет, что не звал тебя…
Уходи.
Потому что тогда он уже вышел».
Я почувствовал холод.
Медленно поднял голову.
Посмотрел на окна своей квартиры.
На кухне горел свет.
Возле окна стоял человек.
Он смотрел на меня.
И улыбался.
Я узнал его.
Это был я.
Но не тот, кто стоял сейчас на улице.
Тот, кто остался за дверью.
Я не знаю, что произошло дальше.
Помню только, что побежал.
Не оглядывался.
Не останавливался.
Сейчас я живу в другом городе.
Снимаю небольшую квартиру.
Работаю удалённо.
Стараюсь не вспоминать тот дом.
Но вчера вечером получил письмо.
Обычный белый конверт.
Без марки.
Без обратного адреса.
На нём было написано:
«Андрею. Лично».
Внутри лежала фотография.
На ней был я.
Стоял возле окна своей новой квартиры.
Фотография сделана с улицы.
Но самое страшное было не это.
На обратной стороне находилась надпись.
Почерк Гордеева.
«Андрей, я ошибся.
В комнате не было второго мальчика.
Там был первый.
И он до сих пор ждёт, когда ты вернёшься».
Я долго смотрел на фотографию.
Потом заметил маленькую деталь.
На снимке за моей спиной виднелась дверь.
Белая.

Деревянная.
С табличкой.
41А.
Я обернулся.
За моей спиной была обычная стена.
Но изнутри раздался стук.
Три удара.
Пауза.
Ещё три.
И тихий детский голос спросил:
— Андрей, ты опять забыл меня?
Я не ответил.
Потому что впервые за много лет вспомнил девочку по имени Ольга.
И вспомнил, что именно я сказал ей, прежде чем мы закрыли дверь.
«Я скоро вернусь».
Но теперь я не уверен, кому именно это обещал.
Конец.

Я двадцать лет работаю ветеринаром. В прошлом году животные начали приносить нам своих детёнышей

За двадцать лет ветеринарной практики я привык к тому, что животные иногда ведут себя гораздо разумнее людей.

Видел собак, которые приводили хозяев к раненым сородичам. Кошек, оставлявших котят возле домов, где их однажды покормили. Ворону, несколько дней таскавшую еду другой вороне с повреждённым крылом.

Ничего сверхъестественного в этом нет. Животные способны обучаться, запоминать, устанавливать достаточно сложные причинно-следственные связи. Просто мы часто недооцениваем их возможности.

Но за все годы работы я не видел, чтобы мать принесла нам одного детёныша, у которого мы не нашли явных признаков болезни, а остальных продолжала кормить как ни в чём не бывало.

До двадцать второго апреля прошлого года.

Тогда всё и началось.

Наша клиника находится в небольшом городе, население которого составляет около восьмидесяти тысяч человек. Обычная провинция. Несколько промышленных предприятий, частный сектор, дачные товарищества. За городской чертой начинаются довольно обширные смешанные леса.

Клинику мы открыли вместе с моей бывшей однокурсницей Еленой двенадцать лет назад. Со временем расширились, оборудовали операционную, приобрели аппарат УЗИ, организовали небольшой стационар.

Работаем круглосуточно.

В ту апрельскую ночь дежурила Кристина, наш молодой ветеринарный фельдшер. Около половины второго она позвонила мне домой.

— Виктор Андреевич, у нас тут собака странная.

— Что с ней?

— Да вроде ничего. Щенка принесла.

— Хозяева где?

— Нет хозяев. Уличная.

Я спросил, зачем она звонит по такому поводу. Кристина ответила, что собака принесла щенка прямо к входной двери, положила на асфальт и теперь сидит возле парковки. При каждой попытке приблизиться к ней начинает рычать.

— Щенок живой?

— Да. Хорошенький такой. Дней десять ему, наверное.

— Осмотри. Согрей. Утром разберёмся.

— Виктор Андреевич, она его боится.

— Кто?

— Собака.

Я решил, что девушка неправильно интерпретирует поведение животного. Мало ли что случилось с этой сукой. Стресс после родов, мастит, истощение, нарушение материнского поведения. Причин достаточно.

Утром, приехав на работу, я увидел щенка в небольшом боксе под инфракрасной лампой.

Обычная дворняга. Чёрная шерсть, коричневые подпалины, белое пятно на груди. Глаза только начали открываться. Состояние удовлетворительное, температура соответствовала возрасту, живот мягкий, признаков обезвоживания не было.

Кристина показала мне запись наружной камеры.

Собака появилась со стороны дороги. Несла щенка, осторожно удерживая зубами за складку кожи. Возле входа положила его на землю, отступила и замерла.

Щенок немного пошевелился.

Собака резко отпрыгнула.

Затем она несколько раз приблизилась к нему. Каждый раз опускала голову, словно собиралась забрать детёныша обратно, но в последний момент отскакивала.

На записи было хорошо видно положение ушей и хвоста.

По записи я понял, почему Кристина решила, что собака испугалась.

Когда из клиники вышла дежурная, животное отступило к парковке. Просидело там ещё две минуты, наблюдая за тем, как девушка поднимает щенка, а потом убежало.

— Может, остальные где-нибудь остались? — спросила Кристина.

— Поищем.

Мы обошли ближайшие дворы, поговорили с работниками соседнего автосервиса. Никто не видел ни собаки, ни других щенков.

Через три дня нашла её местная волонтёрка, которая занималась бездомными животными.

Сука обитала возле заброшенной котельной примерно в километре от клиники. Там, под бетонной плитой, находился помёт из пяти щенков.

Все были живы. Собака кормила их и совершенно нормально реагировала на детёнышей.

Шестого щенка мы попытались вернуть.

Я присутствовал при этом лично.

Волонтёрка положила малыша на землю примерно в двух метрах от собаки. Та поднялась, посмотрела на него и издала звук, который мне до сих пор неприятно вспоминать.

Не лай. Не рычание.

Тонкий, почти щенячий визг.

Затем схватила одного из остальных детёнышей и бросилась прочь.

Вернулась за следующим.

И за следующим.

За несколько минут она перенесла весь помёт в заросли возле ограды.

Когда волонтёрка снова приблизилась с шестым щенком, собака бросилась на неё.

Еле успел оттащить девушку.

Возвращать малыша больше не пытались.

Назвали его Уголёк.

Вторая пациентка появилась через девять дней.

Небольшая рыжая кошка проникла в клинику через открытую дверь служебного входа. Прошла по коридору, заглянула в процедурную и оставила котёнка возле ног Елены.

Котёнок был совсем маленький, ещё слепой.

Елена решила, что кошка ищет безопасное место для потомства, и принесла картонную коробку с пелёнкой.

Когда положила туда малыша, кошка забилась под шкаф.

Её пришлось выманивать кормом почти двадцать минут.

На котёнка она реагировала агрессивно. Приближаться отказывалась, кормить не пыталась. При этом молочные железы были наполнены, признаков воспаления не обнаружилось.

Я осмотрел котёнка.

Никаких видимых патологий.

Взяли материал на анализы. Котёнка поместили в отдельный бокс. По результатам проверок признаков тех инфекций, на которые брали пробы, не нашли.

Кошку оставили под наблюдением.

Вечером она умудрилась выскользнуть из переноски и выбежать на улицу. Кристина попыталась поймать её, но безуспешно.

Через два дня кошка вернулась.

На этот раз без котёнка.

Она сидела возле стеклянной двери, заглядывая внутрь, пока дежурная не вышла с кормом. Поела, позволила себя погладить, даже начала мурлыкать.

Тогда Кристина принесла её детёныша.

Кошка мгновенно прижалась животом к земле, зашипела и убежала.

Больше мы её не видели.

Котёнка назвали Персиком.

Третьим животным была лиса.

После лисицы я перестал думать, что всё объясняется особенностями поведения бездомных собак и кошек.

Случилось это в начале мая, около пяти часов утра. На улице уже светало. Дежурный врач Артём вышел на крыльцо покурить и увидел лисицу, стоявшую на противоположной стороне дороги.

В пасти она держала лисёнка.

Увидев человека, не убежала. Напротив, пересекла дорогу и подошла к крыльцу.

Артём отступил внутрь помещения.

Лисица поднялась на первую ступеньку, положила детёныша и некоторое время смотрела на врача.

Затем повернулась и побежала.

Когда Артём позвонил мне, я первым делом подумал о бешенстве. Дикие животные, теряющие естественный страх перед человеком, всегда требуют особой осторожности.

Лисёнка поместили отдельно от остальных животных. Связались с государственной ветеринарной службой и описали, как он оказался у нас.

Внешне детёныш выглядел здоровым.

Однако Елена, осматривавшая его вместе со мной, обратила внимание на одну странность.

— Вить, он вообще сопротивляться будет?

Я тоже это заметил.

Даже маленькие дикие животные обычно пытаются вывернуться, укусить, издают характерные звуки. Степень выраженности реакций зависит от возраста, состояния и многих других факторов.

Этот лисёнок не пытался ничего сделать.

Он внимательно наблюдал за нашими действиями.

Когда я поворачивал его голову, взгляд оставался направлен на меня до последнего возможного момента.

Не было ни выраженного страха, ни агрессии, ни любопытства в привычном смысле.

Мне показалось, что он следит за последовательностью моих действий.

После осмотра Елена сняла перчатки.

— Неприятный какой.

— Чем?

Она задумалась.

— Не знаю. Смотрит странно.

Я тогда не придал её словам особого значения.

Первую закономерность обнаружила Кристина.

Она вообще оказалась самой наблюдательной из нас, хотя поначалу мы оба с Еленой относились к её замечаниям довольно снисходительно.

Однажды вечером девушка попросила меня посмотреть записи со стационарных камер.

Мы установили их ещё несколько лет назад, чтобы контролировать состояние животных и при необходимости показывать владельцам, как ведут себя питомцы в клинике.

На первой записи был Уголёк.

Щенок заметно подрос, крепко стоял на лапах и уже пытался самостоятельно есть.

На второй — Персик.

На третьей — лисёнок, содержавшийся в изолированном помещении.

— Посмотрите, как они реагируют, когда кто-то входит, — сказала Кристина.

Я посмотрел.

При появлении человека каждое животное прекращало движение и поворачивало голову к двери.

— Ну и что?

— Дальше смотрите.

Она включила записи последовательно.

Уголёк поднялся, сделал несколько шагов вперёд, остановился. Слегка наклонил голову вправо.

Персик проделал почти то же самое.

Лисёнок тоже.

— Они одинаково двигаются, — сказала Кристина.

— Многие реакции у животных похожи.

— Нет, Виктор Андреевич. Смотрите на переднюю лапу.

Она замедлила воспроизведение.

Перед тем как наклонить голову, каждое животное на короткое время приподнимало левую переднюю лапу.

Затем ставило её обратно.

Угол наклона головы был практически одинаковым.

Пауза перед следующим движением — тоже.

Кристина собрала ещё несколько записей, сделанных в разные дни.

Последовательность повторялась.

Не всегда, но достаточно часто, чтобы привлечь внимание.

— Может, они смотрят друг на друга и учатся? — предположила она.

— Лисёнок содержится отдельно.

— Вот именно.

Мы просмотрели видео ещё раз.

Когда я вернулся домой, обнаружил, что почему-то пытаюсь воспроизвести последовательность движений животных собственной рукой.

Поднять.

Опустить.

Пауза.

Наклонить голову.

Выключил телевизор и пошёл спать.

К середине мая у нас находилось уже семь необычных детёнышей.

Два щенка, три котёнка, лисёнок и маленький ёж.

Всех принесли взрослые животные.

Ежиха появилась возле служебного входа, оставила детёныша на бетонной дорожке и скрылась в траве. Это наблюдал лично охранник соседнего здания.

Мы начали связываться с другими клиниками.

В двух местах подтвердили похожие случаи. В третьем вспомнили собаку, которая принесла щенка прямо на территорию станции по борьбе с болезнями животных.

Позвонили в областной центр.

Там ничего подобного не наблюдали.

Знакомые специалисты предлагали самые различные объяснения: воздействие токсических веществ, локальное загрязнение окружающей среды, инфекции, нарушения нейроэндокринной регуляции у самок.

Мы отправили образцы в лабораторию.

Результаты не выявили ничего, что могло бы объяснить необычное поведение.

Елена предложила составить подробный протокол наблюдений.

Мы решили фиксировать реакцию на пищу, свет, звук, появление человека и других животных. Все исследования проводили без причинения боли.

Тогда я впервые начал испытывать страх, находясь рядом с нашими маленькими пациентами.

Не потому, что они были опасными.

На тот момент это были совершенно беспомощные существа.

Меня пугало то, как именно они воспринимали окружающее.

Обычный щенок познаёт мир с помощью запахов, движения и контакта. Он нюхает незнакомые предметы, пробует их на зуб, стремится исследовать пространство.

Котята делают это иначе. У них другие особенности поведения, другие реакции на движение и звук.

У наших детёнышей видовые различия постепенно становились менее выраженными.

При этом физически они развивались совершенно нормально.

Уголёк хорошо чувствовал запахи. Персик прекрасно видел движущиеся предметы. Лисёнок обладал нормальной координацией.

Но если перед ними появлялся незнакомый объект, все трое использовали практически одинаковую последовательность действий.

Сначала продолжительное неподвижное наблюдение.

Затем медленное приближение.

Потом прикосновение одной передней лапой.

После этого они отходили и снова наблюдали.

Кристина принесла небольшую игрушку в форме пластмассовой утки. Нажимая сверху, можно было заставить её издавать писк.

Она положила игрушку перед Угольком, после чего несколько раз продемонстрировала её работу.

Щенок наблюдал.

Примерно через минуту приблизился к утке, надавил лапой на нужную часть игрушки и услышал звук.

Затем повторил действие.

Ничего удивительного.

Мы перенесли игрушку в соседнее помещение и показали Персику. Котёнок довольно быстро проделал то же самое.

Затем опыт повторили с лисёнком.

В дальнейшем выяснилось, что некоторые навыки, приобретённые одним детёнышем, быстрее осваивались остальными, если им предварительно показывали действия первого через прозрачную перегородку.

Обучение посредством наблюдения известно в животном мире. Само по себе оно не представляло ничего фантастического.

Необычной была точность воспроизведения.

Игрушку можно было заставить пищать различными способами. Наши животные повторяли не только эффективное действие, но и ненужные движения, которые ему предшествовали.

Если щенок предварительно дважды касался пластмассового хвоста, котёнок делал то же самое.

Если котёнок обходил игрушку слева, лисёнок тоже обходил её слева.

Даже когда в этом не было никакой необходимости.

Однажды Елена сказала:

— Такое впечатление, будто они не знают, какие действия имеют значение.

— Ты о чём?

— Они копируют всё подряд. Чтобы не пропустить ничего важного.

Я посмотрел на Уголька, лежавшего в боксе.

Щенок смотрел на нас.

Елена тихо добавила:

— Как будто учатся пользоваться животными.

В конце мая произошёл случай с моей собственной собакой.

Грею тогда было одиннадцать лет. Немецкая овчарка, спокойная, хорошо обученная, привыкшая к другим животным.

Иногда я брал его с собой в клинику. Он лежал в моём кабинете, никому не мешал и пользовался всеобщей любовью сотрудников.

В тот день Грей вошёл в коридор стационара и остановился.

Хвост опустился.

Шерсть на загривке поднялась.

Он медленно попятился.

В ближайшем боксе находился Уголёк.

Щенок увидел Грея, подошёл к прозрачной дверце и начал вилять хвостом.

Нормальное дружелюбное поведение.

Грей зарычал.

— Нельзя, — сказал я.

Обычно он реагировал на команду мгновенно.

Сейчас даже не посмотрел на меня.

Уголёк продолжал вилять хвостом.

Затем опустил переднюю часть тела, оставив заднюю приподнятой. Обычное игровое приглашение.

Грей заскулил.

Не сводя глаз со щенка, он пятился до самой двери моего кабинета.

Я подошёл к нему, положил руку на шею.

Собака дрожала.

Открыл наружную дверь, и Грей выскочил на улицу.

В машину забрался с такой поспешностью, словно за ним гнались.

Дома я проверил его состояние.

Никаких признаков болезни.

На следующий день попробовал привезти в клинику снова.

Он отказался выходить из машины.

Пришлось отвезти обратно.

Больше я его на работу не брал.

В июне мы обнаружили, что наши детёныши практически никогда не спят в присутствии человека.

Они спали, разумеется. По записям было видно, что периоды активности чередуются с нормальным отдыхом.

Однако стоило сотруднику войти в помещение, как животные просыпались.

Даже если человек двигался совершенно бесшумно.

Мы закрывали часть бокса непрозрачной ширмой, меняли обувь, отключали оборудование, старались не издавать звуков.

Результат оставался прежним.

При этом присутствие других животных не всегда вызывало такую реакцию.

Однажды Кристина уснула на стуле возле стационара. Она отработала две смены подряд и собиралась немного отдохнуть перед утренними процедурами.

Около четырёх часов её разбудила Елена.

Позднее мы просмотрели запись.

Пока Кристина бодрствовала, Уголёк и два котёнка не спали.

Примерно через две минуты после того, как девушка заснула, все трое легли.

С появлением Елены немедленно проснулись.

— Может, просто чувствуют, что на них смотрят? — предположила Кристина.

Елена покачала головой.

— Ты сидела к ним спиной.

Мы не смогли объяснить эту особенность.

Но с того момента старались не оставаться в стационаре дольше необходимого.

Первого из наших пациентов забрали десятого июня.

Уголька усыновила семейная пара. У них был собственный дом, большой участок и десятилетний сын.

Мы предупредили о необычных поведенческих особенностях щенка. Рассказали, что взрослая собака отказалась его кормить, что он нуждается в наблюдении.

Супруги только рассмеялись.

— Мы не таких выхаживали.

Женщина присылала фотографии почти каждый день.

Уголёк играл с мальчиком, бегал по двору, научился выполнять несколько команд. Выглядел совершенно обычной собакой.

Через две недели хозяин позвонил мне.

— Виктор Андреевич, можно с вами посоветоваться?

У них на участке содержалась пожилая такса.

После появления Уголька она перестала выходить из хозяйственной постройки и почти ничего не ела.

Хозяева решили, что собака ревнует.

Попробовали познакомить животных через сетчатую перегородку.

Такса попыталась забиться под металлический шкаф. Повредила кожу на спине, после чего её пришлось буквально вытаскивать за ошейник.

— Он ведь ничего ей не делает, — удивлялся мужчина. — Даже не лает.

Я предложил временно разделить животных и привезти таксу на обследование.

Три дня спустя хозяева вернули Уголька.

Женщина плакала.

— Он хороший. Правда хороший. Просто наша старая собака его совершенно не переносит.

Я спросил, как вёл себя щенок в отсутствие таксы.

— Нормально. Только сын говорит, что ночью он стоит возле его кровати и смотрит. Не ложится, не просится на руки. Просто стоит.

Уголька снова поместили в стационар.

Вечером я зашёл проверить его.

Он увидел меня, завилял хвостом и опустил переднюю часть тела, приглашая поиграть.

Точно так же, как перед Греем.

Я невольно отступил.

Щенок прекратил движение.

Выпрямился.

Медленно наклонил голову вправо.

К концу июня мы стали получать сообщения из окрестных лесничеств.

Знакомый егерь, которому я несколько раз помогал с лечением охотничьих собак, рассказал, что в одном из лесных массивов заметно уменьшилось количество зверя.

— Косуль почти нет. Кабаны ушли. Лисы возле деревень крутятся. Даже зайцев вижу меньше обычного.

Он предполагал, что животных побеспокоили лесозаготовительные работы.

Однако подобные сообщения поступали и из районов, где никакой хозяйственной деятельности в последнее время не велось.

В начале июля егерь привёз фотографию.

На лесной дороге стояла волчица.

Фотография была сделана из кабины автомобиля. Животное находилось метрах в пятнадцати, прижимало уши и выглядело крайне истощённым.

Возле её передних лап лежал волчонок.

— Минут пять стояла, — рассказал егерь. — Я сигналил. Она не уходит. Потом вылез из машины, так она этого малого прямо ко мне под нос подтащила. И дёру.

— Где волчонок?

— У нас в вольере. Кормим.

Мы связались с центром реабилитации диких животных. Договорились, что волчонка временно примут под наблюдение ветеринаров.

Через несколько дней я приехал туда.

Волчонок сидел за ограждением.

Увидев меня, встал.

Сделал несколько шагов.

Приподнял левую переднюю лапу.

Поставил обратно.

Слегка наклонил голову вправо.

Я почувствовал себя так, словно встретил старого знакомого в совершенно неожиданном месте.

И что ещё хуже — на несколько секунд забыл, что передо мной другое животное.

Тогда я позвонил своему бывшему преподавателю.

Владимир Сергеевич занимался сравнительной физиологией и поведением животных. После выхода на пенсию сохранил связи с научным сообществом, консультировал несколько исследовательских проектов.

Мы не виделись почти восемь лет.

Я отправил ему записи, результаты обследований и подробное описание обстоятельств.

Он позвонил на следующий день.

— Приехать к вам можно?

Через два дня Владимир Сергеевич сидел в нашем кабинете и пил чай из кружки с изображением улыбающегося кота.

Выглядел почти так же, как в студенческие годы. Только волосы стали совсем белыми.

Сначала он изучил документы. Потом попросил показать животных.

Провёл возле боксов несколько часов.

Практически не разговаривал.

Задавал только конкретные вопросы: возраст, реакция на кормление, условия содержания, последовательность появления навыков.

Вечером мы остались вдвоём.

— Что скажете? — спросил я.

Он снял очки.

— Пока ничего.

— Вы же видели их поведение.

— Видел.

— Это ведь не нормальное развитие?

Владимир Сергеевич потёр переносицу.

— Ты когда-нибудь наблюдал за ребёнком, который впервые видит, как взрослый пользуется каким-нибудь инструментом?

— Конечно.

— Он не знает устройства инструмента. Не понимает физического принципа его работы. Просто воспроизводит действия.

— Понимаю.

— При достаточно длительном наблюдении он научится пользоваться инструментом. Однако это не означает, что он понимает его устройство.

Я ждал продолжения.

Владимир Сергеевич указал на монитор с видеозаписями.

— Эти животные воспроизводят поведение представителей собственного вида. И довольно успешно.

— Ведь они и есть представители своего вида.

— Биологически — да.

Он снова надел очки.

— Меня интересует, почему им требуется так много наблюдать, чтобы вести себя естественно.

На следующий день мы организовали несколько простых поведенческих тестов.

В частности, исследовали реакцию на демонстрацию агрессивных сигналов взрослых животных с помощью видеозаписей.

Результаты оказались неоднозначными.

Наши пациенты замечали раздражитель, поворачивались в его сторону, внимательно наблюдали.

Но привычных реакций страха или избегания почти не демонстрировали.

Затем Владимир Сергеевич предложил повторить опыт, показав им запись поведения обычного детёныша, реагирующего на те же сигналы.

В этот раз Уголёк воспроизвёл несколько элементов поведения испуганного щенка.

Прижал уши.

Опустил голову.

Отступил.

Владимир Сергеевич попросил показать исходный раздражитель ещё раз.

Уголёк повторил приобретённую реакцию.

Однако сделал это с небольшой задержкой.

Словно вначале определял, какое именно поведение от него требуется.

— Они осваивают сигналы, — сказал преподаватель.

— Социальное обучение?

— В каком-то смысле.

Он посмотрел на меня.

— Только, кажется, мы наблюдаем обучение тем вещам, которые частично должны обеспечиваться уже существующими врождёнными механизмами.

Елена спросила:

— А если у них просто нарушены инстинкты?

— Тогда почему нарушение настолько похоже у разных видов?

Никто не ответил.

Четырнадцатого июля в клинику пришла женщина с ребёнком.

Я находился в кабинете, когда администратор сообщила, что какая-то посетительница требует поговорить именно со мной.

Женщину звали Мария.

Двадцать девять лет, замужем, первый ребёнок.

Мальчику исполнилось чуть больше месяца.

Мария выглядела измученной. Под глазами тёмные круги, волосы собраны небрежно, руки дрожат.

Я предложил ей сесть.

Она поставила переноску с ребёнком возле стула.

— Мне сказали, у вас происходят странные вещи с животными.

— Кто сказал?

— Девушка знакомая. Она здесь работает.

Я спросил, в чём дело.

Мария некоторое время смотрела на ребёнка.

— Скажите, а у животных тоже бывает такое, что мать совершенно точно знает: она родила не того, кого должна была?

Я не сразу нашёлся с ответом.

За годы практики мне приходилось разговаривать с людьми, находившимися в различных психологических состояниях.

Но здесь речь шла о новорождённом.

Первым делом я подумал о послеродовом психическом расстройстве.

Спросил, нормально ли Мария спит, получает ли помощь близких, разговаривала ли с врачом.

Она кивнула.

— С мужем всё хорошо. Мама помогает. Врач тоже был.

— И что вас беспокоит?

— Ребёнок.

Мария посмотрела на переноску.

— Я его люблю. Правда люблю. Я всё делаю. Кормлю, купаю, переодеваю. Только иногда мне кажется, что я ухаживаю за чем-то, что очень старается быть ребёнком.

Я попросил её объяснить.

— Когда он плачет, я не чувствую, что ему плохо.

— В первые месяцы бывает сложно понимать потребности младенца.

— Нет. Я не об этом.

Она наклонилась ближе.

— Иногда он перестаёт плакать раньше, чем я успеваю сделать то, ради чего он плакал. Стоит мне повернуться к нему спиной. А когда снова смотрю — продолжает.

Я сказал, что подобные наблюдения сами по себе не свидетельствуют о чём-либо необычном.

Мария кивнула.

На её лице появилось выражение человека, который много раз слышал примерно один и тот же ответ.

— У нас была кошка, — продолжила она. — Семь лет прожила. Спала рядом со мной всю беременность.

— Что с ней?

— Ушла в день, когда мы приехали из роддома. Через балкон второго этажа прыгнула. Даже не попрощалась.

Женщина попыталась улыбнуться.

Не получилось.

— Я ведь понимаю, как всё это звучит. Поэтому и пришла к вам. Не к психиатру. Просто хотела спросить.

Она потянулась к переноске, чтобы поправить пелёнку.

Ребёнок открыл глаза.

Несколько секунд смотрел на мать.

Потом перевёл взгляд на меня.

И я испытал то самое чувство, которое впервые возникло при осмотре лисёнка.

Не страх.

Не отвращение.

Ощущение, что кто-то внимательно изучает мои реакции.

Я не рассказал Марии о результатах наших наблюдений.

Посоветовал продолжать общение с медицинскими специалистами и не оставаться наедине со своими тревогами. Попросил разрешения связаться с мужем.

Мы договорились, что он приедет за ней.

Пока ожидали, Мария спросила, можно ли покормить ребёнка в свободном кабинете.

Елена отвела её туда.

Мы с Владимиром Сергеевичем остались в коридоре.

Я рассказал ему содержание разговора.

Он сразу стал серьёзным.

— Витя, даже не думай делать какие-либо выводы.

— Я и не делаю.

— Ты ветеринарный врач. У тебя нет ни оснований, ни квалификации определять, что происходит с этим ребёнком.

— Знаю.

— Мать явно испытывает сильный стресс. Она нуждается в помощи. Не в подтверждении того, что её ребёнок какой-то неправильный.

Я согласился.

Владимир Сергеевич посмотрел на закрытую дверь кабинета.

— И никому из сотрудников ничего не рассказывай.

Вскоре приехал муж Марии.

Обычный молодой мужчина, немного растерянный, очень внимательный к жене.

Поблагодарил нас, забрал переноску.

Когда они проходили мимо стационара, ребёнок неожиданно заплакал.

Из-за дверей послышался шум.

Все находившиеся там животные одновременно поднялись.

Я видел это через монитор на стойке администратора.

Уголёк подошёл к дверце бокса.

Персик перелез через небольшую полку.

Два других котёнка замерли возле решётки.

Лисёнок в соседнем изолированном помещении тоже повернул голову к двери.

Плач продолжался около десяти секунд.

Когда ребёнок успокоился, животные вернулись на прежние места.

Причём почти одновременно.

Владимир Сергеевич стоял рядом со мной.

Мы посмотрели друг на друга.

Он ничего не сказал.

Через неделю преподаватель уехал.

Перед отъездом попросил сохранять все записи, не предпринимать самостоятельных экспериментов и по возможности ограничить поступление новых животных.

Я спросил, намерен ли он обращаться к коллегам.

— Уже обратился.

— И что?

— Пока обсуждаем.

Он долго застёгивал сумку.

Потом сказал:

— Есть одна вещь, которая меня особенно беспокоит.

— Какая?

— Мы рассматриваем этих животных так, словно их неспособность естественно вести себя является постоянным признаком.

Я кивнул.

— Но она может быть временной, — продолжил он. — Они обучаются. Причём очень быстро.

— И что будет, когда научатся?

Владимир Сергеевич поднял сумку.

— Тогда мы перестанем их замечать.

В августе необычных детёнышей стало гораздо меньше.

Сначала мы обрадовались.

Решили, что неизвестное воздействие, вызвавшее нарушения поведения, постепенно прекращается.

Перестали поступать сообщения о лисах возле населённых пунктов.

Егерь рассказал, что снова начал видеть косуль в прежних местах.

Волонтёры обнаружили несколько новых помётов уличных собак. Самки нормально кормили щенков, ухаживали за ними и не проявляли необычных реакций.

Кристина даже принесла фотографии.

— Смотрите, Виктор Андреевич. Кажется, всё закончилось.

Я очень хотел в это поверить.

Тем временем наши пациенты постепенно переставали демонстрировать странности.

Персик начал играть с игрушками как обычный котёнок.

Уголёк радостно встречал сотрудников, приносил мячик, просился на улицу.

Лисёнок становился более осторожным, проявлял естественную настороженность.

Исчезли характерные последовательности движений.

На видеозаписях животные всё чаще спали в присутствии людей.

Даже характер их взгляда изменился.

Именно тогда я решил провести ещё одну встречу Уголька с взрослой собакой.

Не с Греем.

Мы попросили коллегу привести её молодого лабрадора. Собака была спокойной, хорошо социализированной.

Животных разделяла надёжная прозрачная перегородка.

Уголёк подошёл.

Лабрадор заинтересованно понюхал воздух.

Щенок завилял хвостом.

Лабрадор ответил тем же.

Некоторое время они пытались взаимодействовать через перегородку.

Никаких признаков страха.

В комнате присутствовали Елена, Кристина и я.

— Может, он действительно просто был больной? — сказала Кристина.

Я пожал плечами.

Убрать перегородку не решились.

Но к концу встречи оба животных лежали рядом с прозрачной стенкой и выглядели совершенно спокойными.

Вечером я отправил запись Владимиру Сергеевичу.

Он ответил через несколько часов.

«Это плохая новость».

Я позвонил.

— Почему?

— Потому что раньше взрослые животные отличали их от нормальных детёнышей.

— А сейчас?

— Сам видел.

К началу сентября в клинике осталось четыре необычных пациента.

Остальных передали новым хозяевам или специалистам, занимавшимся реабилитацией диких животных.

Все решения согласовывали с соответствующими ветеринарными службами. Никаких медицинских оснований для пожизненной изоляции обнаружено не было.

Нельзя бесконечно удерживать здоровое животное только потому, что врачу не нравится выражение его морды.

Это прекрасно понимали все.

Включая меня.

Десятого сентября Уголька забрала пожилая женщина по имени Надежда Петровна.

Она потеряла мужа полгода назад и хотела завести собаку.

Несколько раз приходила знакомиться со щенком.

Уголёк реагировал на неё так, как обычно реагируют собаки на понравившегося человека. Прижимался к ногам, радостно встречал, пытался лизнуть руки.

Когда женщина подписывала документы, Кристина отвела меня в сторону.

— Мы правильно делаем?

Я посмотрел на Уголька.

— А что предлагаешь?

Она не ответила.

Надежда Петровна забрала щенка.

В следующие месяцы периодически присылала фотографии.

На одной Уголёк лежал возле её ног.

На другой бежал по заснеженному двору.

На третьей спал в кресле, укрытый старым пледом.

Я внимательно изучал каждый снимок.

Ничего подозрительного.

В октябре произошёл случай, о котором я до сих пор никому, кроме Елены, не рассказывал.

Я ехал домой после работы, когда возле дороги заметил сбитую лису.

Остановился.

Животное было мертво, вероятно, уже несколько часов.

В нескольких метрах от него сидела другая лиса.

Она не убежала, когда я вышел из машины.

Просто наблюдала.

Я взял перчатки и подошёл к погибшему животному.

Никаких признаков жизни.

Собирался переместить тело с проезжей части, когда вторая лиса приблизилась.

Она обнюхала мёртвую.

Потом осторожно толкнула её мордой.

Сделала несколько шагов назад.

Замерла.

Всё выглядело естественно.

Но затем живая лиса начала двигаться совершенно необычным образом.

Она легла на бок.

Вытянула передние лапы.

Слегка повернула голову.

Приняла точно такое же положение, в котором находилось мёртвое животное.

Я стоял возле машины и смотрел.

Лиса оставалась неподвижной около минуты.

Потом поднялась.

Обошла тело.

Снова легла, на этот раз немного изменив положение задней лапы.

Снова замерла.

Она повторяла это до тех пор, пока положение её тела почти идеально не совпало с положением погибшей лисы.

Затем поднялась и ушла в лес.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы заставить себя вернуться к машине.

Я так и не понял, зачем она это делала.

Возможно, просто наблюдал необычное поведение животного рядом с погибшим сородичем.

Но всю дорогу домой меня преследовала одна мысль.

Животные, которых мы изучали летом, копировали действия, не понимая, какие именно элементы имеют значение.

Они учились есть.

Играть.

Бояться.

Спать.

Я только что видел существо, которое, возможно, училось изображать смерть.

В ноябре Мария снова появилась в клинике.

На этот раз без ребёнка.

Выглядела значительно лучше.

Хорошо одета, спокойная, улыбалась.

Принесла коробку конфет.

— Хотела поблагодарить вас. Вы тогда очень правильно со мной поговорили.

Я обрадовался.

Спросил, как она себя чувствует.

— Намного лучше. Врачи помогли. Муж взял отпуск, мама пожила у нас несколько недель. Наконец высыпаться начала.

— А малыш?

Она достала телефон.

Показала фотографии.

Крупный здоровый мальчик с широко открытыми глазами.

На одном видео он смеялся, пока отец изображал различных животных.

На другом пытался достать игрушку.

Мария с удовольствием рассказывала о его развитии, новых звуках, первой попытке самостоятельно перевернуться.

— А знаете, что самое интересное? — спросила она.

— Что?

— Кошка вернулась.

Я посмотрел на неё.

— Та самая?

— Да. Худая была ужасно. Мы думали, погибла. А она пришла, поела и сразу к ребёнку.

Мария открыла ещё одну фотографию.

Рыжая кошка лежала возле детской кроватки.

— Теперь постоянно рядом с ним. Я сначала боялась, что поцарапает. Но она такая ласковая стала.

Женщина убрала телефон.

— Наверное, ему просто надо было немного подрасти.

Я согласился.

Искренне пожелал ей и ребёнку здоровья.

После её ухода долго сидел в кабинете.

Не мог избавиться от мысли, что несколько месяцев назад точно такую же фразу произносили мы, наблюдая за изменениями поведения наших пациентов.

Им просто нужно было немного подрасти.

Зимой произошёл ещё один неприятный случай.

На приём принесли четырёхлетнюю кошку с небольшой травмой лапы.

Хозяйка рассказала, что животное подралось с соседским котом.

Во время осмотра кошка вела себя спокойно.

Позволила обработать повреждение.

Даже не пыталась вырваться.

Я поднял её с металлического стола и собирался передать хозяйке, когда из соседнего кабинета раздался звон упавшего инструмента.

Кошка посмотрела в сторону двери.

Приподняла левую переднюю лапу.

Поставила обратно.

Слегка наклонила голову вправо.

Я едва не выронил её.

Хозяйка испуганно спросила, что случилось.

Соврал, что затекла рука.

После приёма изучил медицинскую карту.

Кошке действительно было четыре года. Наблюдалась у нас с возраста семи месяцев. Имелись записи о вакцинации, стерилизации, профилактических осмотрах.

Я сам принимал её дважды.

Никаких подозрений прежде не возникало.

Вечером рассказал Елене.

Она выслушала и сказала:

— Вить, ты последние месяцы вообще нормально спишь?

— Нормально.

— Может, просто совпадение?

— Может.

— Мы начали искать эти движения повсюду. Рано или поздно увидим что-нибудь похожее.

Она была права.

Человеческий мозг прекрасно находит закономерности даже там, где их нет.

Я понимал это не хуже неё.

Но на следующей неделе пересмотрел старые видеозаписи с камер клиники.

Не только за прошлый год.

За предыдущие тоже.

К сожалению, большая часть старого материала была автоматически удалена. Сохранились отдельные фрагменты, которые мы когда-то копировали по медицинским причинам.

На одной записи, сделанной почти три года назад, обнаружил движения, показавшиеся мне знакомыми.

Семимесячный щенок после пробуждения от наркоза.

Он посмотрел на Кристину.

Приподнял левую лапу.

Опустил.

Наклонил голову.

Я несколько раз просмотрел видео.

Затем удалил созданную копию записи.

Не оригинал.

Только копию.

Понимал, что начинаю терять объективность и превращать каждое совпадение в доказательство.

Владимир Сергеевич перестал отвечать на мои сообщения в феврале.

Сначала решил, что заболел.

Позвонил его дочери.

Она объяснила, что отец уехал к знакомым за город и практически не пользуется телефоном.

Через неделю он связался со мной сам.

— Витя, скажи честно. Ты продолжаешь наблюдения?

— Иногда.

— Прекрати.

— Почему?

— Потому что у тебя нет возможности отличить обычное поведение от необычного. Даже если наша гипотеза верна, наблюдения больше ничего не дадут.

— Вы узнали что-то новое?

Он помолчал.

— Я разговаривал с людьми, которые занимаются восстановлением популяций диких животных. С работниками питомников. С ветеринарами из других регионов.

— И?

— Время от времени происходят случаи отказа самок от совершенно здорового потомства. Иногда массовые. Обычно находят объяснение. Иногда нет.

— Такие же, как у нас?

— Некоторые похожи.

Я ожидал продолжения.

— Вить, а мы ведь даже не знаем, возникло ли это явление недавно.

— Думаете, раньше тоже происходило?

— Не знаю.

Владимир Сергеевич вздохнул.

— Мы увидели несколько животных, которые явно отличались от остальных. Потом эти отличия исчезли. Мы сделали вывод, что необычные животные приблизились по поведению к обычным.

— Да.

— А если обычные животные — результат такого же процесса, только завершившегося гораздо раньше?

Я молчал.

— Мы приняли норму за исходное состояние, — продолжил он. — Потому что выросли среди этой нормы. Но другого состояния мы никогда не видели.

— Вы хотите сказать, что…

— Ничего я не хочу сказать.

Он перебил меня неожиданно резко.

— У нас недостаточно данных даже для внятной гипотезы. Не говоря уже о выводах.

После разговора я долго гулял с Греем по заснеженному парку.

Смотрел, как собака нюхает деревья, реагирует на прохожих, гоняет голубей.

Обычная старая овчарка.

Мне хотелось обнять её и больше никогда не отпускать.

Весной я временно отошёл от работы в стационаре.

Занялся хирургией, плановыми приёмами, административными вопросами.

Стало значительно легче.

Елена настояла, чтобы я взял отпуск.

Мы не возвращались к обсуждению странных животных почти два месяца.

Жизнь продолжалась.

Кошки падали с балконов.

Собаки проглатывали носки.

Владельцы забывали о профилактической обработке, ругались из-за стоимости лечения, благодарили за спасённых питомцев.

Всё было как прежде.

До одного июньского утра.

Надежда Петровна привезла Уголька на ежегодный осмотр.

Я не видел его почти девять месяцев.

Из маленького чёрного щенка выросла красивая собака средних размеров. Крепкая, подвижная, с блестящей шерстью.

Уголёк узнал меня.

Обрадовался.

Поставил передние лапы на колени, попытался лизнуть лицо.

— Спокойно, дружок.

Он сел.

Надежда Петровна смеялась.

— Как ребёнок. Всё понимает. Даже разговаривать с ним люблю. Без него бы совсем от тоски пропала.

Я провёл осмотр.

Сердце, лёгкие, зубы, суставы — всё нормально.

Пока оформлял документы, спросил, как он ведёт себя дома.

— Замечательно. Ни разу ничего не испортил. Представляете? Даже щенком.

— С другими собаками ладит?

— Прекрасно. Соседская овчарка вообще без него никуда. Вместе гуляют.

Она поправила поводок.

— У меня внучка недавно родилась. Дочка теперь часто приезжает. Так он от малышки вообще не отходит.

Я перестал писать.

— В каком смысле?

— Охраняет. Ложится рядом с коляской. Если заплачет, сразу за нами бежит.

Уголёк смотрел на меня.

Надежда Петровна продолжала рассказывать о внучке.

Я слушал вполуха.

В коридоре кто-то открыл дверь. Послышались шаги и знакомый голос.

Елена приехала на работу и привела одну из своих собак.

Уголёк повернул голову.

На мгновение мне показалось, что он собирается приподнять левую переднюю лапу.

Но он просто встал и завилял хвостом.

В тот же вечер я попросил Кристину помочь найти контакты волонтёрки, которая год назад обнаружила мать Уголька.

Оказалось, собака всё ещё жива. Её стерилизовали, привили, после чего забрал пожилой сторож с территории автомобильной базы.

На следующий день я приехал туда.

Сторож вышел из небольшой будки, подозвал собаку.

Она заметно поправилась, шерсть стала гуще. С удовольствием принимала угощение, позволяла себя гладить.

Я спросил, помнит ли он обстоятельства, при которых нашёл её.

— Она уже с большими щенками была. Всех потом раздали. Хорошая собака. Смышлёная.

Мне хотелось рассмотреть её реакцию на Уголька теперь.

Договорился с Надеждой Петровной о встрече. Сказал, что нашли мать её собаки и, возможно, ей будет интересно познакомиться.

Женщина обрадовалась.

Через два дня мы собрались возле автомобильной базы.

Животных держали на поводках, на достаточно большом расстоянии друг от друга.

Уголёк увидел мать.

Завилял хвостом.

Сука заинтересованно подняла голову.

Некоторое время принюхивалась.

Затем потянулась вперёд.

Сторож позволил ей приблизиться.

Я внимательно наблюдал.

Никаких признаков агрессии.

Никакого страха.

Собаки обнюхали друг друга, немного покружились, после чего спокойно стали осматривать территорию.

Надежда Петровна растрогалась.

— Смотрите, узнала ведь!

Я улыбнулся.

Пожалуй, впервые за год почувствовал настоящее облегчение.

Возможно, всё действительно было временным нарушением.

Возможно, детёныш обладал какой-то непривычной особенностью запаха, исчезнувшей с возрастом.

Возможно, мы превратили группу редких, но естественных происшествий в большую страшную историю.

Мы постояли ещё немного.

Надежда Петровна предложила сфотографировать собак вместе.

Я достал телефон.

И в этот момент мать Уголька случайно коснулась носом его шеи.

Щенок повернул к ней голову.

Сука замерла.

Всего на секунду.

Затем резко отстранилась.

Я увидел, как дрогнули её задние лапы.

Как опустился хвост.

Как она прижала уши.

Всё то же самое, что год назад на записи наружной камеры.

Глубокий, животный страх.

Но теперь она не убежала.

Собака посмотрела на сторожа.

Потом на Надежду Петровну.

Потом на меня.

И снова повернулась к Угольку.

Медленно завиляла хвостом.

Приблизилась.

Облизала его морду.

Уголёк ответил тем же.

Сторож рассмеялся.

— Во, мать сына нашла!

Мы сделали фотографию.

Не знаю, насколько хорошо люди, никогда не содержавшие собак, понимают отдельные элементы их поведения.

Собака может вилять хвостом не только от радости.

Может облизывать другое животное, демонстрируя подчинение, пытаясь снизить напряжение и избежать конфликта.

Она может делать это даже тогда, когда испытывает сильнейший страх.

Именно такую реакцию я наблюдал возле автомобильной базы.

Мать Уголька не перестала его бояться.

Она научилась правильно вести себя в его присутствии.

Как научились и другие взрослые животные.

Никаких гарантий, что я правильно интерпретирую увиденное, у меня нет.

Но спустя год я наконец допустил возможность того, что изменения поведения происходили не только с нашими необычными пациентами.

Возможно, обучались все.

Одни учились выглядеть естественно.

Другие — не выдавать, что замечают разницу.

Вчера вечером я выгуливал Грея.

Собаке уже двенадцать. Стали беспокоить суставы, несколько ухудшился слух. Мы больше не совершаем продолжительных прогулок.

Возле детской площадки встретили молодую женщину с коляской.

Рядом бежала небольшая белая собака.

Грей остановился.

Посмотрел на коляску.

Потом на собаку.

Я почувствовал, как натянулся поводок.

Женщина улыбнулась.

— Не бойся, дедушка. Мы дружелюбные.

Белая собака подошла ближе.

Грей попятился.

Я уже хотел увести его, когда из коляски послышался детский смех.

Грей немедленно остановился.

Медленно опустил голову.

Завилял хвостом.

Белая собака обнюхала его и вернулась к хозяйке.

— Видите, подружились, — сказала женщина.

Я ничего не ответил.

Когда она ушла, Грей ещё около минуты смотрел ей вслед.

Затем прижался к моей ноге.

Его трясло.

Дома он отказался от ужина и долго лежал возле входной двери.

Я сел на пол рядом с ним, погладил по голове.

— Что же ты такое видишь, старик?

Грей закрыл глаза.

Потом тяжело вздохнул.

Мне пятьдесят четыре года.

Я посвятил большую часть жизни животным и привык считать, что неплохо их понимаю.

Знаю, как ведёт себя собака, испытывающая боль. Как кошка скрывает слабость. Как дикое животное реагирует на присутствие хищника.

Знаю, насколько важны врождённые механизмы, позволяющие живому существу распознавать опасность прежде, чем оно приобретёт собственный опыт.

Но я совершенно не представляю, каким образом эти механизмы могли сформироваться в отношении существ, которые биологически ничем не отличаются от собственного потомства.

Если, конечно, они действительно ничем не отличаются.

И если опасность, которую распознают животные, появилась только недавно.

Три дня назад Кристина ушла в декретный отпуск.

Мы устроили небольшое чаепитие, подарили ей цветы и конверт с деньгами.

Она была счастлива.

Показывала фотографии с последнего УЗИ, рассказывала о детской кроватке, которую муж уже собрал.

Под конец вечера попросила меня выйти на улицу.

Мы стояли возле служебного входа.

— Виктор Андреевич, можно странный вопрос?

— Конечно.

Она положила руку на живот.

— Вы ведь помните Мусю? Мою кошку?

Я помнил. Кристина несколько раз приносила её на профилактический осмотр.

— Она последнее время меня избегает.

— Животные могут реагировать на изменения запаха во время беременности.

— Я знаю.

Девушка посмотрела на меня.

— Только она не меня избегает.

Я молчал.

— Когда ребёнок начинает шевелиться, она убегает из комнаты.

Кристина попыталась засмеяться.

— Глупости, да?

Я сказал, что ей следует обсудить свои тревоги с врачом, отдохнуть и не делать поспешных выводов. Мы поговорили ещё немного.

Потом она обняла меня и уехала.

Сегодня утром я пересматривал заключения лабораторных исследований, сделанных прошлым летом.

Обратил внимание на формулировки, которые раньше казались мне совершенно обычными.

Видовая принадлежность подтверждена.

Грубых хромосомных нарушений не выявлено.

Признаков исследованных инфекций не обнаружено.

Морфологическое развитие соответствует возрастной норме.

Мне вдруг стало интересно, какой именно анализ мы могли бы назначить, если бы предположили, что перед нами нечто, способное использовать любой биологический организм без необходимости изменять его строение.

Что следовало бы искать?

Другие клетки?

Другие белки?

Чужеродную ДНК?

А если ничего чужеродного там нет?

Если всё необходимое для существования уже содержится в совершенно обычной живой клетке?

Я закрыл документы.

Подобными вопросами должны заниматься специалисты, располагающие совсем другими знаниями и возможностями.

Да и сами вопросы пока основаны исключительно на предположениях.

Вечером Надежда Петровна прислала очередную фотографию.

Уголёк лежал возле коляски с её маленькой внучкой.

Рядом расположилась соседская кошка.

Оба животных смотрели на ребёнка.

Под фотографией была подпись:

«Наши няньки. Даже уходить не хотят».

Я увеличил изображение.

Кошка лежала совершенно спокойно.

Уши направлены вперёд.

Лапы подобраны под туловище.

Уголёк выглядел расслабленным.

Ребёнок спал.

Красивая домашняя фотография.

Я уже собирался закрыть её, когда заметил ещё одну деталь.

В дальнем углу комнаты, возле открытой двери, лежала маленькая плюшевая собака.

Обычная детская игрушка.

Она была чёрной, с коричневыми лапами и белым пятном на груди.

Практически точная копия Уголька.

Не знаю почему, но мне стало неприятно.

Я представил, как ребёнок подрастёт.

Как будет тянуться к игрушке.

Как взрослые станут учить его изображать собачий лай.

Потом покажут настоящую собаку, объяснят, чем она отличается от кошки.

Научат улыбаться.

Махать рукой.

Обниматься.

Реагировать на своё имя.

Различать хорошее и плохое, смешное и страшное.

Научат всему тому, чему мы с Еленой и Кристиной прошлым летом учили наших маленьких пациентов.

И я поймал себя на мысли, что, возможно, между поведением обычного ребёнка и поведением наших необычных животных с самого начала было гораздо меньше различий, чем мне хотелось бы признавать.

За время существования жизни на Земле возникали и исчезали миллионы видов.

Паразиты научились управлять поведением хозяев. Грибы — менять поведение насекомых. Некоторые растения используют животных для распространения семян, не причиняя им никакого вреда.

Не всякая форма жизни заинтересована в уничтожении другой.

Иногда гораздо выгоднее жить вместе.

Возможно, даже настолько тесно, что спустя достаточно большое количество поколений уже невозможно установить, где заканчивается один организм и начинается другой.

Не знаю, имеет ли это отношение к произошедшему.

Но существует вопрос, который я теперь задаю себе значительно чаще остальных.

Почему детёныши, которых приносили в нашу клинику, так настойчиво наблюдали именно за людьми?

Не за другими собаками.

Не за кошками.

Не за представителями собственных видов.

За нами.

Возможно, потому, что мы оказались наиболее доступным источником информации.

Возможно, потому, что человеку проще довериться, чем взрослому животному.

Или потому, что именно человеческое поведение представляло для них наибольший интерес.

Несколько лет назад я читал студентам небольшую лекцию о взаимоотношениях человека и домашних животных.

Рассказывал о процессе одомашнивания.

О том, как на протяжении тысячелетий люди отбирали животных по определённым признакам. Как постепенно менялся характер собак, уменьшалась агрессивность, формировались способности понимать человеческие жесты и эмоциональные состояния.

Помню, один студент задал забавный вопрос:

— А почему мы решили, что это человек приручил собаку, а не собака человека?

Все засмеялись.

Я тоже.

Ответил, что существуют основания рассматривать одомашнивание как процесс взаимного приспособления.

Вспомнил этот разговор только недавно.

И теперь думаю о том, насколько самоуверенно мы вообще рассуждаем о природе собственного поведения.

В частности, о совершенно естественном желании человека спасать маленькое, беззащитное живое существо.

Даже когда его собственная мать пытается от него избавиться.

Даже когда все остальные животные настойчиво предупреждают нас об опасности.

Мне понадобилось всего несколько минут, чтобы взять Уголька на руки, осмотреть его, согреть и начать кормить.

Я сделал это совершенно добровольно.

Никто не заставлял меня.

Никто не пытался убедить.

Мне даже не пришлось принимать решение.

Я увидел беспомощного щенка.

А всё остальное за меня сделали мои инстинкты.

Конец.

Я тринадцать лет работаю водителем ночного автобуса

За тринадцать лет работы я дважды вызывал полицию, пять раз скорую помощь и однажды пожарных.

Покойников в салоне у меня было двое.

Первый умер от сердечного приступа. Второй оказался настолько пьяным, что никто из пассажиров не заметил, когда он перестал дышать.

Были драки, разбитые стёкла, наркоманы, обоссанные сиденья. Однажды женщина родила прямо в автобусе, не доехав двух остановок до больницы.

Так что удивить меня довольно сложно.

Но последние четыре месяца я езжу на работу с включённым диктофоном в кармане рубашки.

И никогда не выключаю свет в салоне, даже когда возвращаюсь в парк совершенно пустым.

Началось всё в одну из четверговых смен в ноябре прошлого года. По пятницам у меня был выходной. Утром после смены я собирался менять резину.

Наш город достаточно большой, чтобы иметь ночные автобусные маршруты, но недостаточно большой, чтобы на них постоянно кто-то ездил.

Мой маршрут, семьдесят шестой, проходил через железнодорожный вокзал, центр, больничный городок и несколько спальных районов. Полный круг занимал чуть больше часа.

Последний рейс начинался в два двадцать.

Обычно к этому времени пассажиров оставалось немного.

Работники круглосуточных магазинов. Охранники. Медсёстры. Люди, задержавшиеся в гостях или в барах.

Некоторых я знал в лицо.

Например, мужчину с рыжей бородой, который работал пекарем. Женщину с огромной хозяйственной сумкой, постоянно засыпавшую возле окна. Студента в зелёной куртке, читавшего книги даже в четыре утра.

Люди привыкли ко мне, я привык к ним.

Иногда перекидывались парой слов.

В ту ночь шёл мерзкий ледяной дождь. Дворники скрипели, отопление работало на полную, лобовое стекло постоянно запотевало по краям.

Возле больничного городка в салоне осталось трое пассажиров.

На следующей остановке вышли двое.

Последний, молодой парень в наушниках, доехал до улицы Строителей.

Дальше я шёл пустым.

До конечной оставалось четыре остановки.

На предпоследней, возле мебельного магазина, стояла женщина.

Без зонта.

В длинном коричневом пальто.

Я остановился, открыл переднюю дверь.

Она поднялась по ступенькам.

На вид лет тридцать пять — сорок. Обычное лицо, мокрые тёмные волосы, небольшая сумочка через плечо.

— До конечной? — спросила она.

— Да.

— Хорошо.

Она расплатилась наличными и прошла в салон.

Я тронулся.
Через минуту женщина подошла к кабине.
— Скажите, пожалуйста, а вы сегодня один работаете?
— В смысле?
— Без кондуктора?
— У нас давно кондукторов нет.
— Понятно.
Она вернулась на место.
Через несколько секунд снова подошла.
— А тот мужчина тогда кто?
Я посмотрел в зеркало.
Салон был пуст.
Если не считать её.
— Какой мужчина?
Она указала на заднюю площадку.
— Который билеты проверяет.
Я решил, что женщина выпила.
— Никто у нас билеты не проверяет в такое время. Садитесь, пожалуйста.
Она не стала спорить.
Остаток дороги простояла возле передней двери.
На конечной я открыл двери.
Женщина не выходила.
— Приехали, — сказал я.
— Я вижу.
— Дальше в парк.
Она посмотрела через плечо.
— Вы можете сначала попросить его выйти?
Я начал раздражаться.
— Девушка, здесь никого больше нет.
Она посмотрела на меня, и я понял, что ошибся. Она и правда боялась.
— Тогда не открывайте заднюю дверь, — прошептала она.
Слишком поздно.
Я уже открыл все три.
Женщина вскрикнула, выскочила из автобуса и побежала через дорогу.
Я проводил её взглядом.
Потом закрыл двери и поехал в парк.
Через несколько сотен метров мне показалось, что я услышал, как сзади кто-то кашлянул.
Обычный человеческий кашель.
Два раза.
Я остановился, прошёл по салону.
Никого.
На заднем сиденье лежал использованный автобусный билет.
Я поднял его и выбросил в урну возле водительской кабины.
На этом всё могло бы закончиться.
В субботу я снова вышел на смену.
Первую половину ночи отработал спокойно.
Ближе к двум часам на вокзале сел пекарь с рыжей бородой.
Звали его Олег.

Он обычно садился впереди и рассказывал, сколько сегодня пришлось испечь хлеба, как начальство экономит на сотрудниках и почему нормального батона больше нигде не купишь.

На этот раз он прошёл в середину салона.

Через несколько остановок подошёл ко мне.

— Михалыч, у тебя проверяющий новый?

— Чего?

— Ну мужик сзади.

Я посмотрел в зеркало.

Кроме Олега, в салоне сидели две девушки.

— Какой мужик?

— В сером пальто.

— Где?

— На задней площадке стоит.

Олег оглянулся.

— Во. Идёт.

Я смотрел в зеркало.

Никто не шёл.

Одна из девушек вдруг полезла в карман куртки, достала телефон и что-то показала пустому пространству прохода.

Вторая открыла сумочку.

Олег сказал:

— Я же приложил, когда заходил.

Потом замолчал.

Словно слушал кого-то.

— Да вот, смотрите.

Он достал банковскую карту.

Я ударил по тормозам.

Все трое едва не попадали.

— Что происходит? — крикнула одна из девушек.

Я включил аварийку, вышел из кабины.

Прошёл до задней площадки.

Пусто.

Ни единого человека.

— Где он? — спросил я.

Олег удивлённо посмотрел на меня.

— Вышел, наверное.

— Мы не останавливались!

Олег пожал плечами.

Девушки смотрели на меня с раздражением.

— Поедем уже? — спросила одна.

Я вернулся за руль.

Руки дрожали так сильно, что пришлось несколько секунд подержать их на коленях.

Больше за ту ночь ничего странного не произошло.

Но утром, когда сдавал автобус, я попросил механика проверить камеры в салоне.

Камер у нас четыре.

Две направлены на входные двери, одна на проход, одна на водительское место.

Просматривать записи самостоятельно нам не разрешается, но механик был моим давним знакомым.

Мы нашли нужное время.

Вот Олег подходит к кабине.
Вот девушки достают телефоны.
Вот я резко торможу.
Всё как было.
Никакого мужчины.
— Чего ищем-то? — спросил механик.
— Да показалось кое-что.
Он уже собирался закрыть программу, когда я попросил отмотать назад.
На записи Олег стоял посреди салона и держал банковскую карту.
А потом карта исчезла.
Не упала.
Не спряталась в рукаве.
Просто исчезла из его пальцев.
Через две секунды появилась снова.
Чуть выше.
И Олег забрал её из воздуха.
Мы посмотрели этот фрагмент четыре раза.
— Артефакт записи, — сказал механик.
— Наверное.
Я был рад, что он предложил объяснение.
Даже если сам в него не верил.
Следующие две недели ничего не происходило.
Я почти убедил себя, что всё это совпадение.
Потом пропал Олег.
Он не появился на обычной остановке во вторник.
Не было его и в среду.
В четверг я увидел объявление о поиске человека в городском сообществе.
Фотография знакомая.
Рыжая борода.
Коричневые глаза.
Сорок два года.
Последний раз его видели возле пекарни после окончания смены.
Я позвонил по указанному номеру.
Ответила жена.
Рассказал, что Олег регулярно ездил на моём автобусе.
— Когда вы его видели в последний раз? — спросила она.
Я назвал дату.
— Понятно. Спасибо.
Она уже собиралась положить трубку, когда я зачем-то спросил:
— У него в последнее время ничего необычного не происходило?
Женщина помолчала.
— В каком смысле?
— Не жаловался ни на что?
— Да нет. Разве что странности всякие.
— Какие?
— Кто-то звонил ему по ночам. Потом проблемы с банковской картой начались.
— Какие проблемы?
— Деньги списывались. Мелочь. По сорок рублей.
Я почувствовал, как пересохло во рту.

— За проезд?

— Да. А вы откуда знаете?

Я не ответил.

— Причём даже когда он дома был, — продолжила она. — В одно и то же время. В два часа семнадцать минут.

Олега так и не нашли.

Но спустя три дня я увидел его.

Ехал мимо остановки возле мебельного магазина.

Было около половины третьего.

Под фонарём стояло несколько человек.

И среди них Олег.

В рабочей куртке, с рюкзаком за плечом.

Я ударил по тормозам.

Открыл переднюю дверь.

— Олег!

Он поднял голову.

Посмотрел прямо на меня.

Не улыбнулся.

Не поздоровался.

Поднялся в салон, приложил карту к терминалу и прошёл назад.

Я закрыл двери.

— Ты где пропадал? Тебя весь город ищет.

Олег не ответил.

Я покинул кабину.

Он сидел возле окна.

Лицо бледное, борода какая-то неопрятная. Под глазами тёмные круги.

— Олег, ты меня слышишь?

Он медленно повернул голову.

— Михалыч?

— Да.

У него задрожали губы.

— Ты сегодня настоящий?

Я не понял.

— Чего?

Олег оглянулся на заднюю площадку.

— Только тихо.

Он схватил меня за рукав.

— Я не знаю, сколько раз уже проехал.

— Куда проехал?

— Домой.

Он начал плакать.

— Каждый раз еду домой.

Я достал телефон.

— Давай жене позвоним.

Олег резко ударил меня по руке.

Телефон упал на пол.

— Не надо!

— Ты чего?!

— Он услышит!

Олег смотрел куда-то за моё плечо.

Потом неожиданно выпрямился.

— Да, — произнёс он.

Замолчал.

— Нет. Я оплатил.

Снова пауза.

— Пожалуйста. Я оплатил.

Его лицо исказилось.

Он вскочил, бросился к средней двери и начал дёргать створки.

Я открыл двери с панели возле кабины.

Олег вывалился на улицу.

Побежал между домами.

Я видел, как он скрылся за углом.

Сразу позвонил полиции, потом его жене.

На место приехал наряд.

Дворы прочесали.

Никого не нашли.

А когда через несколько дней мне показали запись с камеры автобуса, я увидел, как открываю двери на совершенно пустой остановке.

Как разговариваю с пустым сиденьем.

Как наклоняюсь за упавшим телефоном.

И как отступаю в сторону, освобождая кому-то проход.

После этого меня отправили к врачу.

Начальник был человеком неплохим. Сказал, что ночные смены, возраст, хроническая усталость — всё это рано или поздно даёт о себе знать.

Я прошёл обследование.

Ничего особенного не нашли.

Но мне дали десять дней отдыха.

Я почти не выходил из дома.

Спал, смотрел телевизор, возился с машиной.

Жене рассказал только половину истории.

Она решила, что меня потрясло исчезновение знакомого пассажира.

Наверное, так было проще для нас обоих.

На восьмой день отдыха я пошёл в магазин.

Возвращаясь, остановился возле перекрёстка.

Горел красный.

Мимо проехал автобус семьдесят шестого маршрута.

Дневной рейс.

За рулём сидел мой сменщик Костя.

Я машинально посмотрел на салон.

И увидел Олега.

Он сидел у окна.

В той же куртке.

С тем же рюкзаком.

Автобус был забит людьми, но вокруг Олега оставались свободными четыре сиденья.

Он смотрел на улицу.

Наши взгляды встретились.

Олег вскочил.

Прижал ладони к стеклу.

Его рот открылся.

Он что-то кричал.

Автобус повернул за угол.

Я бросился следом.

Добежал до остановки.

Поздно.

Позвонил Косте.

— У тебя пассажир в задней части салона, рыжий, с бородой. Посмотри.

— Подожди, рулю.

Через несколько минут он перезвонил.

— Нет никого такого.

— Точно?

— Точно. А что?

— Ничего.

Вечером я рассказал жене, что хочу уволиться.

Наверное, надо было так и сделать.

У меня хватило бы накоплений на несколько месяцев. Можно было устроиться водителем доставки, таксистом, куда угодно.

Но на следующий день позвонил Костя.

— Михалыч, ты когда выходишь?

— Не знаю ещё.

— У меня тут фигня какая-то.

— Какая?

— Вчера пассажирка скандал устроила. Говорит, контролёр у неё паспорт требует.

Я сел.

— И?

— Какой, к чёрту, контролёр? Я ей объясняю, что нет никого. Она орёт, что он забрал паспорт и отказывается отдавать.

— Что потом?

— Выскочила на остановке. Плакала. Думал, ненормальная.

Костя помолчал.

— Ты ведь тоже про какого-то пассажира спрашивал.

Я рассказал ему всё.

Он слушал долго.

Не перебивал.

Когда я закончил, сказал:

— Есть кое-что, что тебе надо посмотреть.

На следующий день мы встретились в парке.

Костя отвёл меня к бухгалтеру.

Там нам показали отчёты по оплате проезда.

Каждый билет, каждая банковская транзакция фиксировались в системе.

Костя обратил внимание на странность несколько дней назад.

В автобусе, на котором мы работали, регулярно совершались платежи в то время, когда транспорт находился в парке.

В два часа семнадцать минут.

Каждую ночь.

Неважно, работал автобус или стоял в ремонтном боксе.

Терминалы иногда вообще были отключены.

Но платежи проходили.

Бухгалтер сказала, что это задержка передачи данных.
Я попросил показать количество операций.
Первую ночь — одна.
Вторую — три.
Третью — три.
Потом пять.
Семь.
Девять.
Семнадцать.
К концу месяца — двадцать восемь.
— А почему сумма одинаковая? — спросил я.
— Тариф одинаковый.
— Нет. Почему списания идут с одних и тех же карт?
Она посмотрела внимательнее.
На экране повторялись последние цифры идентификаторов банковских карт.
Одни и те же люди оплачивали поездку каждую ночь.
К списку время от времени добавлялись новые.
Но никто из него не исчезал.
Я снова вышел на работу.
Не из храбрости.
И не потому, что решил кого-то спасать.
Мне нужно было понять, что происходит.
Иногда неизвестность страшнее любой опасности.
В первую ночь я специально наблюдал за пассажирами.
Прислушивался к разговорам.
Следил за тем, куда они смотрят.
Ничего.
Во вторую ночь, на остановке возле больницы, вошла молодая медсестра.
Я видел её раньше.
Она приложила карту к терминалу и прошла в середину салона.
Через несколько минут повернула голову.
— Да, сейчас.
Я посмотрел в зеркало.
Девушка достала телефон.
— Вот.
Помолчала.
— Не понимаю. Оплата прошла.
— Девушка! — позвал я.
Она не услышала.
— Девушка, подойдите сюда!
Она посмотрела на меня.
— Секунду.
И снова повернулась к пустому проходу.
— А зачем вам моё имя?
Я остановил автобус.
Открыл переднюю дверь.
— Выходите!
Она удивилась.
— Что?

— Выходите немедленно!

— Да мне ещё три остановки.

Я вышел из кабины, схватил её за руку и потащил к двери.

Девушка закричала.

С задних сидений поднялись двое мужчин.

Один потребовал, чтобы я отпустил её.

Я не отпускал.

Вытолкал на улицу.

Закрыл двери.

Пассажиры возмущались всю оставшуюся дорогу.

На следующий день девушка написала жалобу.

Меня лишили премии.

Через неделю я увидел её на остановке.

Живую.

Разговаривала по телефону.

Я проехал мимо.

И впервые за долгое время испытал облегчение.

После этого я стал замечать закономерность.

Человек, с которым разговаривал невидимый мужчина, обычно ничего необычного в нём не видел.

Для пассажира это был простой контролёр.

Остальные могли его не замечать.

Иногда видели.

Иногда нет.

Он проверял оплату.

Потом задавал вопросы.

Имя.

Куда едет пассажир.

На какой остановке собирается выходить.

Где живёт.

Чаще всего беседа заканчивалась через несколько секунд, и ничего больше не происходило.

Но некоторые люди начинали спорить.

Доказывать, что оплатили проезд.

Показывать банковские уведомления.

И именно они впоследствии исчезали.

Так я тогда думал.

Через некоторое время понял, что всё гораздо хуже.

В январе в наш автобус сел мужчина лет шестидесяти.

Хорошо одетый, с портфелем.

Расплатился, сел возле окна.

Через несколько остановок я услышал его голос.

— Нет, я там больше не живу.

Посмотрел в зеркало.

Мужчина разговаривал с пустым местом рядом.

— Уже лет восемь.

Пауза.

— Нет. На Лесной теперь.

Ещё пауза.

— Сорок шестой дом. Третий подъезд.
Я остановился.
Мужчина недовольно посмотрел на меня.
— Что случилось?
— Вам выходить?
— Нет.
— Тогда пересядьте вперёд.
— Зачем?
Я не смог придумать убедительной причины.
Доехали до его остановки.
Мужчина встал, попрощался со мной и вышел.
На следующий день он снова ехал моим автобусом.
Я специально спросил, всё ли у него в порядке.
— Да, спасибо.
Через неделю встретил его ещё раз.
Потом ещё.
Он не исчез.
Я решил, что ошибся.
Но однажды мужчина сел рядом с кабиной и спросил:
— Извините, а вы случайно не знаете, кто у нас контролёрами работает?
Я напрягся.
— А что?
— Странный один попался. Всё про старый адрес спрашивал.
— Вы название улицы ему сказали?
— Да он сам знал.
Мужчина усмехнулся.
— Представляете? Я восемь лет как переехал. А он знает, где я раньше жил.
— И что хотел?
— Спросил, почему я туда больше не езжу.
— Что вы ответили?
— Что развёлся.
Мужчина посмотрел в окно.
— Забавно получилось. Я после этого до бывшей жены дозвониться не могу.
Через два дня в городских новостях появилось сообщение о пожаре.
Улица Лесная, дом сорок шесть.
Никто не погиб.
Дом успели эвакуировать.
Но когда пожарные вскрыли одну из квартир, обнаружили странную вещь.
Квартира была совершенно пуста.
Ни мебели.
Ни вещей.
Ни следов проживания.
Хотя соседи утверждали, что ещё накануне там жил мужчина.
Номер квартиры совпадал.
Я больше никогда его не видел.
А потом нашёл в интернете фотографию этого человека.
В одном старом объявлении.
Он разыскивался с 2018 года.
Пропал по дороге домой.

Восемь лет назад.
Вот тогда я начал понимать.
Не всех, кто ездил на моём автобусе, можно было считать живыми пассажирами.
Некоторые исчезли много лет назад.
Но продолжали ездить.
Работать.
Разговаривать с людьми.
Рассказывать о своих семьях.
Иногда, видимо, даже сами не знали, что пропали.
И кто-то методично проверял, не пора ли им выйти.
Я не знаю, кто именно.
Но однажды он заговорил со мной.
Это случилось в ночь на четырнадцатое февраля.
В салоне никого не было.
Я ехал по длинному проспекту мимо закрытых магазинов.
Снег падал крупными хлопьями.
Радио тихо играло какую-то старую песню.
Внезапно за спиной раздался мужской голос.
— Доброй ночи.
Я чуть не выехал на встречную полосу.
Посмотрел в зеркало.
Пусто.
— Документы ваши можно?
Голос звучал совсем близко.
Спокойный, вежливый, с лёгкой хрипотцой.
Я молчал.
— Водительское удостоверение и путевой лист, пожалуйста.
Продолжал ехать.
— Михаил Александрович?
Меня прошиб холодный пот.
— Я к вам обращаюсь.
Я прибавил газу.
— Вы обслуживаете этот маршрут тринадцать лет?
Молчание.
— Хорошо.
Послышалось шуршание бумаги.
— Тогда помогите разобраться. Здесь несколько несовпадений.
Я остановил автобус.
Открыл все двери.
Выскочил на улицу.
Стоял на снегу, тяжело дыша.
Внутри горел свет.
Салон был пуст.
Подождал минуту.
Потом ещё одну.
Наконец вернулся.
Закрыл двери.
— Продолжим? — спросил голос.
Я закричал.

Не помню, что именно.
Матерился, требовал оставить меня в покое.
В какой-то момент даже ударил кулаком по перегородке кабины.
Голос терпеливо дождался, пока я замолчу.
— Зачем вы нервничаете? Пока к вам только один вопрос.
Я сидел, вцепившись в руль.
— Какой?
— Сколько пассажиров находится в вашем автобусе?
Я посмотрел в зеркало.
— Ни одного.
— Пересчитайте, пожалуйста.
— Ни одного!
— Вы уверены?
Мне захотелось плакать.
— Да!
Голос помолчал.
— Странно.
Сзади снова зашелестела бумага.
— А по моим данным, сорок три.
Я не помню, как добрался до парка.
Костя потом рассказывал, что я приехал на сорок минут раньше окончания смены.
Бросил автобус возле ворот.
Сдал ключи и ушёл.
Дома сразу лёг спать.
Проснулся около полудня.
Жена сидела возле кровати.
— Миш, что с тобой происходит?
Я рассказал всё.
На этот раз без исключений.
Она долго молчала.
Потом сказала:
— Ты больше туда не пойдёшь.
Я согласился.
В тот же день написал заявление об увольнении.
Начальник попытался отговорить.
Не получилось.
Оставалось отработать несколько смен, но я взял больничный.
Решил, что больше никогда не сяду за руль автобуса.
Через три дня мне позвонила незнакомая женщина.
— Михаил Александрович?
— Да.
— Вы водитель семьдесят шестого?
— Уже нет.
— Я хотела спросить про сына.
Её сыну было девятнадцать.
Домой не вернулся после ночной смены в супермаркете.
Последнее сообщение прислал из автобуса.
«Скоро буду».
Полиция занималась поисками.

Я назвал номер диспетчерской.
Женщина поблагодарила.
Затем сказала:
— Простите, а вы не можете посмотреть кое-что?
Она прислала фотографию.
Сын сделал селфи в салоне автобуса.
Отправил матери, чтобы та не волновалась.
Парень сидел возле окна и улыбался.
На фотографии за его плечом виднелась часть салона.
Я увеличил изображение.
На задней площадке стояло несколько человек.
Олег.
Женщина в коричневом пальто.
Мужчина с портфелем.
И другие пассажиры, которых я помнил по ночным сменам.
Все смотрели на объектив.
Никто не улыбался.
Я увеличил снимок ещё сильнее.
В проходе между сиденьями стоял мужчина.
Серое пальто.
Чёрные кожаные перчатки.
Лица почти не было видно.
Он наклонился к парню, положив руку на спинку его сиденья.
В другой руке держал небольшую записную книжку.
Я впервые увидел его.
И пожалел об этом практически сразу.
Потому что знал это пальто.
Оно висело у нас в прихожей.
Моё старое зимнее пальто.
Серое, шерстяное.
Я купил его лет пятнадцать назад.
Почти не носил последние годы, но выбрасывать было жалко.
Даже пуговица на рукаве была пришита другой ниткой.
На фотографии я отчётливо видел эту пуговицу.
Достал пальто из шкафа.
Сравнил.
Совпадало всё.
Потом проверил карманы.
В правом лежала упаковка салфеток.
В левом — старый чек из магазина.
А во внутреннем нашёл сложенный вдвое лист бумаги.
Я не помнил, чтобы когда-либо клал его туда.
На листе было написано:
«Маршрут № 76.
Количество принятых пассажиров: 44.
Количество доставленных пассажиров: 0.
Ответственный: М. А. Корнеев».
Корнеев — моя фамилия.
Я почти неделю не спал нормально.

Не мог смотреть на пальто.
В конце концов отнёс его к мусорным контейнерам.
Вместе с перчатками.
Лист бумаги сжёг.
На следующее утро пальто снова висело в прихожей.
Жена сказала, что нашла его на лестничной площадке.
Решила, что я выронил.
Я ничего не объяснял.
Отвёз пальто на другой конец города.
Оставил в контейнере для старой одежды.
Больше оно не возвращалось.
Зато начали сниться сны.
Одинаковые.
Я иду по автобусу.
В салоне темно.
Люди сидят молча.
Некоторые спят.
Я останавливаюсь возле каждого, наклоняюсь и задаю один и тот же вопрос:
— Вам далеко ещё?
Люди называют остановки.
Адреса.
Имена близких.
Я записываю ответы.
Потом говорю:
— Пока рано.
И иду дальше.
В марте я вернулся на работу.
Жена пыталась меня остановить.
Ругалась.
Плакала.
Но я вернулся.
Потому что в одну из ночей проснулся от её голоса.
Она сидела на краю кровати и разговаривала с кем-то в тёмной прихожей.
— Нет, он сейчас не работает.
Пауза.
— Дома.
Пауза.
— Да, здесь живёт.
Я вскочил.
Включил свет.
В прихожей никого не было.
Жена посмотрела на меня сонными глазами.
— Ты чего?
— С кем разговаривала?!
— Ни с кем.
Она совершенно не помнила, что только что говорила.
Утром я приехал в парк и попросил восстановить меня на маршруте.
Начальник согласился.
Наверное, решил, что семейные проблемы или деньги закончились.

Мне было всё равно, что он думает.
Я чувствовал, что должен находиться в автобусе.
Что пока я там, эта штука хотя бы не приходит домой.
С тех пор прошло четыре месяца.
Я научился с этим жить.
Олега вижу примерно раз в неделю.
Иногда других пропавших.
Они почти никогда не разговаривают.
Просто сидят.
Уставшие.
Некоторые спят, прислонившись к стеклу.
Иногда кто-нибудь подходит ко мне и спрашивает, долго ли ещё ехать.
Я отвечаю, что скоро.
Не знаю, зачем.
Наверное, потому что не могу сказать правду.
Однажды девушка спросила, почему за окном всегда ночь.
Я не нашёл ответа.
В другой раз пожилой мужчина попросил позвонить дочери. Сказал, что обещал приехать к ней на день рождения.
Телефон, который он протянул мне, был старенькой «Нокией».
На экране стояла дата.
17 октября 2009 года.
Я сделал вид, что телефон разряжен.
Он расстроился.
Поблагодарил меня.
Вернулся на своё место.
Неделю назад случилось нечто новое.
На конечной ко мне подошла женщина в коричневом пальто.
Та самая.
Я сразу её узнал.
Она выглядела иначе.
Волосы спутаны, лицо осунулось.
— Вы меня помните? — спросила она.
— Да.
— Я ведь тогда вышла.
— Помню.
— Я домой пошла. Потом на работу. Всё было нормально.
Я молчал.
— А потом снова села в автобус.
Она посмотрела на меня.
— Но это был другой автобус. Другой маршрут.
Её глаза наполнились слезами.
— Как я опять сюда попала?
Я не знал.
— Скажите, сколько сейчас времени?
Посмотрел на часы.
— Три двадцать шесть.
Она покачала головой.
— Нет. Какой сегодня день?

Я назвал дату.
Женщина закрыла лицо руками.
— У меня сын маленький.
Больше она ничего не сказала.
Прошла назад.
Села возле окна.
Вчера ночью я впервые попытался довезти их до места назначения.
Самовольно изменил маршрут.
У меня в салоне было семеро обычных пассажиров.
Я высадил их возле круглосуточного магазина, объяснив, что автобус неисправен.
После этого поехал к дому Олега.
Адрес мне когда-то сообщила его жена.
Я остановился возле подъезда.
Открыл двери.
— Олег! Приехали!
Он поднялся.
Подошёл к выходу.
Посмотрел на дом.
На третьем этаже горел свет.
Олег заплакал.
— Мой дом.
— Да. Выходи.
Он спустился на первую ступеньку.
Потом на вторую.
Протянул ногу.
И замер.
— Не могу.
— Давай. Ну же.
Я взял его за руку.
Потянул.
Он закричал так, словно я пытался выдернуть ему руку из сустава.
Я отпустил.
Олег рухнул на ступеньки.
В глубине автобуса кто-то тяжело вздохнул.
— Михаил Александрович, — произнёс знакомый голос.
Я обернулся.
— Вы отклонились от маршрута.
— Да пошёл ты.
— Вернитесь на маршрут.
— Выпусти его!
Олег сидел у моих ног и плакал.
— Пассажир ещё не завершил поездку.
— Он дома!
— Нет.
— Вот его дом!
Долгая пауза.
Потом голос произнёс:
— Посмотрите внимательнее.
Я повернулся к окнам третьего этажа.

На кухне стояла жена Олега.
Разговаривала с кем-то.
Улыбалась.
Через несколько секунд к ней подошёл мужчина.
Рыжая борода.
Рабочая футболка.
Олег.
Он обнял жену.
Поцеловал её в висок.
Потом отошёл от окна.
Я посмотрел вниз.
Другой Олег сидел на ступеньках автобуса.
Он тоже всё видел.
Никогда в жизни я не слышал, чтобы взрослый мужчина так кричал.
Я вернулся на маршрут.
Больше не пытался никого высадить.
Сегодня утром, когда закончил смену, нашёл на водительском сиденье записную книжку.
Ту самую, которую мужчина держал на фотографии.
В ней были фамилии.
Десятки фамилий.
Напротив каждой — номер маршрута, дата, время и адрес назначения.
Некоторые записи сделаны ещё в восьмидесятых.
Некоторые совсем недавно.
Возле последней фамилии оставалось пустое место.
Я перелистнул страницу.
Там оказалась таблица.
«Водители, не завершившие смену».
Восемь человек.
Семь фамилий зачёркнуты.
Последнюю я прочитал не сразу.
Михаил Александрович Корнеев.
Дата начала смены: 19 ноября 2013 года.
Время: 21:40.
Время окончания: отсутствует.
Я приехал домой.
Жена готовила завтрак.
По телевизору шли новости.
В ванной работала стиральная машина.
Обычная жизнь.
Я достал семейный альбом.
Фотографии с отдыха.
Дни рождения.
Поездки на дачу.
Свадьба дочери.
Тринадцать лет воспоминаний.
Всё на месте.
Потом нашёл свой старый трудовой договор.
Дата приёма на работу — 19 ноября 2013 года.
Помню тот день.

Помню, как волновался.

Помню механика, который показал мне автобус.

Помню первый рейс.

Даже помню, что на последней остановке возле мебельного магазина в салон поднялась женщина.

В длинном коричневом пальто.

Без зонта.

Шёл ледяной дождь.

Она спросила, доедем ли мы до конечной.

Я ответил, что доедем.

Сейчас половина девятого вечера.

Через час мне нужно выходить на работу.

Жена гладит мою рубашку.

Спросила, почему я сегодня такой задумчивый.

Я сказал, что устал.

Она улыбнулась.

— Ничего. Скоро пятница. Отдохнёшь.

Я спросил, какой сегодня день.

— Четверг.

На улице начался ледяной дождь.

Я стою возле окна и смотрю на остановку напротив нашего дома.

Там уже больше двадцати минут припаркован автобус.

Семьдесят шестой маршрут.

С включённым двигателем.

В салоне горит свет.

За рулём сидит человек в сером пальто.

Несколько минут назад он поднял голову и посмотрел прямо на моё окно.

Потом достал телефон.

Мой телефон зазвонил.

Я не ответил.

Пришло сообщение.

«Михаил Александрович, пора. Пассажиры ждут».

Я не знаю, что произойдёт, если не выйду из дома.

Не знаю, настоящая ли женщина сейчас гладит мою рубашку.

Не знаю даже, сколько раз я уже пытался написать эту историю.

Но перед тем как открыть браузер, я обнаружил на телефоне сорок три черновика.

Все начинаются одинаково.

«За тринадцать лет работы я дважды вызывал полицию, пять раз скорую помощь и однажды пожарных».

Ни один не опубликован.

Последнее сохранение — вчера.

Предпоследнее — позавчера.

И так сорок три ночи подряд.

Поэтому сегодня я не буду перечитывать написанное.

Просто нажму кнопку публикации.

А вас попрошу об одном.

Если вы когда-нибудь сядете в ночной автобус, а водитель вдруг спросит, какое сегодня число, пожалуйста, ответьте ему.

Даже если вопрос покажется странным.

Возможно, он просто пытается понять, сколько времени осталось до конца его смены. Конец.

Я купил дом у человека, который двадцать семь лет не выходил в сад

Первое яблоко с того дерева я съел в день, когда приехал смотреть дом.

Оно было небольшим, жёлтым, с розовым пятном на боку. Из тех яблок, которые невозможно найти в супермаркете: немного терпкое, с тонкой кожицей и запахом, остающимся на пальцах.

Продавец дома наблюдал за мной из окна кухни.

Когда я вернулся, он спросил:

— Вкусное?

— Очень. Что за сорт?

— Не знаю.

— Вы же сами деревья сажали?

Старик покачал головой.

— Не все.

Он попросил меня вымыть руки, прежде чем мы продолжим разговор.

Я решил, что человек просто привык к чистоте.

Спустя два года я всё ещё вспоминаю, как он попросил меня вымыть руки. Думаю, он собирался сказать что-то ещё.

Дом я искал почти год. Хотелось чего-нибудь старого, с большим участком, подальше от новых коттеджных посёлков, где дома стоят настолько близко, что соседи знают друг о друге больше, чем родственники.

Мне было сорок шесть. Я занимался изготовлением мебели на заказ, имел небольшую мастерскую в городе и постепенно приходил к мысли, что неплохо бы перенести производство ближе к дому.

Моя жена умерла пять лет назад. Сын учился в другом городе, приезжал на каникулы и давно перестал нуждаться в ежедневном отцовском внимании.

Дом в деревне Крутово подходил почти идеально.

Построен в 1954 году. Толстые кирпичные стены, высокие потолки, просторный чердак, хозяйственные постройки. Участок — тридцать две сотки, из которых большую часть занимал фруктовый сад.

Хозяина звали Семён Григорьевич. Восемьдесят один год, вдовец. Дочь забирала его к себе, в областной центр.

Цена была настолько привлекательной, что я несколько раз спрашивал, нет ли проблем с документами, коммуникациями или границами участка.

Документы оказались в порядке.

Электричество, вода, газ — всё работало. Крыша требовала небольшого ремонта, но ничего критичного.

Больше всего мне понравился сад.

Я насчитал двадцать три яблони, девять груш, несколько слив и старую вишню возле сарая. Между деревьями проходили узкие дорожки, выложенные плоскими камнями. Почти нигде не было сорняков. Ветки аккуратно подрезаны, трава невысокая, земля вокруг стволов рыхлая.

— Хороший у вас садовник, — сказал я.

Семён Григорьевич посмотрел на меня с некоторым удивлением.

— Нет у меня садовника.

— Сами справляетесь?

— Нет.

Он произнёс это таким тоном, что продолжать расспросы показалось невежливым.

Через неделю мы подписали договор. Дочь приехала за ним на машине, помогла вынести вещи. Перед отъездом Семён Григорьевич попросил меня пройти с ним на кухню.

— Калитку со стороны дороги закрывай, — сказал он. — А заднюю не трогай. Которая возле груш.

— Там же поле.

— Знаю.

— Животные будут заходить.

— Пусть.

Потом он указал на глубокую эмалированную миску, стоявшую на подоконнике.

— Это оставлю. Вечером наливай воды. Ставь на заднее крыльцо.

Я спросил, много ли здесь бродячих кошек.

Старик ответил:

— Кошек мало.

На том мы и расстались.

Первую ночь в новом доме я запомнил из-за жары.

Окна были открыты, но воздух почти не двигался. После полуночи я вышел на кухню, выпил воды и сел возле окна, выходившего в сад.

Луна освещала ближайшие деревья. Дальше, за грушами, почти ничего не было видно.

Где-то периодически щёлкало.

Звук показался знакомым. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это садовый секатор.

Короткий металлический щелчок, пауза, ещё один.

Я долго прислушивался, затем включил наружное освещение.

Между яблонями стоял человек.

Высокий, худой, в какой-то длинной светлой одежде. Одной рукой придерживал ветку, другой что-то делал возле неё.

— Эй! — крикнул я.

Человек выпрямился.

Садовые деревья оказались настолько густыми, что лица я не разглядел.

— Вы кто?

Он опустил руки и пошёл в сторону дальнего края сада. Двигался спокойно, не пытался бежать.

Я вышел на крыльцо, но спускаться не стал. На ногах были тапочки, в руке стакан воды.

— Участок теперь мой! — крикнул я вслед.

Человек исчез за грушами.

Утром обнаружил возле одной из яблонь несколько свежесрезанных веток. Срезы ровные, сделанные хорошим инструментом. Ветки лежали аккуратной кучкой.

Осмотрел заднюю калитку.

Открыта.

Решил, что прежний хозяин всё-таки пользовался услугами кого-то из местных и забыл предупредить о смене владельца.

Калитку закрыл на проволоку.

Через два дня приехал сын.

Дима собирался пожить у меня неделю перед началом летней практики. Привёз ноутбук, рюкзак с одеждой и совершенно бессмысленное количество зарядных устройств.

Дом ему понравился. Сад — особенно.

Мы обследовали сараи, нашли старые столярные инструменты, металлические канистры, банки с гвоздями и две неплохие лестницы.

За одним из сараев стоял деревянный ящик с ручками. Внутри — лопата, мотыга, садовая пила, несколько секаторов.

Все инструменты были чистыми. Металлические части смазаны, режущие кромки заточены.

— Дед аккуратный был, — сказал Дима.

Я согласился.

Вечером решили пожарить мясо. Пока сын возился с мангалом, я прошёлся по саду и начал планировать, где лучше поставить мастерскую.

Для этого требовалось убрать несколько деревьев.

Одну яблоню, растущую ближе всего к сараю, я выбрал первой. Ствол искривлён, нижние ветви начинались слишком низко, урожая практически не было.

Обвязал её красной лентой, чтобы впоследствии не перепутать.

На следующее утро ленты на дереве не оказалось.

Зато от ствола к четырём соседним яблоням тянулись толстые верёвки.

Я не сразу понял, что вижу.

Дерево было буквально привязано к остальному саду. Верёвки охватывали ствол и несколько крупных ветвей. Узлы необычные — очень плотные, сложные, с многочисленными переплетениями.

Позвал Диму.

— Твоя работа?

Он вышел сонный, босиком.

Посмотрел и рассмеялся.

— Пап, мне больше делать нечего?

Мы попытались развязать один узел. Не получилось.

Пришлось использовать нож.

Под верёвкой на стволе обнаружилась моя красная лента. Кто-то аккуратно сложил её в несколько раз и поместил между корой и натянутой верёвкой, чтобы защитить дерево от повреждений.

Дима перестал смеяться.

— Кто вообще ночью этим занимался?

Я посмотрел в сторону задней калитки.

Проволока была снята и лежала на столбике.

Ближайшего соседа звали Аркадий Петрович. Он жил через два дома, держал кур, кроликов и занимался ремонтом сельскохозяйственной техники.

Познакомились мы ещё до покупки.

Я рассказал ему про ночного посетителя и верёвки.

Аркадий выслушал, затем спросил:

— А чего ты яблоню пометил?

— Спилить хочу.

— Зачем?

— Мешает.

Он взял сигарету, прикурил и некоторое время смотрел на дорогу.

— Ты с Григоричем про сад не разговаривал?

— Разговаривал. Толком ничего не сказал.

— Понятно.

— Так кто туда ходит?

Аркадий пожал плечами.

— Я туда лет двадцать не заходил.

— Почему?

— Не люблю это место.

Он сказал это обыденным тоном, словно речь шла о соседях, с которыми он давно не разговаривал.

Я спросил, кто ухаживал за деревьями, учитывая возраст прежнего хозяина.

Аркадий удивился.

— Да он с девяносто седьмого года туда не выходил.

— Куда?

— В сад.

— Как это?

— Так. После того, как жена умерла.

Он затушил сигарету.

— Ты разве не заметил, что у него огород был перед домом?

Заметил. Небольшие грядки действительно располагались со стороны улицы, хотя за домом свободной земли было гораздо больше.

— Двадцать семь лет человек не выходил в собственный сад? — спросил я.

Аркадий кивнул.

— Ноги у него тогда ещё нормально ходили. Так что не в ногах дело.

В середине июля я спилил яблоню.

Подготовился заранее. Проверил направление падения, убрал лишние ветви, расчистил пространство вокруг ствола.

Дима придерживал оттяжку.

Дерево оказалось старым, но древесина внутри была вполне здоровой. Когда пила вошла в ствол, я почувствовал сильный запах, напоминающий одновременно свежевскопанную землю и раздавленные яблочные семечки.

Из среза потекла прозрачная жидкость.

Лето было жаркое. Сокодвижение, ничего особенно удивительного.

Мы закончили работу примерно за час. Разрезали ствол на несколько частей, сложили ветки возле сарая.

Дима отправился в дом.

Я остался убрать инструмент.

И вдруг услышал очень короткий звук.

Кто-то всхлипнул.

Резко, судорожно, словно человек долго сдерживал плач и наконец не выдержал.

Звук исходил откуда-то среди деревьев.

— Дим?

Сын не ответил.

Я обошёл ближайшие яблони.

Никого.

Затем заметил движение возле дальней груши. За стволом мелькнуло что-то светлое.

Пошёл туда.

На земле лежала длинная полоска ткани, испачканная землёй. Материал напоминал старую хлопчатобумажную рубашку.

Под грушей были свежие углубления. Кто-то стоял здесь босиком. Отпечатки ступней вытянутые, пальцы длинные, пятки узкие.

Я присел, чтобы рассмотреть их.

Отпечатки уходили к спиленной яблоне.

Обратных следов я не нашёл.

Следующей ночью кто-то попытался поставить дерево обратно.

Это не преувеличение.

Около четырёх часов утра Дима разбудил меня и сказал, что в саду шумят.

Мы подошли к окну.

Возле пня двигались несколько фигур.

Одна возилась с нижней частью спиленного ствола. Другая тянула верёвку, перекинутую через ветвь соседнего дерева.

Я включил свет на крыльце.

Движение прекратилось.

На мгновение мне удалось рассмотреть ближайшую фигуру.

Это действительно выглядело как человек. Только необыкновенно худой, с длинными руками и спиной, согнутой под странным углом.

Лицо прикрывало что-то вроде капюшона.

— Что за хрень? — прошептал Дима.

Я крикнул, что вызываю полицию.

Фигуры бросились в разные стороны.

Одна пересекла освещённую часть сада, и я увидел её ноги. Босые, очень тонкие. Колени поднимались высоко, почти к груди, хотя двигалась она удивительно быстро.

Дима схватил телефон и попытался снять происходящее.

На записи остались только несколько нечётких светлых пятен.

Утром мы обнаружили нижнюю часть ствола, поднятую вертикально и установленную на пень.

Она держалась на верёвках.

Место соединения кто-то тщательно обмотал мокрой тканью и обмазал глиной.

Остальные части дерева были разложены вокруг, словно их собирались присоединять по очереди.

Дима долго смотрел на эту конструкцию.

Потом сказал:

— Пап, давай больше ничего здесь не пили.

В тот же день я позвонил дочери Семёна Григорьевича.

Её звали Светлана. Она отвечала неохотно, но согласилась передать трубку отцу.

— Семён Григорьевич, у меня проблема с вашим садом.

Старик молчал.

— Здесь кто-то по ночам ходит.

— Ясно.

— Вы знали?

— Знал.

— Кто это?

В трубке послышалось тяжёлое дыхание.

— Ты чего-нибудь спилил?

— Яблоню.

— Какую?

Я описал дерево.

Семён Григорьевич долго не отвечал.

Потом спросил:

— Ствол целый?

— Нет. Распилили.

— Ветки?

— Тоже.

— Сжигал?

— Нет.

— Не сжигай.

— Почему?

Старик закашлялся.

Когда перестал, сказал:

— Пускай попробуют.

— Кто попробует? Что попробует?

— Собрать.

Я почувствовал, как начинаю злиться.

— Семён Григорьевич, хватит загадок. У меня по ночам на участке какие-то люди. Сын их видел. Если вы знаете, кто это, объясните.

— Это не люди.

Он сказал это совершенно спокойно.

Затем спросил:

— Миску с водой ставишь?

— Нет.

— Поставь.

— Для кого?

— Для маленьких.

Связь прервалась.

Вероятно, Светлана забрала телефон.

Дима уехал через три дня.

Предлагал мне вернуться вместе с ним в город, хотя бы временно.

Я отказался.

На тот момент ещё не был уверен, что столкнулся с чем-то сверхъестественным. Скорее подозревал, что прежний хозяин позволял каким-то местным людям пользоваться участком и теперь они не хотели отказываться от привычного места.

Установил камеры.

Одну возле задней двери, вторую на сарае, третью направил вдоль центральной дорожки.

Купил мощный фонарь.

Закрыл калитку на новый металлический засов.

В тот вечер впервые налил воды в оставленную Семёном Григорьевичем миску. Поставил на крыльцо.

Мне было совершенно неважно, кто будет из неё пить. Хотелось наконец увидеть ночных посетителей в нормальном качестве.

Утром вода исчезла.

На наружной камере было видно, как около двух часов ночи возле крыльца начинает шевелиться трава.

Затем из-под нижней ступеньки выбирается что-то небольшое.

Размером примерно с крупную крысу.

Однако движения совершенно не крысиные. Существо передвигалось на четырёх конечностях, периодически поднимая переднюю часть тела.

Остановилось возле миски.

Поднялось.

У него имелись руки.

Маленькие, с длинными пальцами.

Оно положило обе ладони на край миски и опустило внутрь голову.

Через несколько секунд из травы появились ещё два.

На этом запись не закончилась.

Они пили, толкались, несколько раз забирались на крыльцо и заглядывали в стеклянную дверь.

Одно приблизилось настолько, что камера наконец позволила рассмотреть лицо.

Светлая кожа, тёмные глаза, почти незаметный нос.

Широкий рот.

Никаких волос.

На первый взгляд лицо напоминало человеческое, но в его выражении отсутствовало что-то настолько привычное, что я не сразу понял, чего именно.

Существо не моргало.

Весь следующий день я просматривал запись.

Отправлять её кому-либо не решился. Слишком хорошо представлял возможные реакции.

Неизвестный вид животного, подделка, кукла, компьютерная графика, неудачный ракурс.

Сам я склонялся примерно к тем же объяснениям.

Пока не увидел одно из существ собственными глазами.

Произошло это после обеда.

Я ремонтировал оконную раму в сарае. Было жарко, двери стояли открытыми, откуда-то тянуло запахом забродивших фруктов.

Под верстаком зашуршало.

Я решил, что забралась мышь.

Наклонился.

Оно сидело между стеной и коробкой с инструментами.

Небольшое, не больше двадцати сантиметров в высоту. Светлая морщинистая кожа, тонкие конечности, непропорционально длинные пальцы. Голова крупная по отношению к туловищу.

Существо прижимало к груди половинку сливы.

Увидев меня, застыло.

Я тоже замер.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Затем оно открыло рот и издало сухой щёлкающий звук.

Из-за стены немедленно ответили.

Существо бросилось бежать.

Я попытался проследить, куда оно направится, но оно проскользнуло между досками и исчезло.

В месте, где сидело, осталась половинка сливы с несколькими крошечными следами зубов.

Я поднял её.

На мякоти отчётливо виднелся отпечаток человеческих резцов.

Только очень маленьких.

Ночью я почти не спал.

Не столько из-за страха, сколько из-за невозможности принять увиденное.

Я привык иметь дело с материальными вещами. Древесина, металл, инструменты. У всего есть вес, размеры, плотность. Если чего-то не понимаешь, можно разобрать, рассмотреть, измерить.

Здесь происходило нечто столь же материальное.

Оно ело фрукты.

Пило воду.

Оставляло следы.

При этом само его существование казалось невозможным.

На следующий день я осмотрел сад внимательнее.

Под несколькими деревьями обнаружил отверстия в земле. Одни достаточно крупные, другие почти незаметные. Возле некоторых лежали раздавленные косточки слив, сухие травинки, кусочки ткани.

Под вишней нашёл маленькую деревянную конструкцию.

Две тонкие веточки, соединённые перекладиной.

Что-то вроде лестницы.

Высотой сантиметров пятнадцать.

Несколько жердей обмотаны ниткой.

Дальше, под старой грушей, обнаружил маленький плетёный навес, устроенный между корнями. Покрытие состояло из сухих листьев, аккуратно закреплённых тонкими волокнами.

Вся конструкция выглядела настолько продуманной, что сомнений в её искусственном происхождении не оставалось.

Я присел рядом.

Из отверстия под навесом показались пальцы.

Потом часть лица.

Существо посмотрело на меня и скрылось.

Из глубины донёсся тихий звук.

Не щелчок.

Плач.

Я выпрямился и отошёл.

Впервые за всё время подумал, что, возможно, своим присутствием здесь причиняю кому-то гораздо больше беспокойства, чем этот кто-то причиняет мне.

Через неделю восстановленная яблоня начала засыхать.

Я наблюдал за ней из окна.

Кто-то регулярно менял ткань на месте соединения ствола с пнём. Глина оставалась влажной. Возле корней появлялись новые углубления, в которые ночью наливали воду.

Несколько ветвей удалось закрепить на стволе.

Всё это выглядело как отчаянная попытка спасти уже погибшее дерево.

Однажды утром возле яблони я обнаружил маленькую фигуру.

Она лежала на боку.

Подошёл осторожно.

Существо было примерно такого же размера, как то, которое я видел в сарае. Кожа потемнела, конечности неестественно вытянулись.

Оно не дышало.

Возле рта засохла прозрачная жидкость.

Я принёс деревянную коробку, надел перчатки и собирался поднять тело.

Из кроны соседнего дерева донёсся громкий треск.

Что-то тяжёлое переместилось среди ветвей.

Я отступил.

На землю упала груша.

Следом вторая.

Потом третья.

Ветки раскачивались, хотя ветра не было.

Я оставил коробку и ушёл.

Через несколько часов тело исчезло.

Возле пня появилась небольшая кучка земли, украшенная белыми лепестками.

К вечеру таких кучек было три.

На следующее утро — семь.

Все находились рядом со спиленной яблоней.

В конце июля мне всё-таки удалось поговорить с Семёном Григорьевичем лично.

Поехал в областной центр.

Светлана открыла дверь и, узнав причину визита, заметно расстроилась.

— Он плохо себя чувствует. Давайте недолго.

Старик лежал на диване возле окна.

Когда увидел меня, попросил дочь оставить нас одних.

Я рассказал о маленьких существах, следах, постройках и спиленном дереве.

Семён Григорьевич закрыл глаза.

— Много умерло?

— Семь, наверное.

Он кивнул.

— Значит, немногое ты задел.

Я достал телефон, показал видео.

Старик посмотрел без удивления.

— Давно они там?

— Всегда были.

— И что это такое?

— Не знаю.

— Вы ведь сколько лет там прожили.

Он посмотрел на меня.

— А ты много знаешь о том, что у тебя под землёй живёт?

Я убрал телефон.

— Почему вы перестали выходить в сад?

Семён Григорьевич отвернулся к окну.

Некоторое время мне казалось, что он не ответит.

Потом начал рассказывать.

Семён Григорьевич поселился в том доме в 1968 году, практически сразу после свадьбы.

Его жену звали Зинаида.

Дом принадлежал её тётке. Сад к тому моменту был уже большим, хотя часть нынешних деревьев посадили супруги.

Семён работал механизатором, Зинаида — в сельском магазине.

О маленьких существах жена знала с детства.

Не считала их особенно необычными.

В её семье было принято оставлять на крыльце воду, иногда кусочки хлеба или фруктов. Детям запрещалось разрушать норы под деревьями и трогать найденные там предметы.

Семён поначалу смеялся.

Потом увидел обитателей сада.

Несколько лет они спокойно сосуществовали. Зинаида давала маленьким существам обрезки ткани, старые нитки, деревянные щепки. Иногда находила возле крыльца вещи, потерянные много дней назад.

Сад постепенно разрастался.

— Они ведь работу любят, — сказал старик. — Всё что-нибудь делают. Не просто сидят.

— А большие?

Семён Григорьевич посмотрел на меня.

— Больших видел?

— Ночью. Когда яблоню поднимали.

Он тяжело вздохнул.

— Значит, уже выходят.

В отличие от маленьких, крупные обитатели сада почти никогда не показывались людям.

Семён видел их всего несколько раз.

Зинаида утверждала, что они отвечают за деревья. Ухаживают за ними, переносят тяжёлые предметы, защищают маленьких.

Однажды ночью супруги обнаружили возле сарая молодого барсука. Животное каким-то образом проникло под корни старой яблони. Утром его тело лежало возле задней калитки.

Семён не стал описывать, в каком состоянии.

— Зина тогда сказала, чтобы я больше никогда не ставил капканы. И я не ставил.

— А что произошло в девяносто седьмом?

Он замолчал.

Губы задрожали.

— Она заболела.

У Зинаиды обнаружили тяжёлое онкологическое заболевание.

Лечение не дало ожидаемого результата. К лету 1997 года она практически перестала вставать с кровати.

Семён ухаживал за ней дома.

В тот год обитатели сада начали вести себя иначе.

Возле заднего крыльца появлялись ягоды, цветы, маленькие плетёные корзинки. Окно спальни по утрам оказывалось украшено свежими веточками.

Однажды Семён увидел крупную фигуру возле стены дома. Она стояла под окном комнаты, где лежала Зинаида, и держала в руках длинный стебель с белым цветком.

Семён прогнал её.

На следующий день жена попросила больше этого не делать.

— Они хорошие, — сказала она. — Просто не понимают.

— Чего не понимают?

— Что я не поправлюсь.

Зинаида умерла восьмого августа.

Ночью, дома, на руках у мужа.

Тело забрали утром.

Похоронили через два дня на деревенском кладбище.

Вечером после похорон Семён вернулся домой.

Дверь со стороны сада была открыта.

На кухонном столе стояла корзина яблок.

А за окном, возле ближайшего дерева, кто-то копал землю.

Он вышел на крыльцо и увидел нескольких крупных существ.

Они выкапывали яму.

Возле ямы лежала одежда Зинаиды, её старые резиновые сапоги и несколько вещей, исчезнувших из дома в предыдущие дни.

Семён закричал.

Существа остановились.

Одно подняло голову.

В руках оно держало фотографию Зинаиды.

— Понимаешь, — сказал старик, — они её ждали.

Я не перебивал.

— Они думали, что она ушла. Что надо приготовить ей место.

— А потом?

Семён Григорьевич посмотрел на свои руки.

— Потом они её нашли.

Я не сразу понял смысл этих слов.

Старик попросил воды.

Я помог ему приподняться, подал стакан.

— Через четыре дня после похорон, — продолжил он, — утром вышел на крыльцо. Смотрю, возле старой груши землю разровняли. Холмик сделали. Цветов натаскали.

Он замолчал.

— Сходил на кладбище. Могила была вскрыта.

По словам Семёна, местные решили, что над могилой надругались какие-то пьяные или психически нездоровые люди. Районная полиция проводила проверку.

Тело Зинаиды не нашли.

Семён никому не рассказал о саде.

Вместо этого взял лопату и попытался раскопать землю возле груши.

Не успел сделать и нескольких движений.

Из деревьев вышли трое крупных существ.

Один схватил его за руку.

Другой отнял лопату.

Третий встал между ним и холмиком.

Семён пытался объяснить, что они сделали страшную вещь, что Зинаида должна лежать на кладбище.

Существа не нападали.

Просто не позволяли приблизиться к могиле.

— И вы её оставили там?

Старик заплакал.

Долго не мог говорить.

— А куда мне было деваться? Она ведь сад любила.

После того дня Семён Григорьевич больше не заходил за заднее крыльцо.

Не потому, что боялся существ.

Он боялся того, что они делали с его женой.

— Она там до сих пор? — спросил я.

Семён Григорьевич вытер глаза.

— Не знаю.

— Вы никогда не пытались проверить?

— Первые годы смотрел из окна.

— Что видели?

Он покачал головой.

— Весной они к ней цветы носили. Осенью яблоки. Зимой ветками укрывали.

— К могиле?

Старик ничего не ответил.

Я вспомнил большую грушу, растущую в дальнем углу сада.

Под ней всегда лежало несколько свежих веточек и цветов.

Когда осматривал участок перед покупкой, решил, что прежний хозяин устроил там импровизированную клумбу.

— Семён Григорьевич, почему вы мне ничего не рассказали?

Он долго смотрел на меня.

— А ты бы купил?

Я не нашёлся с ответом.

— Вот и я боялся, что никто не купит. Дочь каждый день звонила. Дорогу тяжело переносить, одному жить нельзя. Деньги нужны.

Он снова закрыл глаза.

— Думал, привыкнешь. Они ведь не злые.

Уже когда я собирался уходить, старик попросил меня наклониться.

— Если кого-нибудь из них найдёшь мёртвым, не выбрасывай. Оставь там, где нашёл. Они сами разберутся.

Я кивнул.

— И тебе, — добавил он, — лучше там ничем серьёзно не болеть.

Вернувшись домой, первое, что я сделал, — подошёл к старой груше.

Дерево было огромным. Толстый ствол, несколько мощных ветвей, густая крона.

Под ним действительно находилась небольшая возвышенность.

Я стоял возле неё почти десять минут.

Раскапывать не стал.

Не хотел проверять.

Уже собирался уходить, когда заметил возле корней металлический предмет.

Старый алюминиевый напёрсток.

Рядом лежала пуговица, несколько цветных бусин и маленькая фарфоровая чашка с отколотой ручкой.

Предметы выглядели словно часть какого-то домашнего уголка.

Я посмотрел внимательнее.

Чуть дальше стояли две игрушечные табуретки, изготовленные из тонких деревянных веточек.

На одной лежал кусочек ткани.

Мне стало не по себе.

Это было невозможно принять за случайный набор вещей.

Кто-то поддерживал здесь порядок.

Десятилетиями.

В начале августа произошло событие, после которого я перестал воспринимать маленьких обитателей сада как забавных неизвестных животных.

Я обнаружил в сарае разорванный мешок с древесной стружкой.

На полу валялись мои старые рабочие перчатки, несколько гаек и кусок мягкого упаковочного материала.

Из дальнего угла доносились тихие звуки.

Я посветил фонарём.

За деревянным ящиком сидели четыре маленьких существа.

Одно лежало на боку. Остальные что-то делали возле него.

Сначала подумал, что помогают раненому.

Потом увидел, что лежащее существо было значительно крупнее остальных.

Живот вздут, кожа натянута.

Оно тяжело дышало.

Я наблюдал несколько секунд, пока не понял, что происходит.

Роды.

Отошёл, выключил фонарь.

Через несколько часов вернулся.

В укрытии находилось только одно взрослое существо и несколько крошечных, практически прозрачных детёнышей.

Взрослое сидело, прижимая их к себе.

Остальные куда-то ушли.

Существо подняло голову и посмотрело на меня.

Впервые я почувствовал, что могу понять выражение его лица.

Оно боялось за детей.

Я принёс небольшую ёмкость с водой, оставил возле ящика и ушёл.

Следующие несколько дней старался не заходить в сарай.

Когда детёнышей перенесли в другое место, обнаружил возле верстака аккуратно сложенные перчатки.

На них лежало маленькое яблоко.

Не знаю, была ли это благодарность.

Но тогда мне хотелось думать именно так.

Постепенно менялось и моё отношение к саду.

Я перестал включать наружное освещение по ночам. Оставлял воду на крыльце, не трогал упавшие ветки, если они были сложены в кучки.

Существ видел довольно часто.

Маленькие привыкли ко мне.

Некоторые перестали убегать сразу. Наблюдали из травы, пока я работал, иногда приближались к инструментам.

Однажды обнаружил, что кто-то собрал рассыпавшиеся на земле саморезы. Все лежали возле порога, рассортированные по размеру.

В другой раз потерянный ключ от сарая нашёлся на подоконнике.

Я даже начал различать отдельных обитателей.

Один имел тёмное пятно над левым глазом.

У другого отсутствовала часть пальца.

Третий постоянно носил перевязанную ниткой полоску синей ткани.

Крупные продолжали появляться только в темноте.

Я слышал их шаги, металлические щелчки инструментов, шелест ветвей.

Иногда они надолго останавливались возле дома.

Но внутрь никогда не заходили.

Мне казалось, мы постепенно установили некое подобие мирного сосуществования.

Именно поэтому дальнейшее оказалось настолько ужасным.

Двадцать четвёртого августа в сад забежала соседская собака.

Большая беспородная псина по кличке Бакс.

Добродушная, совершенно неагрессивная по отношению к людям, но обладавшая всеми обычными собачьими инстинктами.

Я находился в мастерской, когда услышал лай.

Бакс носился между деревьями, пытаясь что-то поймать.

Выбежал, окликнул его.

Собака бросилась к старой сливе, схватила что-то в траве и резко мотнула головой.

Раздался пронзительный писк.

На землю упало маленькое светлое тело.

Бакс потянулся к нему.

Я схватил собаку за ошейник.

В тот же момент из кроны сливы спрыгнуло большое существо.

Первое, которое я увидел при дневном свете.

До сих пор помню, как оно приземлилось.

Почти бесшумно.

Ростом примерно с человека, но настолько худое, что грудная клетка и суставы отчётливо проступали сквозь кожу. Руки необыкновенно длинные. На пальцах грубые, тёмные ногти.

Никакой одежды.

То, что раньше принимал за светлую рубашку, оказалось складками кожи.

Лицо вытянутое. Небольшие глаза глубоко посажены, рот узкий, губ почти нет.

Оно посмотрело на лежащее тело.

Затем на собаку.

Бакс зарычал.

Я ещё крепче сжал ошейник.

— Нельзя!

Не знаю, кому была адресована команда.

Существо приблизилось.

Позади меня зашуршала трава.

Обернулся.

Из-за груши выходило второе.

Потом третье.

Мне удалось потащить Бакса к дому. Собака сопротивлялась, лаяла, пыталась вывернуться.

Крупные существа шли следом.

Не бежали.

Не издавали ни звука.

Когда мы пересекли порог, остановились возле крыльца.

Я захлопнул дверь.

Бакс прижался к моим ногам и заскулил.

За стеклом стояли три неподвижные фигуры.

Одна подняла руку и коснулась двери.

Так осторожно, словно проверяла, из чего она сделана.

Владельцу Бакса я позвонил сразу.

Он приехал минут через двадцать, забрал собаку и долго извинялся.

Про маленьких существ рассказывать не стал.

Попросил только не выпускать пса за пределы участка.

До вечера в саду было необычно тихо.

Утром сосед пришёл снова.

— Бакса не видел?

— Нет. А что?

— Пропал.

Собаку он оставил в закрытом вольере. Утром дверца оказалась открытой.

Мы обошли ближайшие участки, заглянули в заброшенный дом, прошли вдоль поля.

Ничего.

На третий день я нашёл ошейник Бакса.

Он висел на ветке старой сливы.

Высоко, метрах в трёх над землёй.

Чистый.

Аккуратно застёгнутый.

Я снял его при помощи лестницы.

На внутренней стороне обнаружил несколько засохших волосков.

Отдал соседу, сказав, что нашёл возле дороги.

Собака так и не вернулась.

После этого я решил избавиться от сада.

Разумеется, не собственными силами.

Позвонил знакомому, который занимался расчисткой участков. Договорились, что он приедет с рабочими, техникой и оценит объём работ.

Собирался убрать все старые деревья, выкорчевать пни, расчистить территорию.

Решение принял не сразу.

Несколько дней ходил по дому, вспоминая маленьких существ и их детёнышей.

Но всякий раз перед глазами возникал ошейник Бакса.

А ещё — рассказ Семёна Григорьевича о вскрытой могиле.

Я начал понимать, что настоящая опасность заключается не в их агрессивности.

Они жили по каким-то собственным правилам.

Защищали одних существ.

Уничтожали других.

Между этими категориями, вероятно, существовала вполне определённая граница.

Я просто не знал, по какую сторону нахожусь.

Рабочие приехали во вторник.

Трое мужчин на небольшом грузовике. Осмотрели участок, обошли деревья, предложили начать с дальней части сада.

Я показал, где проходит водопровод, предупредил о старых колодцах.

Один из рабочих, парень лет двадцати пяти по имени Вадим, подошёл к груше возле предполагаемой могилы Зинаиды.

— Эту тоже?

Я посмотрел на дерево.

— Пока не трогайте.

Начали со старой сливы.

Вадим запустил бензопилу.

И сразу же из травы возле дерева появилось несколько маленьких существ.

Они бросились в разные стороны.

Парень выключил пилу.

— Что это было?

Другой рабочий рассмеялся.

— Крысы.

Вадим посмотрел под ноги.

— Какие, на хрен, крысы?

Одно из существ забралось на ствол сливы. Прижалось к коре и замерло.

Мы все его видели.

Никто не произнёс ни слова.

Затем рабочий поднёс пилу к стволу.

Из кроны соседнего дерева свесилась длинная бледная рука.

Схватила его за плечо.

Вадим закричал.

Я бросился к нему.

Существо отпустило парня и исчезло среди ветвей.

Вадим упал, выронил пилу.

На рабочей куртке, возле плеча, остались четыре длинных разрыва.

— Уезжаем, — сказал второй мужчина.

Никто не спорил.

Через пять минут грузовик покинул участок.

Знакомый вечером позвонил и спросил, что я там вообще развожу.

Соврал, что не знаю.

Он отказался возвращаться.

В ту ночь сад не затихал ни на минуту.

Слышались шаги, треск ветвей, короткие щелчки, какие-то протяжные звуки, похожие на перекличку птиц.

Я сидел на кухне, включив свет во всех комнатах.

Около трёх часов утра обнаружил, что кто-то стоит возле окна.

Крупное существо.

Лицо почти прижато к стеклу.

В руках оно держало предмет, который я поначалу не узнал.

Моя красная лента.

Та самая, которой пометил первую яблоню.

Существо приложило ленту к стеклу.

Постояло.

Потом повесило её на наружную ручку оконной рамы.

И ушло.

Утром возле дома обнаружились новые верёвки.

Они тянулись от двух ближайших яблонь к столбам крыльца.

Ещё одна соединяла угол сарая с грушей.

Кто-то обмотал верёвкой водосточную трубу.

Точно такие же узлы, как на дереве, которое я собирался спилить.

Я взял нож.

Подошёл к ближайшей верёвке.

И остановился.

Впервые возникла мысль, что, возможно, они не пытались защитить яблоню именно от меня.

Возможно, так они обозначали всё, что считали частью сада.

В начале сентября я получил травму.

Совершенно нелепую.

Работал на крыше сарая, менял несколько листов старого кровельного материала. Лестница соскользнула, и я упал на землю.

Приземлился неудачно.

В правой ноге что-то хрустнуло.

Попытался встать — не получилось.

Телефон оставил в мастерской.

До дома было около двадцати метров.

Я начал ползти.

Помню жару, запах травы и резкую боль при каждом движении ноги.

Затем услышал знакомые щелчки.

Возле моей руки появилось маленькое существо.

Посмотрело на ногу.

Потрогало траву рядом.

Издало несколько звуков.

Ему ответили.

Я попытался отпугнуть его.

— Пошёл! Иди отсюда!

Оно не убежало.

Через минуту вокруг меня собралось больше десятка маленьких фигур.

Они подходили, касались одежды, осматривали повреждённую ногу.

Одна принесла тонкую палочку.

Другая — лист.

Потом где-то за спиной послышались тяжёлые шаги.

Я обернулся.

Из-за яблонь выходили крупные существа.

Четыре.

Одно присело возле меня.

Протянуло руку.

Я закричал и попытался отползти.

Оно осторожно взяло меня за плечи.

Другое подхватило ноги.

Третье просунуло длинные руки под спину.

Меня подняли.

Я бился, кричал, пытался ударить ближайшее существо.

Бесполезно.

Они держали удивительно крепко, но старались не причинять лишней боли.

Я видел их лица на расстоянии нескольких сантиметров.

Почувствовал запах земли, грибов и прелой листвы.

Они понесли меня в глубину сада.

Под старой грушей находился вход.

Раньше я его не замечал.

За толстыми корнями, среди травы и сухих листьев, скрывалось довольно большое углубление.

Когда существа приблизились, одно отодвинуло плетёную конструкцию, закрывавшую отверстие.

Оттуда потянуло влажным холодом.

Меня опустили на землю.

Я схватился за ствол дерева.

Кричал так громко, что заболело горло.

Существа переглядывались, издавали щёлкающие звуки, пытались осторожно отцепить мои пальцы.

Одно погладило меня по голове.

Неуклюже.

Несколько раз провело ладонью от лба к затылку.

Точно так, как взрослый человек успокаивает испуганного ребёнка.

Потом меня потащили внутрь.

Под землёй оказалось гораздо просторнее, чем можно было предположить.

Тусклый дневной свет проникал сквозь отверстие между корнями. Стены укреплены переплетёнными ветками и какой-то плотной массой, напоминающей глину.

Повсюду лежали листья, сухая трава, кусочки ткани.

Возле одной стены находилось нечто похожее на лежанку.

Меня положили туда.

Сразу появилось несколько маленьких существ. Они принесли воду в крышке от пластиковой бутылки, половину сливы, какие-то ягоды.

Крупное существо принялось осматривать мою ногу.

Я пытался объяснить, что мне нужна больница.

Оно не реагировало.

Взяло две деревянные рейки и приложило к повреждённой конечности.

Другое принесло длинную полоску ткани.

Они начали фиксировать ногу.

Делали всё осторожно, почти профессионально.

Только мне от этого не становилось легче.

Когда закончили, одно из существ накрыло меня старым одеялом.

На ткани имелся знакомый рисунок.

Синие цветы, выцветшие от времени.

Я видел такое одеяло на одной из фотографий, оставленных Семёном Григорьевичем в доме.

На нём сидела Зинаида.

Когда глаза привыкли к темноте, я наконец рассмотрел дальнюю часть подземного помещения.

Там находилось несколько отдельных углублений, соединённых невысокими проходами.

В одном спали маленькие существа.

В другом лежали груши и яблоки.

Чуть дальше кто-то возился с деревянными веточками.

А возле самой дальней стены стояло кресло.

Настоящее человеческое кресло.

С деревянными подлокотниками, истёртой обивкой и высокой спинкой.

В кресле кто-то сидел.

Сначала я решил, что это ещё одно крупное существо.

Потом различил платье.

Старое, тёмное, с мелкими белыми цветами.

На коленях лежало покрывало.

Одна рука покоилась на подлокотнике.

Вместо пальцев — тонкие жёлтые кости, частично оплетённые белыми корешками.

Голова наклонена к плечу.

Лица практически не осталось.

Сохранились лишь несколько участков высохшей кожи и длинные седые волосы, аккуратно собранные на затылке.

Возле кресла стояла чашка.

Та самая, с отколотой ручкой, которую я видел под грушей.

Одно из маленьких существ забралось на колени сидящей.

Устроилось на покрывале.

Другое принесло ягоду и положило в чашку.

Я отвернулся.

Закрыл глаза.

Никогда в жизни не испытывал такого ужаса.

Не потому, что увидел человеческие останки.

Мне случалось видеть мёртвых людей.

Страшным было то, что всё вокруг выглядело домашним.

Ухоженным.

Обитаемым.

Кто-то поправлял покрывало.

Кто-то приносил цветы.

Кто-то заботливо укладывал на место выпавшие пряди волос.

Зинаиду не просто забрали с кладбища.

Они продолжали ухаживать за ней.

Я провёл под землёй около шести часов.

Возможно, меньше.

Телефона не было, ориентировался по свету, проникавшему через вход.

Существа не пытались причинить мне вреда. Напротив, постоянно приносили воду, фрукты, что-то мягкое под голову.

Одно сидело рядом и периодически проверяло повязку на ноге.

Когда попытался подняться, меня осторожно уложили обратно.

Я говорил с ними, просил выпустить.

Показывал в сторону выхода.

Они смотрели внимательно.

Иногда отвечали звуками.

Но выпускать не собирались.

Постепенно я начал понимать причину.

Раненое существо не должно передвигаться.

Оно должно лежать в безопасном месте.

Его необходимо кормить, согревать и защищать.

Именно это они делали.

Проблема заключалась в том, что мне требовалась медицинская помощь, а их представление о заботе полностью исключало возможность добровольно покинуть безопасное место.

Я посмотрел на кресло Зинаиды.

И впервые задумался о том, способны ли они вообще отличить неизлечимую болезнь от смерти.

Спасла меня случайность.

В тот день должен был приехать заказчик, чтобы забрать изготовленный мной кухонный стол.

Не застав меня дома, он несколько раз позвонил, после чего обратился к соседу.

Аркадий Петрович знал, что я работаю на участке.

Они начали искать.

Из подземного помещения я услышал далёкие голоса.

Закричал.

Крупные существа немедленно поднялись.

Одно прикрыло вход плетёной конструкцией.

Другие начали издавать резкие звуки.

Я продолжал кричать.

Кто-то снаружи ответил.

Существа засуетились.

Одно попыталось прижать ладонь к моему рту.

Я укусил его.

Оно отдёрнуло руку и издало короткий высокий звук.

Затем вход внезапно открылся.

Я увидел Аркадия.

Он стоял возле корней груши с длинным металлическим прутом.

— Господи…

Больше ничего сказать не успел.

Из темноты к нему бросилось крупное существо.

Аркадий отскочил, закричал, чтобы заказчик вызвал скорую и полицию.

Человек снаружи побежал к дому.

Внутри поднялся невероятный шум.

Маленькие существа заметались между укрытиями. Крупные заняли пространство возле входа.

Я схватился за деревянную рейку, торчавшую из стены, и начал подтягиваться к выходу.

Одна длинная рука снова обхватила меня за туловище.

Другая поправила одеяло.

Они пытались вернуть меня на лежанку.

Аркадий просунул внутрь металлический прут и ударил по земляной стенке.

Посыпалась земля.

Существа отступили.

Он схватил меня за руку.

— Давай!

Я закричал от боли.

Мы добрались до выхода.

Последнее, что увидел перед тем, как меня вытащили наружу, — несколько маленьких существ, облепивших кресло Зинаиды.

Они закрывали её своими телами.

У меня диагностировали перелом большеберцовой кости и несколько менее серьёзных повреждений.

Оперировали.

Почти три недели провёл в больнице.

Аркадий приезжал дважды.

В первый раз привёз одежду и документы.

Во второй — попросил рассказать, что произошло.

Я рассказал.

Он долго слушал.

Потом сказал:

— Григорич, значит, всё правильно говорил.

— Ты знал?

— Про маленьких знал. Больших видел один раз, ещё пацаном.

— Почему молчал?

Аркадий пожал плечами.

— Они меня не трогали. Я их тоже.

Я спросил, что сейчас происходит в саду.

— Не знаю. Не ходил.

— А полиция?

— Приезжали. Посмотрели яму. Пустая.

— Как пустая?

— Вход есть. Дальше земля осыпалась. Сказали, старый погреб или звериная нора.

Он поставил пакет с яблоками на тумбочку.

— Ты продавать дом будешь?

— Буду.

Аркадий кивнул.

Перед уходом остановился возле двери.

— Только эти яблоки не оттуда. У меня своих хватает.

Пока находился в больнице, умер Семён Григорьевич.

Светлана сообщила об этом по телефону.

Похороны прошли в областном центре.

Я отправил соболезнования.

А спустя несколько дней попросил Диму съездить в деревню, проверить дом и забрать некоторые вещи.

Он согласился.

Позвонил вечером.

— Пап, ты там ничего нового не строил?

— Нет.

— Точно?

— Что случилось?

Дима прислал фотографию заднего крыльца.

Возле ступенек лежали деревянные рейки, несколько металлических деталей, рулон старой ткани и два колеса от детской коляски.

На следующем снимке обнаружилась конструкция, которую я сначала принял за развалившуюся садовую тележку.

Потом понял.

Они построили кресло на колёсах.

Неровное, грубое, но вполне узнаваемое.

Деревянное сиденье, высокая спинка, две боковые опоры.

К спинке была привязана мягкая подушка.

Та самая, которую я оставил летом на веранде.

— Видимо, соседи притащили, — сказал Дима.

Я попросил его немедленно уехать.

В октябре я вернулся за вещами.

Передвигался на костылях.

Дима помогал.

Мы собирали инструменты, одежду, документы, бытовую технику.

Сад выглядел совершенно обычным.

Листья пожелтели, трава покрылась утренней росой. Под деревьями лежали поздние яблоки.

Возле заднего крыльца стояло самодельное кресло.

Меня поразило, насколько тщательно оно было изготовлено.

Края деревянных деталей сглажены.

На подлокотниках мягкие накладки.

Под ноги предусмотрена отдельная опора.

Они действительно старались сделать так, чтобы мне было удобно.

Дима посмотрел на кресло и спросил:

— Выбросить?

— Не трогай.

Мы закончили погрузку ближе к вечеру.

Я стоял возле открытой задней двери, смотрел на сад.

Между деревьями появилось маленькое существо с синей полоской ткани.

Подошло к крыльцу.

В руках держало сухой лист.

Положило его рядом с креслом.

Потом подняло голову и издало тихий щелчок.

Издалека ответили.

Вскоре возле дорожки собралось несколько десятков маленьких обитателей сада.

Они смотрели на меня.

Из-за старой груши вышла крупная фигура.

Остановилась на расстоянии нескольких метров.

В одной руке держала ветку с двумя яблоками.

Протянула её в мою сторону.

Я закрыл дверь.

Дом продавался почти год.

Несколько покупателей приезжали на осмотр. Одним не понравилось состояние крыши, другие хотели участок поменьше.

Признаться, я испытывал облегчение каждый раз, когда очередная сделка срывалась.

Понимал, что обязан предупредить новых владельцев.

Но совершенно не представлял, каким образом.

В конце концов предложил Аркадию купить участок за символическую сумму. Он отказался.

Тогда договорились иначе.

Я сохранил право собственности, а он стал присматривать за домом. Платил ему за проверку коммуникаций, отопления и крыши.

В сад Аркадий не заходил.

Весной, когда я снова мог нормально ходить, мы встретились возле дома.

Он рассказал, что зимой несколько раз замечал в окнах свет.

Электричество при этом было отключено.

Иногда возле крыльца появлялись небольшие кучки дров.

Самодельное кресло исчезло.

— Думал, может, в сарай перетащили, — сказал Аркадий.

Мы проверили сарай.

Кресла там не оказалось.

Зато под верстаком лежало несколько аккуратно сложенных деревянных деталей. Рядом три колеса и моток ткани.

Они продолжали что-то делать.

В июне прошлого года я решил продать дом сельской администрации.

Предложил использовать участок как общественный фруктовый сад, оставить деревья нетронутыми, дом при необходимости закрыть.

Председатель согласился рассмотреть предложение.

Потребовалось обновить некоторые документы.

Начались обычные бюрократические процедуры.

И тогда объявилась женщина по имени Галина.

Она нашла мой номер через местных жителей.

Оказалось, что её бабушка родилась в этом доме в начале тридцатых годов.

Сама Галина много слышала о старом саде и давно хотела посмотреть, что от него осталось.

Мы договорились встретиться.

Ей было около шестидесяти.

Приехала с взрослой дочерью, привезла пирог.

Долго ходила вокруг дома, рассказывала услышанные в детстве истории.

Потом спросила:

— А человечки здесь ещё живут?

Я остановился.

— Какие человечки?

Она удивилась.

— Маленькие. Бабушка рассказывала, что играла с ними в детстве.

Я посмотрел на её дочь.

Та улыбнулась.

— У нас семейная сказка такая.

Галина открыла сумку, достала несколько старых фотографий.

На одной возле яблони стояла девочка лет восьми.

Фотография довоенная, чёрно-белая.

В руках девочка держала что-то маленькое, завёрнутое в ткань.

Я спросил, что это.

Галина приблизила снимок к глазам.

— Бабушка говорила, что один из её друзей заболел. Она его выхаживала.

— И что потом?

— Поправился, наверное.

Галина перевернула фотографию.

На обороте карандашом было написано:

«Люба с маленьким Мишей. Июль 1940».

— Она им имена давала, — объяснила женщина.

Я вернул фотографию.

Галина некоторое время молчала.

Затем сказала:

— Знаете, самое смешное? Бабушка до конца жизни считала, что они придут за ней, когда она станет совсем старенькая.

— Пришли?

Женщина посмотрела на меня.

— Нет. Она умерла в другом городе. Здесь с пятидесятых не бывала.

Мы продолжили разговор.

Но я уже не слушал.

Мне не давало покоя одно обстоятельство.

Зинаиду они нашли на кладбище.

А Семён Григорьевич похоронен в областном центре.

Возможно, предыдущие владельцы дома были для них чем-то гораздо большим, чем случайные люди, живущие рядом.

Осенью я получил странный звонок.

Звонила Светлана, дочь Семёна Григорьевича.

Мы не общались больше года.

Она спросила, не приезжал ли я недавно в областной центр.

— Нет. А что случилось?

— На кладбище кто-то ходит.

Я почувствовал холод в груди.

— В каком смысле?

— К отцу. Постоянно приносят яблоки. Маленькие жёлтые, с красным боком. Мама такие очень любила.

Светлана решила, что могилу навещает кто-то из старых знакомых.

Но выяснить, кто именно, не удалось.

— Может, кто-нибудь из Крутова? — спросила она.

Я сказал, что не знаю.

После разговора долго сидел на кухне.

Пытался вспомнить расстояние от деревни до областного центра.

Сто восемнадцать километров.

Последний раз я приезжал в Крутово три недели назад.

Документы почти готовы. Администрация рассматривает участок, хотя окончательного решения пока нет.

Аркадий открыл дом.

Мы проверили трубы, сняли показания счётчика.

Перед отъездом я подошёл к окну кухни.

Сад постепенно засыпал.

Голые ветви, мокрые листья, тёмная земля.

Под старой грушей стояли два кресла.

Одно — с высокой деревянной спинкой и истёртой обивкой.

Второе — похожее на инвалидную коляску.

Я долго смотрел на них.

Оба были пусты.

Возле первого лежала старая эмалированная чашка.

На втором — тёмный мужской свитер.

Мне показалось, что видел его на Семёне Григорьевиче в день подписания договора.

Рядом росло молодое дерево.

Небольшая яблоня, подвязанная к деревянной опоре.

Земля вокруг тщательно взрыхлена.

На одной из ветвей висела тонкая красная лента.

Я не стал выяснять, что находится под деревом.

Знаете, за прошедшее время я неоднократно пытался определить, с чем именно столкнулся.

С неизвестным биологическим видом.

С существами из местного фольклора.

С чем-то, что жило рядом с человеком задолго до появления деревни.

Ни одна версия ничего не меняет.

Они способны привязываться.

Помнят тех, кто когда-либо принадлежал их маленькому миру.

Заботятся о больных.

Защищают потомство.

Оплакивают погибших.

Умеют пользоваться инструментами, строить жилища и выращивать деревья.

В каком-то смысле между нами удивительно много общего.

Наверное, именно поэтому мне так трудно ненавидеть их.

Я уничтожил дерево, в котором или под которым, вероятно, жили десятки маленьких существ. Они не отомстили мне. Не напали. Попытались восстановить повреждённое.

Когда получил травму, они сделали всё, что считали необходимым для моего спасения.

Построили для меня кресло.

Приготовили безопасное место.

И, скорее всего, продолжали бы заботиться обо мне до конца моих дней.

А потом — значительно дольше.

Сегодня утром я обнаружил возле двери городской квартиры небольшую плетёную корзинку.

Внутри лежали три жёлтых яблока с розовым пятном на боку и деревянный предмет, завёрнутый в ткань.

Развернул.

Это была маленькая подставка для ноги.

Точная копия той, которую они прикрепили к самодельному креслу.

Я посмотрел на свою правую ногу.

После перелома иногда хромаю.

Особенно в холодную погоду.

В корзинке больше ничего не было.

Признаюсь, я долго проверял лестничную площадку, заглядывал за мусоропровод, осматривал вентиляционные отверстия возле пола.

Никого не обнаружил.

Потом вернулся в квартиру.

Яблоки лежали на кухонном столе.

От одного исходил знакомый терпкий запах.

Точно такой же, как в день покупки дома.

Я взял плод в руку и впервые подумал о том, что совершенно неправильно понимал слова прежнего хозяина.

Семён Григорьевич двадцать семь лет не выходил в сад.

Но продолжал жить в доме.

Достаточно близко, чтобы его видели.

Достаточно близко, чтобы о нём могли позаботиться, когда придёт время.

А когда он наконец уехал, они не перестали ждать.

Просто начали искать.

Я положил яблоко обратно в корзинку.

В ванной наполнил небольшую миску водой и поставил её возле входной двери.

Не знаю, зачем.

Наверное, мне хочется верить, что они проделали такой долгий путь только ради того, чтобы узнать, как я себя чувствую.

Что им достаточно будет убедиться, что моя нога зажила.

Что сегодня ночью они попьют воды и уйдут.

И что мне не придётся когда-нибудь объяснять сыну, почему на моём собственном кладбище нельзя будет сажать деревья.

Конец.

Я работаю в службе поддержки. Один клиент звонит нам уже девять лет

Если вы когда-нибудь работали в телефонной поддержке, то знаете, что примерно через полгода начинаешь узнавать некоторых клиентов по голосу.

Есть одинокие пенсионеры, которым просто хочется поговорить. Есть люди, убеждённые, что компания намеренно ворует у них по три рубля в месяц. Есть те, кто звонит исключительно для того, чтобы накричать на живого человека.

К последним постепенно привыкаешь.

С первыми иногда даже дружишь.

У нас, например, был пожилой мужчина из небольшого города, который каждую пятницу звонил и спрашивал, правильно ли показывает время его домашний телефон. Мы сверяли часы, разговаривали о погоде и прощались до следующей пятницы.

А ещё был абонент, которого сотрудники называли Тихим.

О его существовании я узнал на второй неделе работы.

Тогда я не понимал, почему коллеги так не любят принимать его звонки.

Теперь понимаю.

И очень надеюсь, что после увольнения мой номер действительно удалили из внутренней системы компании.

Я устроился в техническую поддержку осенью 2021 года.

Большую часть времени мы занимались проблемами с домашним интернетом, телевидением и стационарными телефонами.

Сама работа простая. К концу смены устаёшь от разговоров.

Сидишь за компьютером, надеваешь гарнитуру, открываешь карточку клиента.

Уточняешь адрес.

Проверяешь оборудование.

Просишь перезагрузить роутер.

Если самостоятельно решить проблему не получается, оформляешь заявку на выезд специалиста.

Всё записывается.

Даже если разговор длится полчаса и двадцать пять минут из них клиент ищет договор где-то в квартире.

Наш руководитель группы, Ирина, предупреждала:

— Никогда не говорите ничего, чего не хотели бы потом услышать на общем собрании.

Иногда записи действительно включали на обучении.

Разбирали ошибки, удачные диалоги, способы общения с конфликтными людьми.

Так я впервые услышал голос Тихого.

Запись была совершенно обыкновенной.

Мужчина лет шестидесяти, судя по голосу.

Вежливый.

Немного уставший.

— Добрый вечер. У меня опять посторонний шум на линии.

Оператор уточняла номер договора.

Мужчина диктовал.

Потом оператор спрашивала:

— Можете описать характер шума?

— Как будто кто-то разговаривает.

— Разговор происходит на фоне вашего звонка?

— Нет. Когда трубка лежит.

— Простите, не поняла.

— Когда телефон лежит на столе, из него слышны голоса.

Коллеги, сидевшие рядом со мной, засмеялись.

Кто-то сказал:

— Опять он.

Ирина выключила запись.

— Если попадётся этот абонент, просто оформляйте обращение. Долго с ним не разговаривайте. Там сложная история.

Я спросил, в чём именно сложность.

— Девять лет уже человек звонит. Проверяли всё, что можно. Телефон меняли, линию меняли. Ничего не помогает.

— Может, слуховые галлюцинации?

— Может.

Ирина посмотрела на меня.

— Только ему этого не говори.

Первый раз Тихий позвонил мне в ноябре.

Был конец смены.

Я уже посматривал на часы, рассчитывая успеть на автобус.

На экране появилась карточка входящего вызова.

Ковалёв Сергей Андреевич.

Знакомая фамилия.

Открыл историю обращений.

Там было несколько сотен записей.

— Добрый вечер, техническая поддержка, меня зовут Андрей. Чем могу помочь?

— Здравствуйте, Андрей. Извините, что так поздно.

— Ничего страшного.

— У меня опять телефон разговаривает.

Я вспомнил обучение.

— Посторонние шумы на линии?

— Да. Только сейчас довольно громко.

— При исходящих или входящих вызовах?

— Ни при каких. Я трубку не поднимаю.

— Аппарат подключён к розетке через провод?

— Да.

— Давайте попробуем отключить провод от аппарата.

На другом конце линии послышался шорох.

— Сейчас?

— Да.

— Тогда связь прервётся.

Я уже собирался ответить, когда мужчина добавил:

— А они продолжат разговаривать.

Почему-то именно эта фраза заставила меня перестать смотреть на часы.

— Кто продолжит?

— Люди.

— Вы можете разобрать, о чём они говорят?

— Иногда.

— И что именно слышите?

Мужчина немного помолчал.

— По-разному. Сегодня весь день спрашивают, кто следующий.

Я решил не развивать эту тему.

Оформил заявку.

Пообещал, что специалисты проверят линию.

— Спасибо, Андрей.

— Всего доброго.

— Подождите.

— Да?

— Вы ведь записываете разговоры?

— Да, в целях контроля качества обслуживания.

— Хорошо.

Он облегчённо выдохнул.

— Значит, если что, вы тоже сможете их услышать.

После этого положил трубку.

Через пару минут я закончил смену.

Пока собирался, рассказал о звонке коллеге.

Лену посадили рядом со мной ещё в первый рабочий день. Она работала в поддержке почти пять лет и знала практически всё о наших клиентах, оборудовании и внутренних правилах.

— Ковалёв? — переспросила она.

— Да.

— Забей. Я ему раз двадцать заявки оформляла.

— А что у него с телефоном?

— Ничего.

— Вообще?

— Вообще.

Она натянула куртку.

Потом добавила:

— Только записи его звонков лучше в наушниках не слушать.

— Почему?

— У него помехи противные. Уши потом болят.

Мы вместе вышли из офиса.

На этом разговор закончился.

В следующий раз Сергей Андреевич позвонил через одиннадцать дней.

Узнал меня сразу.

— Андрей, здравствуйте. Это опять я.

— Добрый день. Как ваш телефон?

— Плохо.

Я открыл результаты предыдущей заявки.

Специалист посетил квартиру, проверил аппарат, измерил параметры линии.

Неисправность не обнаружена.

— Наш сотрудник был у вас?

— Был.

— Удалось продемонстрировать ему проблему?

— Нет. При нём они замолчали.

— Такое происходит часто?

— Да. Когда кто-нибудь приходит, сразу тихо.

Мне действительно стало жаль этого человека.

Он жил один.

Судя по карточке, пользовался услугами компании с конца девяностых. Интернет не подключал. Телевидением не пользовался.

Только домашний телефон.

— Сергей Андреевич, а другой аппарат вы пробовали?

— Пять штук уже поменял.

— И на всех одинаково?

— Почти.

— Что значит почти?

— На старых лучше слышно.

Он помолчал.

— Андрей, можно вас попросить?

— Конечно.

— Вы не могли бы послушать?

— Сейчас?

— Да. Я трубку положу рядом с телефоном.

Я хотел объяснить, что его предложение технически бессмысленно: если он положит трубку рядом с аппаратом, разговор всё равно будет продолжаться через ту же линию.

Но мужчина уже что-то делал.

Послышались удары, шорох.

Потом стало очень тихо.

Я слышал слабый электрический гул.

Где-то далеко работал телевизор или радио.

— Слышите? — спросил Сергей Андреевич.

— Пока нет.

— Подождите.

Прошло секунд пятнадцать.

Потом в наушниках раздался звук.

Будто несколько человек одновременно заговорили в соседнем помещении.

Разобрать слова было невозможно.

— Вот, — прошептал мужчина.

Я прибавил громкость.

Голоса стали немного отчётливее.

Один мужской, другой женский. Возможно, их было больше.

Они говорили спокойно.

Разговор напоминал обычную беседу людей, находящихся где-то далеко от микрофона.

Я хотел спросить, не включён ли в квартире телевизор.

И тут женский голос произнёс:

— Андрей.

Я вздрогнул.

— Сергей Андреевич?

— Да.

— Кто у вас там?

— Никого.

Снова помехи.

Потом тот же голос:

— Андрей, погромче.

Я машинально снял гарнитуру.

Посидел несколько секунд.

Надел гарнитуру обратно.

— Алло?
— Слышали? — спросил Сергей Андреевич.
Я не ответил сразу.
— Они теперь вас знают, — сказал он.
После разговора я открыл запись.
Прослушал нужный фрагмент.
Женский голос действительно был.
Но гораздо тише, чем мне показалось во время звонка.
Имя различить трудно.
Я позвал Лену.
— Послушай.
Она надела один наушник.
Я включил фрагмент.
— Что слышишь?
— Помехи.
— А голос?
— Как будто женщина какая-то.
— Что говорит?
Лена попросила повторить.
Я повторил.
Она нахмурилась.
— «Андрей, погромче»?
Мне стало холодно.
— Тоже так слышишь?
— Ну да. А что?
— Это звонок Ковалёва.
Лена сняла наушник.
— Он что, теперь имена подсказывает?
— Кто подсказывает?
— Да никто.
Она вернулась на своё рабочее место.
Через минуту написала мне во внутреннем чате:
«Не отвечай ему, когда там другие говорят».
Я повернулся.
— В смысле?
Она даже не посмотрела в мою сторону.
— Потом объясню.
Объяснила она только вечером.
Мы пили кофе возле остановки.
Лена курила.
— Я когда сюда устроилась, его уже все знали. Тогда он звонил чаще. Иногда по два раза за смену.
— И что?
— Однажды мне тоже предложил послушать.
— Услышала голоса?
— Да.
Она выбросила сигарету.
— Только они не про меня говорили. Они между собой спорили.
— О чём?

— Как правильно произносить мою фамилию.

Я засмеялся.

Получилось неестественно.

— Может, он твою фамилию где-то узнал?

— Андрей, мы клиентам фамилии не сообщаем.

— В социальных сетях нашёл.

— Возможно.

Она посмотрела на дорогу.

— Только фамилия была не моя.

— А чья?

— Моего бывшего мужа. Которую я взяла после свадьбы.

— И?

— Мы познакомились через два года после того звонка.

Подъехал автобус.

Лена выбросила стаканчик.

— Короче, лучше не копайся. Здесь и без этого психики не хватает.

Я всё-таки начал копаться.

В карточке Ковалёва я видел обращения с 2012 года. Послушать можно было не все: часть записей потерялась при переносе данных, часть хранилась отдельно.

Я открыл одно из первых обращений.

Мужчина жаловался на тихий гул в трубке.

Оператор предложил стандартное решение.

Следующий звонок, через две недели.

Гул усилился.

Ещё через месяц Сергей Андреевич впервые упомянул, что шум напоминает человеческую речь.

В 2013 году он уже утверждал, что слышит несколько голосов.

В 2014-м начал различать отдельные слова.

В 2015-м попросил оператора не завершать разговор, поскольку, по его мнению, кто-то пытался воспользоваться линией одновременно с ним.

Я сохранил несколько доступных записей, чтобы сравнить их.

Посторонний звук действительно менялся.

В ранних файлах он напоминал обычные телефонные помехи.

Потом появлялся ритм.

Паузы.

Отдельные звуки, похожие на гласные.

В более поздних записях уже различались интонации.

Но была одна особенность.

Голоса практически никогда не перекрывали речь Сергея Андреевича.

Они возникали в паузах.

Словно люди на другом конце линии внимательно слушали разговор и ждали возможности высказаться.

Я составил небольшую таблицу.

Даты.

Длительность звонков.

Характер звуков.

Имена принимавших обращения сотрудников.

И где-то на сороковой записи обнаружил то, что сперва принял за совпадение.

Запись от 17 марта 2016 года.

Оператор представляется:

— Добрый день, меня зовут Максим.

Дальше обычный разговор.

Ковалёв рассказывает о посторонних голосах.

Максим уточняет номер договора.

В одной из пауз слышится что-то похожее на:

— Максим.

Оператор переспрашивает клиента.

Тот отвечает, что ничего не говорил.

Разговор продолжается.

Через несколько секунд посторонний голос произносит:

— Максим, ты меня слышишь?

Максим нервно смеётся.

— Сергей Андреевич, у вас кто-то рядом?

— Нет.

— А телевизор?

— Выключен.

И снова голос:

— Максим, ты меня слышишь?

На этот раз оператор отвечает:

— Да, слышу.

После его слов происходит нечто странное.

Все фоновые звуки исчезают.

Абсолютная тишина.

Продолжительностью около четырёх секунд.

Потом Ковалёв спрашивает:

— Алло?

Максим отвечает не сразу.

— Да. Извините.

— Что случилось?

— Ничего. Давайте я оформлю заявку.

Они прощаются.

Когда я открыл карточку оператора, обнаружил, что Максим уволился в апреле того же года.

Это само по себе ничего не значило.

В нашей сфере люди редко задерживаются надолго.

Но я решил посмотреть другие похожие случаи.

За следующие несколько дней обнаружил семь записей, в которых операторы явно отвечали посторонним голосам.

На одной девушка сказала:

— Да, я здесь.

На другой мужчина раздражённо спросил:

— Кто это там ещё разговаривает?

В третьем случае оператор назвал своё имя, хотя уже представлялся в начале звонка.

Каждый раз после ответа происходило одно и то же.

Посторонние звуки исчезали.

На несколько секунд линия становилась идеально тихой.

Затем разговор продолжался как обычно.

Семеро сотрудников.

Из них шестеро больше не работали в компании.

Седьмым оказалась Лена.

Я показал ей запись.

Она долго смотрела на экран.

— Забыла про это, — сказала наконец.

— Ты ответила им?

— Получается, да.

— И что потом?

— Ничего.

Она немного подумала.

— Хотя нет.

— Что?

— Мне после этого снилась всякая ерунда.

— Какая?

— Офис. Рабочее место. Телефонные звонки.

Она усмехнулась.

— Представляешь, даже во сне работала.

— Долго?

— Несколько месяцев.

Лена взяла гарнитуру.

Потом неожиданно спросила:

— Ты ведь никому больше эти записи не показывал?

— Нет.

— Вот и не надо.

В декабре у нас изменились правила контроля качества.

Компания тестировала новую систему автоматической расшифровки звонков.

Программа переводила речь в текст, определяла настроение клиента, находила нарушения скрипта.

Работала она довольно посредственно.

Иногда вместо «перезагрузите маршрутизатор» писала «перезагрузите маршрутный автобус».

Мы развлекались, читая наиболее смешные ошибки.

Однажды я решил прогнать через неё запись звонка Ковалёва.

Система обрабатывала файл около минуты.

Потом выдала текст.

Мои реплики.

Реплики клиента.

Всё почти правильно.

Однако в середине разговора появилось дополнительное обозначение.

Говорящий 3.

Я открыл соответствующий фрагмент.

Говорящий 3: Андрей.

Говорящий 3: Погромче.

И ниже, уже после завершения разговора:

Говорящий 3: Он ещё не ответил.

Говорящий 4: Тогда следующий.

Я прослушал последние секунды.

Обычный шум.

Ничего различимого.

Программа вполне могла ошибиться.

Но я загрузил ещё несколько записей.

Система обнаружила в них от трёх до восьми участников разговора.

В одной записи выдала двадцать два.

Причём большую часть реплик приписала не Ковалёву и не оператору.

Я стал читать.

Он говорит.

Не сейчас.

Подожди.

Пусть ответит.

Ещё нет.

Теперь можно.

К концу файла программа определила фразу:

У этого получилось.

Я закрыл окно.

В тот момент мне впервые пришло в голову, что Сергей Андреевич, возможно, все эти годы был не объектом происходящего.

Он был всего лишь человеком, который случайно обнаружил чужой разговор.

Перед Новым годом Тихий позвонил снова.

Я узнал его голос.

— Сергей Андреевич, добрый вечер.

— Андрей, хорошо, что вы.

Он говорил торопливо.

— Что случилось?

— Они сегодня назвали адрес.

— Ваш?

— Нет.

Он продиктовал название улицы и номер здания.

Я замер.

Это был адрес нашего офиса.

— Откуда вы его знаете?

— Я же говорю, услышал.

— Когда?

— Примерно час назад.

Он закашлялся.

— Андрей, вы там один?

— Нет, конечно.

В ночной смене находилось около двадцати человек.

— Хорошо.

— Почему спрашиваете?

— Потому что они сказали, что там уже почти никого нет.

Я оглядел помещение.

Лена сидела справа.

В противоположном ряду двое парней спорили о футболе.

Ирина ходила между столами.

Кто-то ел бутерброд.

Совершенно обычная рабочая смена.

— Сергей Андреевич, у нас всё в порядке.

— Ну и слава богу.

Он помолчал.

— Только знаете что?

— Да?

— Я сегодня весь день слушал. Мне кажется, они больше не разговаривают между собой.

— А что делают?

— Работают.

— В каком смысле?

— Представляются. Спрашивают номера договоров. Просят подождать на линии.

Он тяжело вздохнул.

— Андрей, мне кажется, они научились.

В январе произошло первое событие, которое уже невозможно было списать на странности пожилого абонента.

Обычный вызов.

Молодая женщина жаловалась на неработающий интернет.

Я проверил оборудование.

Попросил перезагрузить роутер.

Она выполнила просьбу.

Мы ждали, пока устройство запустится.

И вдруг женщина сказала:

— Извините, можно вопрос?

— Конечно.

— А зачем вы меня ночью просили это сделать?

— Ночью?

— Да. Я часа в три звонила. Вы сказали выключить роутер до утра.

Я посмотрел историю обращений.

Ночного звонка не было.

— Возможно, разговаривали с другим сотрудником.

— Нет, с вами.

— Вы уверены?

— Вы Андрей. Голос тот же.

— Я ночью не работал.

Женщина засмеялась.

— Ну, значит, очень похожий голос. Просто вы ещё пошутили, что у всех нормальных людей ночью интернет тоже отдыхает.

Я перестал печатать.

Это была моя шутка.

Дурацкая фраза, которую я время от времени использовал в разговорах с клиентами.

После звонка проверил историю повторно.

Обращения в три часа ночи не было.

Попросил старшего смены посмотреть технические журналы.

Ничего.

Решили, что женщина ошиблась.

Через два дня другой клиент поблагодарил Лену за консультацию, которой она не проводила.

Таких случаев становилось больше.

Сначала один-два в неделю.

Потом практически каждый день.

Абоненты ссылались на разговоры, отсутствующие в системе.

Называли имена операторов.

Пересказывали полученные рекомендации.

Иногда благодарили за помощь.

Иногда жаловались.

Самое странное — рекомендации, по словам клиентов, зачастую были правильными.

Кто-то настроил оборудование.

Кому-то объяснили, как изменить тариф.

Одному мужчине подробно рассказали, почему не работает его приставка.

Мы думали, что вызовы могли уходить на другую площадку или в новую автоматизированную систему. Руководство говорило, что ничего нового не подключали. Инженеры не нашли таких вызовов.

Телефонные номера, по которым якобы совершались звонки, принадлежали нашей компании.

Но сами вызовы в журналах отсутствовали.

Однажды Ирина собрала нас на короткое совещание.

— Если клиент утверждает, что уже разговаривал с вами, не спорьте. Оформляйте техническое обращение. Обязательно уточняйте время предыдущего вызова.

— А что происходит? — спросил кто-то.

— Разбираемся.

— Это новый голосовой робот?

— Нет.

— Тогда кто отвечает?

Ирина посмотрела на него.

— Хороший вопрос.

В феврале я впервые услышал самого себя.

Произошло это случайно.

Клиент пожаловался, что утром ему дали неверную консультацию.

На этот раз у него была запись разговора.

Он пользовался приложением для записи телефонных звонков и согласился прислать аудиофайл.

Ирина переслала его мне.

— Послушай. Вроде твой голос.

Я включил запись.

— Доброе утро, техническая поддержка, меня зовут Андрей. Чем могу помочь?

Это был я.

Не просто похожий голос.

Моя манера произносить слова.

Мои паузы.

Моя привычка слегка растягивать последнее слово в приветствии.

Даже тихий звук, который возникает, когда я машинально касаюсь языком внутренней стороны щеки перед тем, как ответить.

Клиент рассказывал о проблеме с телевидением.

Я внимательно слушал.

Задавал вопросы.

Проверял данные.

Шутил.

Потом виртуальный или неизвестный Андрей попросил мужчину подождать на линии.

Наступила пауза.

И послышался разговор на заднем плане.

— Хватит?

— Пока нет.
— Он ничего не заметил?
— Нет.
— Хорошо. Продолжай.
После этого мой голос снова обратился к клиенту.
— Спасибо за ожидание.
Я остановил запись.
Ирина стояла рядом.
— Ну?
— Это не я.
— Уверен?
— Я в это время спал.
Она кивнула.
— У меня вчера такая же запись была. С моим голосом.
Мы посмотрели друг на друга.
— Что будем делать? — спросил я.
— Не знаю.
Впервые за всё время работы я услышал от неё эти слова.
Сергей Андреевич пропал из нашей системы почти на месяц.
Я несколько раз проверял его карточку.
Новых обращений не было.
Потом обнаружил, что созданные ранее заявки начали исчезать.
Не все сразу.
Сначала несколько старых.
Потом ещё десяток.
Я спросил администратора.
Он объяснил, что технический отдел проводит очистку базы от дублирующих обращений.
Вполне разумно.
У Ковалёва действительно было огромное количество однотипных заявок.
Но однажды утром я открыл карточку и увидел, что история сократилась до одной записи.
Первичное подключение услуг.
1998 год.
Ни одного последующего обращения.
Я посмотрел сохранённые у себя файлы.
Они остались.
В тот же день позвонил Сергею Андреевичу с личного телефона.
По правилам компании делать это было запрещено.
Но мне хотелось убедиться, что с человеком всё в порядке.
Трубку он поднял почти сразу.
— Алло?
— Сергей Андреевич, это Андрей. Из поддержки.
— Андрей?
— Да.
— Как хорошо, что позвонили.
Голос у него был совершенно измождённый.
— Что происходит с вашим телефоном?
— Ничего.
— В смысле?

— Тихо теперь.

— Совсем?

— Совсем.

Он помолчал.

— Уже несколько недель.

— Значит, проблема решена?

— Не знаю.

В трубке слышалось его дыхание.

— Андрей, я ведь девять лет их слушал. Понимаете?

— Да.

— Сначала они даже говорить толком не умели.

Он закашлялся.

— Потом учились. Повторяли слова. Запоминали имена. Иногда неделями одну фразу твердили.

Я ничего не сказал.

— А теперь здесь тихо. Совершенно тихо.

— Может быть, линию отремонтировали.

— Может быть.

Он произнёс это почти шёпотом.

— Только мне почему-то кажется, что они уже ушли.

Я уволился в мае.

Не из-за одного конкретного случая.

Просто перестал нормально спать.

Начал бояться звука входящего вызова.

Иногда снимал гарнитуру посреди разговора, потому что мне казалось, будто кроме клиента слышу ещё кого-то.

Работу выполнял всё хуже.

Ирина не пыталась удерживать.

Лена сказала, что тоже подумывает об увольнении.

В последний день мы заказали пиццу.

Посидели всей группой.

Поговорили о планах, вспомнили смешных клиентов.

Мне подарили кружку с надписью «Спасибо за ожидание».

Я поблагодарил всех.

Сдал пропуск.

Удалил рабочие приложения.

И впервые за полгода почувствовал облегчение.

Следующие два месяца прошли спокойно.

Я устроился в небольшую компанию, занимавшуюся ремонтом компьютерной техники.

Работал преимущественно с оборудованием.

С людьми общался немного.

Телефон почти всегда держал на беззвучном режиме.

Однажды Лена написала мне.

«Ты сейчас можешь говорить?»

Я позвонил.

— Что случилось?

— У нас новость.

— Какая?

— Помнишь Максима?

Я не сразу понял.

— Который уволился в шестнадцатом?

— Да.

— Помню.

— Так вот. Он вчера отработал смену.

Я решил, что Максим вернулся в компанию.

— И что?

— Андрей, его никто не видел.

— В смысле?

— Его учётка появилась в отчёте. Восемьдесят три обработанных вызова. Среднее время разговора — четыре минуты.

— Ошибка системы?

— Мы послушали записи.

Она замолчала.

— Это его голос.

— Может, действительно вернулся?

— Ирина связалась с ним. Он сейчас вообще в другой стране живёт. В строительной компании работает.

— И что он сказал?

— Ничего особенного. Удивился.

Я сел на диван.

— А другие?

— Что другие?

— Другие уволившиеся сотрудники?

Лена долго не отвечала.

Потом сказала:

— Именно поэтому я тебе и звоню.

Вечером она прислала мне снимок экрана.

Внутренний отчёт о работе операторов.

Обычная таблица.

Имя сотрудника.

Время входа в систему.

Количество принятых вызовов.

Длительность разговоров.

Процент решённых обращений.

Я увидел знакомые имена.

Максим.

Девушка, запись которой слушал несколько месяцев назад.

Ещё несколько бывших сотрудников.

Лена выделила последнюю строку красным.

Моя фамилия.

Мой старый идентификатор.

Смена с восьми утра до четырёх вечера.

Девяносто шесть обработанных вызовов.

Я посмотрел на дату.

Сегодняшняя.

Не буду утомлять вас подробностями последующих двух недель.

Я звонил в компанию.

Разговаривал с руководством.

Писал официальные обращения.

Требовал объяснить, почему моё имя используется после увольнения.

Мне отвечали, что произошла ошибка при формировании статистики.

Уверяли, что доступ к учётной записи заблокирован.

Обещали исправить данные.

Всё это звучало убедительно.

Пока Лена не прислала запись одного из моих разговоров.

Я консультировал женщину, которая не могла подключить телевизор к интернету.

Разговаривал спокойно.

Терпеливо.

Даже лучше, чем обычно.

В конце женщина сказала:

— Ой, огромное вам спасибо! Вы первый человек за три дня, который нормально объяснил.

Мой голос ответил:

— Рад был помочь.

— Хорошего вам дня!

— И вам.

Женщина отключилась.

Но запись продолжалась.

Несколько секунд тишины.

Потом мой голос произнёс:

— Следующий.

Где-то очень далеко ответили:

— Сейчас.

И раздался звук входящего вызова.

В августе Лена уволилась.

Мы встретились в кафе.

Она сильно похудела.

Под глазами тёмные круги.

Руки дрожали, когда держала чашку.

— Что с тобой? — спросил я.

— Не высыпаюсь.

— Опять сны?

Она кивнула.

— Только раньше просто снилось, что я работаю. А теперь всё время один и тот же сон.

— Расскажешь?

— Сижу в офисе. Передо мной компьютер. Надеваю гарнитуру.

Она сделала глоток кофе.

— Только помещение очень большое.

— Насколько?

— Не знаю. Конца не видно. Столы стоят рядами. Тысячи столов.

— За ними люди?

— Да.

Она поставила чашку.

— Все разговаривают. Никто не встаёт. Никто не ходит в туалет. Никто не пьёт воду. Просто принимают звонки.

— А ты?

— Тоже.

— С кем разговариваешь?
— С клиентами.
Лена посмотрела на меня.
— И знаешь, что самое страшное?
— Что?
— Иногда я слышу тебя.
Мне стало не по себе.
— Где?
— Где-то в соседнем ряду.
Она с трудом улыбнулась.
— Всё хочу подойти, поздороваться. Но у меня постоянно новый звонок. Даже гарнитуру снять не успеваю.
Через некоторое время я тоже начал видеть эти сны.
Сначала редко.
Потом почти каждую ночь.
Огромное помещение.
Ровный искусственный свет.
Столы, уходящие куда-то вдаль.
Непрерывный гул человеческих голосов.
Я сижу перед монитором.
На экране карточка клиента.
Звонок.
Приветствие.
Номер договора.
Описание проблемы.
Иногда клиенты раздражены.
Иногда благодарят.
Иногда плачут.
После каждого завершённого разговора мгновенно поступает следующий.
Никаких перерывов.
Никакого окончания смены.
На экране отсутствуют часы.
Нет кнопки выхода из системы.
Я несколько раз пытался встать.
Но каждый раз именно в этот момент раздавался входящий вызов.
И я машинально садился обратно.
Однажды ночью мне приснился особенно странный разговор.
Позвонил мужчина.
— Добрый вечер. Андрей?
— Да. Чем могу помочь?
— Вы меня помните?
Я посмотрел на карточку.
Сергей Андреевич Ковалёв.
— Конечно.
— Как вы там?
Я не понял вопроса.
— В каком смысле?
— На работе.
— Всё нормально.

— Вас отпускают отдыхать?

Я посмотрел на экран.

Не знал, что ответить.

— Андрей?

— Да.

— Вы давно там сидите?

Я попытался вспомнить.

Не получилось.

— Не знаю.

— Понятно.

Он тяжело вздохнул.

— Я так и думал.

Потом несколько секунд молчал.

— Простите меня.

— За что?

— Надо было тогда просто телефон выбросить.

Связь прервалась.

Я проснулся.

На часах было 03:17.

Утром набрал его номер.

Ответила женщина.

Представилась дочерью Сергея Андреевича.

Сообщила, что отец умер ещё в июне.

Сердечная недостаточность.

Я выразил соболезнования.

Потом зачем-то спросил про телефон.

— Домашний?

— Да.

— Мы отключили его после похорон. Папа очень к нему привязан был. Хотя последние годы постоянно жаловался.

— На шумы?

— Вы тоже знаете?

— Да.

Она помолчала.

— Последнюю неделю перед смертью он вообще телефон из рук не выпускал.

— Кому-то звонил?

— Не знаю. Сидел, слушал.

— Что?

— Говорил, там люди работают.

С тех пор прошло почти три года.

С Леной мы иногда общаемся.

О своих снах стараемся не говорить.

Я сменил два места работы.

Переехал в другую квартиру.

Практически перестал пользоваться голосовыми вызовами.

Всё это время убеждал себя, что произошедшее было результатом сочетания технических сбоев, переутомления и коллективной внушаемости.

Возможно, кто-то экспериментировал с синтезом речи.

Возможно, руководство скрывало какую-то систему автоматизации.

Сегодня технологии позволяют имитировать человеческий голос с удивительной точностью.

Я с удовольствием поверил бы в любое из этих объяснений.

Если бы не одна вещь.

Неделю назад моя нынешняя коллега попросила меня помочь с домашним интернетом.

Я объяснил, что лучше обратиться непосредственно к оператору.

Она сказала, что уже звонила.

Но не смогла разобраться в полученных инструкциях.

На следующий день пришла довольная.

— Всё заработало!

— Отлично.

— Знаешь, я вчера ещё раз позвонила. Там парень попался такой приятный.

Я улыбнулся.

— Повезло.

— Слушай, кстати, у него голос прямо как у тебя.

Я перестал улыбаться.

— Как его звали?

— Андрей.

Она рассмеялась.

— Я даже сначала подумала, что прикалываешься надо мной.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы задать следующий вопрос.

— А какой у тебя оператор?

Она назвала компанию.

Совершенно другую.

Не ту, в которой я работал.

Вчера я позвонил на горячую линию этой компании.

С личного номера.

Зачем — не знаю.

Наверное, хотел окончательно убедиться в том, что всё это глупое совпадение.

Автоматический голос предложил выбрать нужный раздел.

Я нажал несколько цифр.

Послушал рекламу.

Потом музыка прервалась.

— Добрый вечер, техническая поддержка, меня зовут Андрей. Чем могу помочь?

Я узнал голос сразу.

Собственный.

Только очень уставший.

— Алло? — повторил оператор.

Я молчал.

— Вы меня слышите?

В голосе не было ничего угрожающего.

Наоборот.

Мне показалось, что человек на другом конце линии давно не спал.

— Андрей? — спросил я.

— Да.

— Как давно вы работаете?

— Извините, не совсем понял ваш вопрос.

— Как давно вы здесь?

Он помолчал.

На заднем плане раздавался тихий гул.
Множество голосов.
— Уточните, пожалуйста, с какой проблемой вы обратились.
— Андрей, это я.
Долгая пауза.
Потом он заговорил гораздо тише:
— Не надо.
— Что?
— Не надо со мной разговаривать.
Голос дрожал.
— Почему?
— Пожалуйста, положи трубку.
Я услышал, как он судорожно втянул воздух.
— Мне осталось совсем немного.
— До чего?
— До конца смены.
Где-то рядом с ним раздался женский голос:
— Андрей, следующий ждёт.
Я узнал Лену.
Оператор закашлялся.
— Пожалуйста.
И тихо добавил:
— Я уже три года пытаюсь выйти на перерыв.
Я отключился.
Сегодня утром мне пришло уведомление от той компании.
Обычное сообщение с просьбой оценить качество консультации.
От одного до пяти.
Я не собирался ничего отвечать.
Потом заметил дополнительную информацию.
Имя оператора.
Номер обращения.
Длительность разговора.
Два часа и сорок семь минут.
Хотя я проговорил с ним меньше двух минут.
Я открыл детализацию звонков.
Там значилось то же самое.
Два часа и сорок семь минут.
Причём, судя по времени завершения вызова, большую часть этого разговора я уже спал.
Я живу один.
Никто не мог взять мой телефон.
И всё же мне захотелось узнать, что происходило в оставшиеся два часа сорок пять минут.
Я написал в поддержку.
Попросил предоставить запись разговора.
Мне ответили, что записи абонентам не предоставляются.
Тогда я попросил хотя бы уточнить содержание обращения.
Ответ пришёл минут через двадцать.
«Вы интересовались вакансией оператора технической поддержки. Наш сотрудник подробно рассказал вам об условиях труда».
Я написал:

«Это ошибка. Я не ищу работу».

Мне ответили:

«Приносим извинения за недоразумение».

Я уже собирался закрыть переписку, когда появилось ещё одно сообщение.

«Однако обращаем ваше внимание, что по результатам разговора вы успешно прошли предварительное собеседование».

Сейчас я пишу этот текст, сидя на кухне.

Телефон выключен.

Компьютер отключён от интернета. Когда закончу, ненадолго подключусь, чтобы опубликовать всё это.

Не знаю, кто или что находится на другом конце телефонных линий.

Не знаю, каким образом оно научилось разговаривать человеческими голосами.

И не понимаю, зачем ему вообще понадобилось заниматься технической поддержкой.

Иногда мне кажется, что всё гораздо проще и страшнее.

Что на протяжении девяти лет Сергей Андреевич слышал не существ, пытавшихся проникнуть в нашу телефонную сеть.

Он слышал строительство чего-то.

Огромной системы, назначение которой нам неизвестно.

И всё это время она училась не разговаривать.

Она училась делать так, чтобы люди отвечали.

Пока я писал последние абзацы, в комнате несколько раз раздавался тихий щелчок.

Знакомый звук.

Именно так включалась моя гарнитура в старом офисе.

Я старался не обращать внимания.

Но несколько минут назад услышал голос.

Женский.

Спокойный, профессиональный.

— Андрей, доброе утро.

Я не ответил.

— Андрей, вы меня слышите?

Продолжил печатать.

— У вас сегодня первая смена после длительного перерыва. Не переживайте, все необходимые материалы находятся на рабочем столе.

Я закрыл глаза.

Голос стал немного громче.

— Перед началом работы необходимо подтвердить присутствие.

Мне хочется верить, что это слуховая галлюцинация.

Что я просто устал.

Что несколько ночей без нормального сна наконец дали о себе знать.

Но есть проблема.

Где-то далеко, за стеной, уже несколько минут разговаривают люди.

Десятки.

Возможно, сотни.

Они представляются.

Уточняют номера договоров.

Просят оставаться на линии.

Благодарят за ожидание.

И среди всех этих голосов я отчётливо слышу собственный.

Он повторяет одну и ту же фразу.

Снова.

И снова.

Снова.

— Добрый вечер. Меня зовут Андрей. Чем могу помочь?

Между приветствиями почти нет пауз.

Но иногда, когда очередной клиент не успевает заговорить, мой голос успевает произнести ещё два слова.

Очень тихо.

Так, чтобы никто больше не услышал.

— Не отвечай.

Конец.

Часть II. Правила работы

Я работал в аварийной газовой службе. Один вызов мы закрывали одиннадцать раз

В ночь на 16 ноября мы приехали по адресу Коммунальная, 14, в одиннадцатый раз за три недели.

Диспетчер передала очередную заявку по этому адресу: запах газа в подъезде, источник неизвестен.

Когда мы вошли в дом, запах действительно был.

Слабый, но отчётливый.

Мы проверили ввод, подвальное помещение, доступные участки газопровода, соединения на лестничных площадках. Затем обследовали квартиры, куда удалось попасть.

Газоанализатор на проверенных участках ничего не показал.

В 03:18 старший бригады подписал акт. Утечки на проверенных участках не обнаружено.

В 03:26 мы уехали.

В 03:41 диспетчер снова получила звонок.

Женщина из квартиры двадцать семь сказала, что газом пахнет сильнее прежнего.

А потом добавила:

— И скажите вашим ребятам, чтобы больше не стучали ко мне ночью.

Диспетчер удивилась.

— К вам приходили сотрудники аварийной службы?

— Только что. Двое. В форме.

— Они заходили в квартиру?

— Нет. Я не открыла.

— Почему?

Женщина помолчала.

— Потому что один из них стоял ко мне спиной. А второй держал в руках топор.

Меня зовут Сергей. Мне сорок восемь лет, и почти половину жизни я проработал в газовом хозяйстве.

Сначала слесарем внутридомового оборудования, потом в аварийно-диспетчерской службе.

Работа не романтическая.

Обычно это ночные вызовы из-за неисправных плит, запаха газа, старых соединений, неправильно подключённого оборудования и людей, которые решили самостоятельно заменить шланг.

Иногда приезжаешь, а никакого газа нет.

Пахнет канализацией, растворителем, краской или перегретой проводкой.

Иногда человек просто испугался.

Мы не ругаемся.

Лучше десять раз приехать зря, чем один раз не приехать.

Но бывают адреса, которые начинаешь узнавать по одному названию улицы.

Коммунальная, четырнадцать, была именно таким адресом.

Дом стоял на окраине города, возле старого ремонтного депо.

Пять этажей, три подъезда, кирпичные стены, низкий подвал.

Построен в 1962 году.

Когда-то его заселяли работники железной дороги. Потом квартиры приватизировали, часть жильцов умерла, часть переехала.

Обычная история старого дома.

В первом подъезде давно не работал домофон.

Во втором постоянно протекала крыша.

А в третьем люди жаловались на запах газа.

Именно туда мы ездили чаще всего.

Первый вызов поступил 27 октября.

В 22:46.

Женщина из квартиры двадцать семь сообщила, что почувствовала запах возле входной двери.

Бригада приехала, обследовала доступные помещения.

Утечки не обнаружила.

Второй вызов поступил на следующий вечер.

Потом ещё один.

И ещё.

До выезда в ночь на 16 ноября в журнале было десять заявок по этому дому. Каждый новый звонок оформляли отдельно. Проблема оставалась той же.

Все — из третьего подъезда.

Все — ночью.

И почти все от одной женщины.

Её звали Тамара Ивановна Круглова.

Шестьдесят девять лет.

Бывшая учительница математики.

Жила одна на четвёртом этаже.

Соседи считали её немного странной.

Она редко выходила из квартиры, почти ни с кем не общалась и постоянно жаловалась на посторонние запахи.

Когда мы приехали к ней в первый раз, она встретила нас в старом халате и шерстяных носках.

— Наконец-то, — сказала она. — Я уже думала, вы не приедете.

Мой напарник Андрей открыл чемодан с прибором.

— Где пахнет?

— Возле двери.

Мы проверили.

Ничего.

— На кухне?

— Нет. На кухне не пахнет.

Это было необычно.

Газовые приборы находились именно там.

— А когда запах появляется?

— После одиннадцати.

— Каждый день?

Она кивнула.

— Почти.

Андрей посмотрел на меня.

Мы оба подумали об одном и том же: возможно, источник вообще не связан с газом.

Но сказали только, что проведём обследование.

В тот вечер мы ничего не нашли.

И в следующий тоже.

На третий вызов поехала другая бригада.

На четвёртый — снова мы.

Тамара Ивановна уже знала нас по именам.

— Сергей, — сказала она, когда я вошёл, — вы ведь понимаете, что я не придумываю?

— Я не говорю, что придумываете.

— Но вы не верите.

Я посмотрел на неё.

— Я верю, что вы чувствуете запах. Мы пока не установили его источник.

Она помолчала.

Потом спросила:

— А вы проверяли двадцать девятую квартиру?

— Почему именно её?

— Потому что оттуда он приходит.

Квартира двадцать девять находилась этажом выше, непосредственно над квартирой Кругловой.

В ней жил мужчина по фамилии Лазарев.

Лет сорока.

Работал где-то в частной строительной фирме.

По словам соседей, почти всегда отсутствовал.

Мы пытались попасть к нему несколько раз.

Никто не открывал.

Диспетчер передавала заявку в управляющую организацию, чтобы та обеспечила доступ для проверки в установленном порядке.

Но дело не двигалось.

В одиннадцатый вызов я впервые почувствовал, что с этим домом что-то серьёзно не так.

Не из-за запаха.

Из-за двери.

На пятом этаже, возле квартиры Лазарева, я заметил свежие царапины на краске.

Прямо вокруг замочной скважины.

Будто кто-то много раз пытался открыть дверь неподходящим ключом.

На полу лежала тонкая полоска прозрачного пластика.

Я поднял её.

Похоже на обрезок упаковочной ленты.

Андрей посветил фонарём на дверную коробку.

— Смотри.

Между коробкой и стеной виднелась свежая монтажная пена.

Не по всему периметру.

Только сверху.

— Дверь меняли? — спросил он.

— Похоже.

Мы постучали.

Никто не ответил.

Снизу хлопнула дверь подъезда.

Кто-то быстро спускался по лестнице.

Я выглянул через перила.

Успел заметить только мужчину в тёмной куртке.

Он вышел на улицу, не оборачиваясь.

После звонка Кругловой о двух людях в форме с топором диспетчер немедленно передала информацию полиции.

Мы к тому моменту уже вернулись на базу.

Дежурный начальник вызвал меня к себе.

— Сергей, вы после осмотра к двадцать седьмой возвращались?

— Нет.

— Андрей?

— Был со мной.

— Кто-нибудь из ваших оставался?

— Нет.

Начальник посмотрел на часы.

— Женщина говорит, что видела двух газовщиков.

— Возможно, перепутала.

— Возможно.

Он помолчал.

— А топор откуда?

Я не ответил.

Полиция приехала к Кругловой утром.

Она рассказала, что около половины четвёртого услышала стук.

Посмотрела в глазок.

На площадке стояли двое мужчин в тёмно-синей рабочей одежде.

Один держал небольшой топор с короткой рукояткой.

Другой сказал:

— Аварийная служба. Откройте для повторной проверки.

Круглова спросила, почему они приехали без машины.

Мужчина ответил:

— Машина в соседнем дворе.

Тогда она попросила назвать номер заявки.

Они переглянулись.

После этого один сказал:

— Женщина, у вас газ. Открывайте, пока не поздно.

Она не открыла.

Мужчины постояли ещё минуту и ушли.

Когда я услышал эту историю, меня заинтересовала одна деталь.

Номер заявки.

Обычный жилец не обязан его знать.

Но Круглова знала.

Я спросил её, почему она потребовала назвать номер.

Она ответила:

— Потому что вы всегда называете его диспетчеру, когда заканчиваете работу. Я слышала.

— И запомнили?

— Я сорок лет преподавала математику, Сергей.

Потом она посмотрела на меня.

— Они ведь были не ваши?

— Нет.

Она кивнула.

— Я так и подумала.

На следующий день я попросил поднять историю заявок по дому.

Не только за последние три недели.

За несколько лет.

У нас сохранились электронные записи, но часть старых документов пришлось искать в архиве.

Оказалось, что жалобы на запах в третьем подъезде поступали и раньше.

В 2019 году — три обращения.

В 2021-м — два.

В 2023-м — семь.

Все в холодное время года.

Почти все после десяти вечера.

Но раньше звонила не Круглова.

Звонил мужчина из квартиры двадцать пять.

Василий Григорьевич Платонов.

Я вспомнил его.

Высокий старик с тростью.

Он несколько раз встречал нас возле подъезда.

Всегда говорил одно и то же:

— Вы не там ищете.

Я тогда не придавал значения.

В старых домах жильцы постоянно советуют специалистам, где искать неисправность.

Но теперь решил выяснить, что он имел в виду.

Платонов умер прошлой зимой.

В квартире жила его дочь.

Её звали Наталья.

Она согласилась со мной поговорить.

Мы встретились вечером возле дома.

Наталья была женщиной лет сорока пяти, в сером пальто, с уставшим лицом.

Когда я спросил про отцовские жалобы, она сразу нахмурилась.

— Опять газ?

— Да.

— Господи. Он же вам пять лет об этом говорил.

— О чём именно?

Она посмотрела на меня.

— Что в доме кто-то специально пускает газ.

Я попросил объяснить.

Наталья рассказала, что её отец был электриком.

Всю жизнь работал на железной дороге.

После выхода на пенсию много времени проводил дома.

Он заметил, что запах появлялся не случайно.

Сначала слышался шум на верхнем этаже.

Потом кто-то спускался по лестнице.

И через десять-пятнадцать минут начинало пахнуть.

Платонов пытался разобраться.

Ходил по соседям.

Обращался в управляющую компанию.

Однажды даже написал заявление в полицию.

Но доказательств не было.

— Он говорил, что это делают специально, — сказала Наталья. — Чтобы людей из дома выгнать.

— Зачем?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Отец много чего говорил.

Потом добавила:

— Но за месяц до смерти он нашёл что-то в подвале.

Я насторожился.

— Что именно?

— Не сказал. Только попросил меня забрать у него документы.

— Какие?

— Папку. С фотографиями.

Она принесла папку на следующий день.

Внутри лежали распечатки фотографий, несколько листов с датами и копии обращений.

Платонов фотографировал двери, трубы, лестничные площадки.

На одной фотографии был подвал.

Точнее, его дальняя часть.

Низкий потолок.

Кирпичные стены.

Металлическая дверь с навесным замком.

Я узнал это место.

За дверью находилось старое техническое помещение.

По документам — бывшая угольная кладовая.

В последние годы её использовали для хранения строительного мусора.

На следующей фотографии дверь была открыта.

Внутри стояли пластиковые канистры.

Несколько металлических баллонов.

И оборудование, которое я не смог сразу опознать.

Я показал снимки Андрею.

Он долго рассматривал.

— Это не газовое оборудование, — сказал он.

— Уверен?

— Почти. Похоже на компрессор и какие-то ёмкости.

— Зачем они в подвале?

Андрей пожал плечами.

— Может, ремонтники оставили.

Я перевернул фотографию.

На обороте Платонов написал:

«14.02.2023. Запах после включения оборудования. В 23:10 слышен компрессор».

Я начал подозревать, что мы всё время искали не тот газ.

В бытовой газ специально добавляют пахучее вещество, чтобы утечку можно было обнаружить по запаху.

Но похожий неприятный запах может исходить и от других химических веществ.

В некоторых случаях человек уверенно говорит «пахнет газом», хотя прибор не показывает присутствия горючего газа.

Если кто-то намеренно использовал пахучую жидкость, наши прежние проверки могли ничего не выявить.

Это объясняло часть жалоб.

Но не людей в форме.

И не то, зачем кому-то понадобилось пугать жильцов.

Мы сообщили руководству о фотографиях и возможном постороннем оборудовании.

Вместе с представителем управляющей компании организовали осмотр подвала.
На этот раз дверь в бывшую угольную кладовую была закрыта новым замком.
Представитель управляющей компании удивился.
— Мы его не ставили.
— А кто имеет ключ?
Он пожал плечами.
— Не знаю.
Замок вскрыли в присутствии полиции.
Внутри ничего не было.
Ни канистр.
Ни компрессора.
Только пыль, старые доски и несколько пустых мешков.
Но на бетонном полу остались прямоугольные следы.
Там недавно стояло тяжёлое оборудование.
А возле стены я заметил тёмное пятно.
Присел.
Понюхал с осторожного расстояния.
Запах был знакомый.
Резкий.
Неприятный.
Но не совсем такой, как у бытового газа.
Полицейский спросил:
— Что это?
— Не знаю. Нужен отбор проб и анализ.
Он посмотрел на пятно.
— Может, масло?
— Возможно.
Я встал.
— Но здесь явно что-то хранили.
На следующий вечер запах появился снова.
В 23:17.
Круглова позвонила диспетчеру.
На этот раз мы приехали вместе с полицией.
Проверили доступные помещения.
На проверенных участках газоанализатор снова ничего не зарегистрировал.
Но на лестнице между четвёртым и пятым этажами запах был сильнее.
Я поднялся выше.
Возле двери квартиры двадцать девять пахло особенно резко.
Постучал.
Тишина.
Потом за дверью что-то упало.
Я услышал короткий металлический звук.
Снова постучал.
— Аварийная газовая служба! Откройте!
Никто не ответил.
Через несколько минут дверь открыл мужчина.
Высокий.
Небритый.
В спортивных брюках и футболке.

— Чего надо?

— Поступила жалоба на запах газа.

— У меня всё нормально.

— Нужно проверить оборудование.

Он посмотрел на полицейского.

— Ордер есть?

Я сказал, что запах сильнее всего у его двери и нам нужно осмотреть оборудование. Полицейский остался рядом.

Мужчина выслушал.

Потом сказал:

— Ладно. Только быстро.

Квартира была почти пустой.

Диван.

Стол.

Холодильник.

На кухне стояла старая газовая плита.

Но ею, судя по виду, давно не пользовались.

На доступных соединениях признаков утечки не нашли.

Андрей осмотрел вентиляцию.

Я обратил внимание на запах.

Он чувствовался не возле плиты.

А в коридоре.

Возле встроенного шкафа.

— Что там? — спросил я.

Мужчина пожал плечами.

— Вещи.

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это мои вещи.

Полицейский сделал шаг вперёд.

— Гражданин, у нас сообщение об опасном запахе.

Мужчина посмотрел на него.

Потом открыл шкаф.

Внутри висели куртки.

Стояли ботинки.

На полу лежала коробка.

Ничего необычного.

Но когда он закрыл дверцу, я заметил на внутренней стороне маленькое тёмное пятно.

Такое же, как в подвале.

Мы вышли.

На лестнице Андрей тихо сказал:

— Ты тоже заметил?

Я кивнул.

— Да.

— Это не утечка.

— Похоже.

Он посмотрел на дверь.

— Кто-то специально создаёт запах.

Через два дня полиция задержала Лазарева.

Не за газ.

За другое.

При проверке выяснилось, что он работал в фирме, которая занималась сносом и реконструкцией зданий.

Фирма была небольшой.

Несколько сотрудников.

Офис в промзоне.

По документам всё выглядело нормально.

Но затем обнаружилась связь.

Владельцем фирмы был предприниматель, который несколько лет пытался выкупить квартиры в доме на Коммунальной.

Дом стоял на участке, интересном для застройки.

Рядом проходила новая дорога.

Недалеко строился торговый центр.

Несколько квартир уже выкупили.

Остальные жильцы продавать отказались.

Особенно пожилые.

Круглова была одной из них.

Платонов — тоже.

Я начал понимать.

Запах газа.

Ночные вызовы.

Люди в форме.

Постоянный страх.

Всё это могло быть способом заставить жильцов уехать.

Но оставалась одна деталь.

Зачем вызывать настоящую аварийную службу?

Ведь каждая проверка увеличивала вероятность, что обман раскроют.

Ответ я узнал от следователя.

Оказалось, что Лазарев и его сообщники рассчитывали именно на наши приезды.

После каждого вызова они получали копии актов через сотрудника подрядной организации, обслуживавшей дом.

В актах было указано:

«Утечка газа не обнаружена».

Такие документы можно было использовать, чтобы убедить жильцов, что дом небезопасен, а обслуживающие организации ничего не могут найти.

Постепенно у людей возникало ощущение, что опасность существует, но никто не способен её устранить.

Некоторые жильцы действительно начали продавать квартиры.

По ценам значительно ниже рыночных.

Я думал, что на этом история закончится.

Но ошибался.

Через неделю после задержания Лазарева Круглова снова позвонила в аварийную службу.

В 02:11.

Запах газа.

Третий подъезд.

Четвёртый этаж.

Мы приехали.

На этот раз пахло очень сильно.

Не так, как раньше.

Запах был узнаваемый.

И прибор сразу показал наличие горючего газа.

Мы действовали по аварийному порядку.

Предупредили жильцов, организовали необходимые меры безопасности, вызвали дополнительные службы и перекрыли подачу газа на соответствующем участке.

Источник нашли в квартире двадцать девять.

Кто-то вмешался в газовую подводку.

В квартире никого не было.

На полу лежал инструмент.

Окно на кухне было открыто.

А возле двери стояла пластиковая бутылка.

Внутри оставалось немного тёмной жидкости.

Той самой, которую мы раньше видели на полу в подвале.

Я посмотрел на Андрея.

— Значит, теперь по-настоящему.

Он ничего не ответил.

Позже следствие установило, что кто-то из сообщников Лазарева решил создать реальную аварийную ситуацию.

Возможно, чтобы ускорить расселение дома.

Возможно, чтобы уничтожить следы предыдущих действий.

Но тогда мы этого ещё не знали.

Мы просто стояли в старой квартире.

Смотрели на повреждённое оборудование.

И понимали, насколько близко всё было к трагедии.

Через месяц дом на Коммунальной перестал появляться в наших ночных заявках.

Запах исчез.

Люди постепенно успокоились.

Круглова однажды принесла нам в отделение пирог.

Сказала:

— Спасибо, что не решили, будто я сумасшедшая.

Мне стало неловко.

Потому что в какой-то момент я действительно так подумал.

Я извинился.

Она махнула рукой.

— Ничего. Главное, что теперь спокойно.

Потом спросила:

— Сергей, а вы знаете, почему я каждый раз звонила?

Я пожал плечами.

— Потому что пахло.

Она покачала головой.

— Нет.

Я посмотрел на неё.

— Потому что мой муж погиб от газа.

Я замолчал.

— В молодости. На работе.

Она посмотрела в окно.

— После этого я всегда боялась запаха.

Я кивнул.
— Понимаю.
Она тихо сказала:
— Но в этот раз я боялась не за себя.
Я нахмурился.
— А за кого?
Она ответила:
— За детей.
Я не понял.
— Каких детей?
Она посмотрела на меня.
— Из соседней квартиры.
Я вспомнил.
Квартира двадцать восемь.
Там жила семья с двумя маленькими детьми.
Круглова продолжила:
— Они часто оставались дома одни вечером. Мать работала в больнице, отец на сменах.
Я молчал.
— Я думала: если что-нибудь случится, они даже не поймут, что происходит.
Она посмотрела на меня.
— Поэтому звонила.
Я долго молчал.
Потом сказал:
— Вы правильно делали.
Она улыбнулась.
— Теперь я знаю.
Прошло почти полгода.
Лазарева и ещё нескольких человек привлекли к уголовной ответственности.
Следствие продолжалось.
Дом на Коммунальной остался стоять.
Я иногда проходил мимо.
Видел знакомые окна.
Лавочку.
Старые тополя.
Обычный дом.
Но однажды мне позвонила Наталья Платонова.
Дочь того самого старика, который первым заметил странности.
Она сказала, что разбирала оставшиеся бумаги отца.
И нашла ещё одну фотографию.
На ней был подвал.
Тот самый.
Но фотография была сделана не в 2023 году.
А в 2019-м.
На снимке стояли те же канистры.
То же оборудование.
И рядом — мужчина.
В рабочей форме.
С эмблемой нашей аварийной службы.
Я попросил прислать фотографию.

Посмотрел.

И узнал человека.

Это был бывший начальник нашей смены.

Он уволился два года назад.

Я вспомнил, что именно он чаще всего подписывал акты по Коммунальной.

Именно он говорил, что жильцы всё выдумывают.

Именно он требовал закрывать заявки как можно быстрее.

Я долго смотрел на фотографию.

Потом открыл старый журнал вызовов.

Нашёл первый адрес.

27 октября.

Первый вызов Кругловой.

В графе «Ответственный за проверку» стояла его фамилия.

Я почувствовал тяжесть в груди.

Потому что вдруг понял одну простую вещь.

Все эти годы мы искали утечку.

А надо было искать человека, который знал, что её нет.

На следующий день я передал фотографию следователю.

Он долго рассматривал.

Потом спросил:

— Вы уверены, что это он?

Я кивнул.

— Да.

Следователь записал мои слова.

Потом сказал:

— Спасибо. Это важно.

Я вышел из кабинета.

На улице было холодно.

Шёл мелкий дождь.

Я сел в машину.

И долго не заводил двигатель.

Потому что вспомнил одну деталь.

В ночь одиннадцатого вызова, когда Круглова увидела двух людей в форме, один держал топор.

Я тогда не понял зачем.

Теперь понял.

Топор был не для двери.

Им собирались разбить трубу.

Чтобы создать настоящую утечку.

И заставить нас подтвердить то, чего раньше не существовало.

Но Круглова не открыла.

И вызвала полицию.

Я посмотрел на телефон.

Нашёл её номер.

Хотел позвонить.

Поблагодарить.

Но потом передумал.

Она и так всё знала.

Через несколько дней я снова приехал на Коммунальную.

Не по вызову.
Просто проходил мимо.
Возле подъезда сидела Круглова.
Кормила голубей.
Увидела меня.
Помахала рукой.
Я подошёл.
— Как дела, Тамара Ивановна?
— Хорошо, Сергей. Тихо теперь.
Я улыбнулся.
— Это главное.
Она посмотрела на дом.
Потом сказала:
— Знаете, что самое страшное?
Я пожал плечами.
— Что?
Она ответила:
— Когда тебя заставляют сомневаться в собственных чувствах.
Я молчал.
— Я ведь уже сама думала, что мне кажется.
Она посмотрела на меня.
— А если бы перестала звонить?
Я не нашёлся с ответом.
Потому что прекрасно понимал, что могло произойти.
С тех пор прошло ещё несколько месяцев.
Я продолжаю работать в аварийной службе.
По-прежнему езжу на ночные вызовы.
По-прежнему проверяю старые трубы.
И по-прежнему иногда ничего не нахожу.
Но теперь, когда человек говорит, что чувствует запах газа, а прибор показывает ноль, я не тороплюсь считать, что он ошибается.
Потому что иногда прибор действительно ничего не показывает.
А опасность всё равно существует.
Только находится она совсем не там, где её привыкли искать.
И самое страшное в этой истории даже не то, что кто-то пытался напугать людей.
И не то, что ради денег был готов устроить настоящую катастрофу.
Самое страшное — что у него почти получилось.
Одиннадцать раз.
И каждый раз мы уезжали, уверенные, что сделали свою работу.
Конец.

Я работаю реставратором старых фотографий. На одном снимке обнаружился человек, которого фотографировали отдельно от остальных

На фотографии было двадцать три человека.

Я пересчитала их трижды.

Двенадцать мужчин, девять женщин и двое детей. Все стояли на деревянном крыльце большого деревенского дома. Мужчины — в пиджаках, женщины — в праздничных платьях. Один мальчик держал на руках котёнка.

На обороте чернилами было написано:

«Семья Кругловых. 18 августа 1936 года».

Ничего необычного.

Пока я не заметила, что тени у людей разные.

Солнце освещало крыльцо справа. Тени от перил, ступеней и цветочных горшков уходили влево.

Тени двадцати двух человек тоже.

А у женщины в последнем ряду тень падала прямо вперёд.

Я увеличила изображение.

Женщине было около тридцати. Тёмное платье с белым воротником, волосы убраны назад. Она стояла между двумя мужчинами, положив руки им на плечи.

Лицо женщины было чуть размыто. Я сперва подумала, что оно не попало в фокус.

Я уже собиралась отметить дефект в рабочем журнале, когда заметила ещё одну деталь.

Рука женщины лежала на плече мужчины.

Но ткань его пиджака под пальцами не сминалась.

Я открыла исходный файл сканирования, до обработки.

Потом посмотрела на фотографию через увеличительное стекло.

И увидела тончайшую линию вокруг женской фигуры.

Её действительно добавили позже.

Только не краской и не ретушью.

Кто-то вырезал силуэт из другого отпечатка и аккуратно вклеил его в семейный портрет.

Работа была настолько тонкой, что за девяносто лет место соединения почти перестало различаться.

Я перевернула фотографию.

На обороте, под основным текстом, обнаружилась ещё одна надпись.

Очень мелкая.

Карандашная.

«Марию снимать отдельно. Всегда».

Меня зовут Ирина Лебедева. Мне сорок два года.

Я занимаюсь реставрацией архивных фотографий и документов.

Не компьютерной обработкой в духе «сделайте бабушку цветной и улыбающейся», хотя такие заказы тоже бывают.

Моя основная работа — физическое восстановление старых отпечатков, негативов, альбомов и фотоматериалов.

Я работаю в небольшой частной мастерской при историко-краеведческом музее.

За восемнадцать лет мне попадалось многое.

Фотографии, склеенные сахарным сиропом.

Семейные портреты с выцарапанными лицами.

Снимки, которые десятилетиями хранили в печных трубах.

Однажды принесли альбом, где на каждой фотографии было заклеено лицо одного и того же мужчины. Позже выяснилось, что он бросил семью и его бывшая жена таким образом пыталась стереть его из собственной жизни.

Люди часто делают со снимками странные вещи.

Особенно когда речь идёт о родственниках.

Поэтому вклеенная фигура Марии Кругловой сама по себе меня не испугала.

Меня заинтересовало другое.

Зачем было фотографировать человека отдельно, если потом его всё равно добавляли на общий снимок?

Альбом принесла пожилая женщина по имени Анна Сергеевна.

Ей было восемьдесят четыре.

Невысокая, аккуратно одетая, с удивительно твёрдым рукопожатием.

Она сказала, что альбом принадлежал её бабушке.

После смерти матери долго лежал на чердаке, потом попал в сырой подвал.

Несколько страниц покрылись плесенью.

Часть фотографий отклеилась.

Анна Сергеевна хотела восстановить семейный архив и передать его внукам.

— Только, пожалуйста, ничего не дорисовывайте, — попросила она. — Как было, так и оставьте.

Я заверила, что не буду менять содержание снимков.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Особенно лица.

Я решила, что это обычная просьба человека, которому не нравится современная цифровая ретушь.

Теперь понимаю, что следовало уточнить.

В альбоме было сорок семь фотографий.

Самые ранние датировались 1912 годом.

Последние — началом пятидесятых.

Большинство изображало одну большую семью: свадьбы, крестины, застолья, поездки, работу в поле.

Мария появлялась на девятнадцати снимках.

И каждый раз её фигура была добавлена отдельно.

Иногда аккуратно вклеена.

Иногда впечатана с другого негатива.

На двух фотографиях её просто дорисовали карандашом поверх пустого места.

Я составила таблицу.

Дата.

Место.

Количество людей.

Положение Марии.

Способ добавления.

Через несколько часов заметила закономерность.

На каждом групповом снимке Мария находилась рядом с человеком, который умер вскоре после фотографирования.

Сначала я решила, что это совпадение.

В большой семье люди умирают.

Особенно в первой половине двадцатого века.

Но потом нашла фотографию 1921 года.

Мария стояла возле молодой женщины с младенцем.
На обороте было написано:
«Вера с сыном. За неделю до пожара».
Фотография 1924 года.
Мария рядом с пожилым мужчиной.
«Дедушка Павел. Последняя весна».
Фотография 1931 года.
Мария возле подростка в гимназической форме.
«Коля. Перед отъездом».
В альбоме нашлась газетная вырезка.
Коля погиб при обрушении моста через два месяца после отъезда.
Я сидела за рабочим столом и смотрела на девятнадцать изображений.
Потом пересчитала людей, возле которых стояла Мария.
Девятнадцать.
И в семейных записях нашла сведения о смерти шестнадцати из них.
Остальные трое просто исчезали из дальнейшей истории семьи.
На следующий день я позвонила Анне Сергеевне.
— Можно задать вам несколько вопросов об альбоме?
— Конечно.
— Кто такая Мария?
На другом конце провода стало тихо.
Потом женщина спросила:
— Какая Мария?
— Круглова. На семейных фотографиях.
Пауза.
— А почему вы спрашиваете?
Я рассказала о вклеенных фигурах.
Не упоминала смерти.
Анна Сергеевна долго молчала.
Потом сказала:
— Вы её нашли.
Это прозвучало не как вопрос.
— Да.
— На скольких?
— На девятнадцати.
Женщина тяжело вздохнула.
— Значит, не все уничтожили.
Мы договорились встретиться в мастерской.
Анна Сергеевна приехала на следующий день.
Я разложила фотографии на столе.
Она долго рассматривала их.
Потом указала на снимок 1936 года.
— Вот этот нельзя восстанавливать.
— Почему?
— Его вообще не должно было остаться.
Я показала ей надпись на обороте.
«Марию снимать отдельно. Всегда».
Анна Сергеевна кивнула.
— Бабушка рассказывала.

— Что именно?

Она посмотрела на меня.

— Мария не любила фотографироваться с людьми.

— Почему?

— Потому что после этого они умирали.

Я не стала смеяться.

Пожилые люди иногда хранят семейные суеверия, которые для них совершенно реальны.

Особенно если речь идёт о трагедиях.

— Но ведь на этих фотографиях она всё равно стоит рядом с родственниками.

— Да. Только снимали её отдельно.

— И это помогало?

Анна Сергеевна посмотрела на фотографии.

— Не всегда.

Я осторожно спросила:

— А кем она была в вашей семье?

— Старшая сестра моей бабушки.

— Что с ней случилось?

Женщина опустила глаза.

— Не знаю.

— Умерла?

— Нет.

— Пропала?

Анна Сергеевна покачала головой.

— Её перестали фотографировать.

После её ухода я решила изучить историю семьи.

В музее сохранились метрические книги, несколько сельских переписей и архив местного фотографического ателье.

Мария Круглова родилась в 1904 году.

По крайней мере, так значилось в документах.

Её родители — Степан и Евдокия Кругловы.

Четверо детей.

Мария была второй.

В 1912 году семья переехала в деревню Берёзовка.

Там Мария впервые появилась на фотографии.

Ей должно было быть восемь.

Но девочка на снимке выглядела лет на четырнадцать.

Я проверила дату.

Ошибки не было.

На следующей фотографии, сделанной в 1921 году, Мария выглядела примерно на тридцать.

В 1936-м — тоже на тридцать.

В 1952-м — на тридцать.

Я нашла её самый ранний отдельный портрет.

Маленькая карточка, вклеенная в начало альбома.

На ней стояла девочка в белом платье.

Возраст — лет восемь.

Серьёзное лицо.

Тёмные волосы.

На обороте:

«Маша. Май 1912».

Ниже карандашом:

«Не ставить рядом».

Я перевернула карточку обратно.

И заметила, что девочка стоит на фоне нарисованной декорации.

Обычная студийная фотография.

Колонна.

Занавес.

Пейзаж за окном.

Но тень девочки падала в противоположную сторону от тени колонны.

Я решила проверить оригиналы под микроскопом.

И обнаружила то, чего не заметила раньше.

На отдельном портрете Марии отсутствовали некоторые признаки обычного фотографического изображения.

В области лица зерно выглядело иначе, чем на остальном отпечатке. Изображение там отличалось и по плотности.

Я не могла определить причину без лабораторного анализа.

Но выглядело так, словно изображение Марии возникло на отпечатке не совсем тем же способом, что всё остальное.

Я сделала несколько макрофотографий.

Отправила коллеге, специалисту по историческим фотопроцессам.

Он ответил вечером.

«Ира, что это за материал?»

Я написала:

«Старинный серебряно-желатиновый отпечаток».

Через десять минут пришло сообщение:

«Ты уверена, что лицо вообще сформировано серебром?»

Мы договорились провести анализ на следующий день.

Но утром я обнаружила, что портрет изменился.

Не сильно.

Совсем немного.

Девочка больше не смотрела прямо в объектив.

Её глаза были направлены вправо.

Я открыла вчерашний скан.

На нём она смотрела прямо.

Сравнила изображения.

Положение головы не изменилось.

Лицо тоже.

Только глаза.

Я несколько минут сидела неподвижно.

Потом проверила, не перепутала ли карточки.

Нет.

На обороте та же надпись.

Та же трещина в углу.

То же пятно возле края.

Я снова посмотрела на портрет.

Теперь девочка смотрела влево.

Я убрала фотографию в архивный конверт.

Закрыла его.

Положила в металлический шкаф.
Потом вышла из мастерской и почти час сидела на улице.
Я пыталась найти рациональное объяснение.
Усталость.
Ошибка восприятия.
Различия в освещении.
Оптический эффект.
Но чем дольше думала, тем меньше мне нравилось происходящее.
Потому что я вспомнила ещё одну деталь.
На семейном снимке 1936 года Мария смотрела не в объектив.
Она смотрела на мальчика с котёнком.
Я вернулась в мастерскую.
Открыла альбом.
Нашла фотографию.
Мальчик стоял на первой ступеньке крыльца.
Лет семи.
Короткие волосы.
Светлая рубашка.
Котёнок на руках.
Мария находилась в последнем ряду.
И смотрела прямо на него.
На обороте фотографии имени мальчика не было.
Я начала искать сведения о мальчике.
В семейных записях нашла имя.
Сергей Круглов.
Родился в 1929 году.
Умер в 1937-м.
Причина смерти не указана.
Я позвонила Анне Сергеевне.
— Простите, что снова беспокою. Вы помните Сергея Круглова?
Женщина ответила не сразу.
— Мальчика с кошкой?
Я почувствовала неприятный холод.
— Да.
— Помню рассказы.
— Что с ним случилось?
Пауза.
— Его перестали узнавать.
— В каком смысле?
— Сначала чужие. Потом соседи. Потом родственники.
Я молчала.
Анна Сергеевна продолжила:
— Он приходил домой, а мать спрашивала, чей это ребёнок. Отец ругал его за то, что он забрался в чужой дом. Братья не понимали, почему он называет их братьями.
— А потом?
— Потом он исчез.
— Но в документах указана смерть.
Женщина тихо сказала:
— Так было проще.

Я попросила рассказать подробнее.

Анна Сергеевна объяснила, что в семье существовало старое правило.

Если Мария смотрела на человека во время фотографирования, его нужно было немедленно снять отдельно.

Потом обе фотографии хранили вместе.

Иногда это помогало.

Иногда нет.

— Помогало от чего?

— От забывания.

Я не поняла.

— Какого забывания?

Анна Сергеевна ответила:

— Когда человек ещё жив, но мир уже начинает обходиться без него.

Она рассказала историю Сергея.

Мальчик действительно исчезал из памяти окружающих.

Не сразу.

Сначала его забывали люди, которые видели редко.

Потом знакомые.

Потом родственники.

В конце концов мать перестала узнавать собственного сына.

Однажды он проснулся и обнаружил, что его кровати больше нет.

Не вынесли.

Не переставили.

Её никогда не покупали.

Одежда исчезла.

Игрушки тоже.

А в семейной книге, где записывали рождения и смерти, его имя оказалось вычеркнуто.

Но не карандашом.

Страница выглядела так, словно имя никогда не было написано.

— А Мария? — спросила я.

Анна Сергеевна тяжело вздохнула.

— Она помнила.

— Почему?

— Не знаю.

— И что делала?

— Фотографировала.

По словам Анны Сергеевны, Мария начала фотографировать Сергея каждый день.

Утром.

Днём.

Вечером.

Она пыталась сохранить доказательства его существования.

Но фотографии постепенно менялись.

На одних мальчик становился размытым.

На других исчезал полностью.

Иногда на снимке оставалась только его одежда.

Иногда — пустое место.

Мария хранила негативы в металлической коробке.

Записывала даты.

Сравнивала изображения.

И однажды заметила, что на некоторых фотографиях Сергей появляется снова.
Но только если рядом с ним находится она.
— Поэтому её вклеивали? — спросила я.
— Да.
— Чтобы сохранить людей?
— Да.
Я посмотрела на альбом.
— Но почему тогда она смотрит на тех, кто потом исчезает?
Анна Сергеевна долго молчала.
Потом сказала:
— Потому что она видела это раньше остальных.
Я положила трубку.
Сидела неподвижно.
Потом снова открыла альбом.
Теперь всё выглядело иначе.
Мария не была причиной исчезновений.
Она пыталась их остановить.
Её добавляли на фотографии рядом с людьми, которых мир постепенно забывал.
Чтобы сохранить их хотя бы в изображении.
Но почему её саму приходилось фотографировать отдельно?
Ответ я нашла в конце альбома.
Между двумя склеенными страницами лежал тонкий конверт.
Внутри — три маленьких негатива и сложенный лист бумаги.
Почерк был старый, неровный.
На листе стояла дата.
14 ноября 1953 года.
Ниже:
«Если кто-нибудь найдёт эти снимки, прошу не уничтожать их. Мария сказала, что они нужны. Я не понимаю, зачем. Она уже не помнит моего имени, но продолжает приходить каждый вечер. Сегодня я впервые увидела, как она смотрит на пустой стул. Потом попросила поставить рядом ещё один. Я спросила, для кого. Она ответила: „Для тех, кого пока нет“».
Подпись:
«Евдокия Круглова».
Я долго рассматривала письмо.
Евдокия была матерью Марии.
Но к 1953 году ей должно было быть около восьмидесяти.
И всё же в тексте она писала о дочери так, словно та продолжала жить рядом.
Я достала негативы.
Первый изображал пустую комнату.
Стол.
Два стула.
Окно.
Второй — ту же комнату.
На одном стуле сидела Мария.
Третий — снова ту же комнату.
Но теперь рядом с Марией сидел мужчина.
Его лицо было совершенно чёрным.
Не затемнённым.
Не испорченным.

Просто на месте лица находилось плотное чёрное пятно.
Я подняла негатив к свету.
На просвет казалось, что пятно не на слое эмульсии, а внутри стекла.
Я отнесла негативы коллеге.
Его звали Михаил.
Он работал в лаборатории музея и специализировался на старых фотоматериалах.
Михаил долго изучал стеклянную пластину.
Потом сказал:
— Странно.
— Что?
— Здесь нет изображения лица.
— Я вижу.
— Нет, Ира. Ты не понимаешь. Там нет даже следов экспозиции.
— То есть?
Он повернул пластину.
— Словно свет вообще не попадал в эту область.
Я посмотрела на чёрное пятно.
— Может, маска?
— Тогда были бы границы. Следы обработки. Что-нибудь.
Он положил негатив под микроскоп.
Несколько минут молчал.
Потом тихо произнёс:
— А вот это уже совсем интересно.
Он показал мне увеличенное изображение.
На границе чёрного пятна находились крошечные светлые точки.
Сначала я решила, что это дефекты эмульсии.
Но точки образовывали узор.
Неровный.
Похожий на мелкий текст.
Михаил увеличил ещё.
И мы увидели буквы.
Очень маленькие.
Почти микроскопические.
Они шли вдоль границы чёрного пятна.
Слова повторялись.
Снова и снова.
«НЕ СМОТРИТЕ НА НЕГО».
Михаил отодвинулся от микроскопа.
— Это чья-то шутка?
Я не ответила.
Он посмотрел на меня.
— Ира?
Я забрала негатив.
Положила в конверт.
— Спасибо.
— Подожди. Что это за история?
Я покачала головой.
— Семейный архив.
Он хотел что-то спросить, но передумал.

Вечером я снова позвонила Анне Сергеевне.

Рассказала о негативе.

О мужчине с чёрным лицом.

О надписи.

Женщина долго молчала.

Потом спросила:

— Вы смотрели на него?

Я почувствовала холод.

— На фотографию?

— На мужчину.

— Да.

Анна Сергеевна тяжело выдохнула.

— Тогда слушайте внимательно.

Она рассказала, что в семье существовала ещё одна история.

О человеке, которого никто не помнил.

Не потому, что его забыли.

А потому, что он никогда не был частью семьи.

Он появлялся на старых фотографиях.

Иногда стоял в дверях.

Иногда сидел за столом.

Иногда находился среди гостей.

Но никто не мог вспомнить, кто это.

Когда фотографии переснимали, мужчина исчезал.

Когда их ретушировали — появлялся снова.

Его лицо всегда оставалось чёрным.

И однажды Мария сказала, что он не должен смотреть на людей.

— Почему? — спросила я.

Анна Сергеевна ответила:

— Потому что он выбирает.

— Кого?

— Тех, кого потом не станет.

Я молчала.

Женщина продолжила:

— Мария научилась замечать, на кого он смотрит. Поэтому её и фотографировали отдельно. Она не должна была находиться рядом с ним во время съёмки.

— А потом её вклеивали?

— Да.

— Чтобы он не видел?

— Нет.

Пауза.

— Чтобы люди знали, кто его видел.

Я не понимала.

Анна Сергеевна объяснила.

Когда Мария замечала мужчину, она просила сделать отдельный снимок.

Потом её изображение добавляли к семейному портрету.

Так получалось, что на фотографии рядом с человеком, которого выбрал мужчина, стояла Мария.

Она словно отмечала его.

Не для мужчины.

Для семьи.
Чтобы они знали, кого нужно помнить.
Кого нельзя оставлять одного.
Кого нужно фотографировать снова и снова.
— И это помогало? — спросила я.
— Иногда.
— А что случилось с Марией?
Женщина долго молчала.
Потом ответила:
— Она осталась последней.
В 1953 году семья Кругловых почти полностью исчезла.
Не погибла.
Не уехала.
Просто постепенно перестала существовать в памяти и документах.
Оставались фотографии.
Записи.
Письма.
Но люди исчезали из них.
Мария продолжала делать снимки.
Каждый день.
Она фотографировала пустые комнаты.
Стулья.
Двери.
Окна.
Иногда на отпечатках появлялись люди.
Иногда — только их тени.
А потом однажды Мария исчезла сама.
— И что осталось? — спросила я.
— Альбом.
— Кто его сохранил?
Анна Сергеевна ответила:
— Моя бабушка.
— Но вы говорили, что Мария была её сестрой.
— Да.
— Значит, бабушка осталась?
Пауза.
— Осталась.
— Почему?
Женщина тихо сказала:
— Потому что Мария успела её сфотографировать.
После разговора я долго сидела в мастерской.
Потом решила проверить одну вещь.
Открыла фотографию 1936 года.
Ту самую, с двадцатью тремя людьми.
Увеличила изображение.
Мария стояла в последнем ряду.
Смотрела на мальчика с котёнком.
Я внимательно изучила лица остальных.
И заметила, что почти все смотрят в объектив.

Кроме одного мужчины.
Он стоял справа.
В тёмном костюме.
Лицо было немного размыто.
Я увеличила ещё.
И увидела, что его глаза направлены не на фотографа.
Он смотрел на Марию.
Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.
Потому что поняла.
Мужчина с чёрным лицом не всегда был чёрным.
Иногда у него было обычное лицо.
И если смотреть на фотографию достаточно внимательно, можно заметить, кто именно им является.
Я начала сравнивать снимки.
На каждом находился человек, который смотрел на Марию.
Иногда мужчина.
Иногда женщина.
Иногда ребёнок.
Но всегда кто-то один.
И каждый раз этот человек стоял немного в стороне от остальных.
Не касался соседей.
Не улыбался.
Смотрел только на Марию.
Я составила новую таблицу.
Девятнадцать фотографий.
Девятнадцать фигур.
Разные лица.
Разный возраст.
Разная одежда.
Но одна общая деталь.
На всех снимках у этих людей отсутствовали тени.
Я позвонила Михаилу.
Попросила посмотреть несколько фотографий.
Он приехал через час.
Мы сидели за большим столом.
Я показывала снимки.
Объясняла, что нужно искать.
Он слушал.
Потом сказал:
— Ира, ты понимаешь, что это может быть обычной ретушью?
— Понимаю.
— Или дефектами печати?
— Да.
— Тогда почему ты так нервничаешь?
Я не ответила.
Он посмотрел на фотографию 1936 года.
Потом нахмурился.
— Подожди.
— Что?

— Здесь же двадцать четыре человека.
Я замерла.
— Сколько?
— Двадцать четыре.
Я посмотрела на снимок.
Пересчитала.
Двенадцать мужчин.
Девять женщин.
Двое детей.
Мария была среди этих девяти женщин.
И ещё один человек.
Он стоял на крыльце.
Позади всех.
В дверном проёме.
Высокий мужчина в тёмном костюме.
Лицо было совершенно чёрным.
Михаил наклонился ближе.
— Странно. Я его раньше не заметил.
Я схватила фотографию.
Убрала в конверт.
— Всё. На сегодня хватит.
Он посмотрел на меня.
— Ира, что происходит?
Я молчала.
Михаил встал.
— Ты меня пугаешь.
Я хотела ответить.
Но вдруг заметила, что он смотрит не на меня.
Его взгляд был направлен куда-то за моё плечо.
Я медленно повернулась.
На стене висело большое зеркало.
Обычное.
Мы использовали его для проверки освещения при съёмке предметов.
В зеркале отражалась мастерская.
Стол.
Лампы.
Шкафы.
Я.
Михаил.
И ещё один человек.
Он стоял возле двери.
Высокий.
В тёмном костюме.
Лицо было совершенно обычным.
Мужчина лет пятидесяти.
Короткие волосы.
Узкие губы.
Серьёзное выражение.
Он смотрел на Михаила.

Я резко обернулась.
Возле двери никого не было.
Посмотрела в зеркало.
Мужчина исчез.
Михаил стоял неподвижно.
— Ты тоже видел? — спросила я.
Он медленно кивнул.
Мы вышли из мастерской.
Я закрыла дверь.
Потом попросила Михаила остаться в музее.
Он отказался.
Сказал, что ему нужно домой.
Я попыталась объяснить, что лучше не уходить одному.
Он посмотрел на меня.
— Ира, я взрослый человек.
— Пожалуйста.
Он вздохнул.
— Хорошо. Давай посидим в кафе.
Мы просидели там почти три часа.
Ничего не произошло.
Михаил постепенно успокоился.
Начал шутить.
Сказал, что нам обоим нужен отпуск.
Я почти согласилась.
Потом официантка принесла счёт.
Посмотрела на Михаила.
И спросила:
— А ваш друг уже ушёл?
Я почувствовала холод.
— Какой друг?
Она указала на пустой стул возле Михаила.
— Мужчина. В тёмном костюме.
Мы вышли из кафе.
Михаил побледнел.
Я предложила поехать ко мне.
Он согласился.
Но когда мы подошли к машине, он вдруг остановился.
Посмотрел на меня.
И спросил:
— Простите, мы знакомы?
Сначала я решила, что он шутит.
— Миша, хватит.
Он нахмурился.
— Извините, я не понимаю.
Я схватила его за руку.
— Михаил!
Он отдёрнул ладонь.
— Женщина, вы чего?
Я стояла неподвижно.

Он посмотрел на меня с явным раздражением.

Потом достал телефон.

Набрал номер.

— Алло, Лен? Тут какая-то странная женщина ко мне пристала.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Я позвонила его жене.

Она знала меня много лет.

Мы вместе отмечали дни рождения, ездили на выставки, работали над несколькими музейными проектами.

Но когда я представилась, она спросила:

— Простите, а вы кто?

Я вернулась в мастерскую.

Открыла рабочую переписку.

Нашла письма Михаила.

Они были на месте.

Но в каждом письме моё имя исчезло.

Вместо него стояло:

«Уважаемый коллега».

Я проверила фотографии с выставок.

На них Михаил стоял рядом с другими сотрудниками.

Меня не было.

Я открыла свой трудовой договор.

Имя осталось.

Фамилия тоже.

Но в графе «должность» значилось:

«Временный сотрудник».

Хотя я работала здесь восемнадцать лет.

Я поняла, что мужчина выбрал не Михаила.

Он выбрал меня.

И процесс уже начался.

Я позвонила Анне Сергеевне.

Она ответила сразу.

Словно ждала.

— Вы видели его?

— Да.

Пауза.

— Он смотрел на вас?

— Нет. На Михаила.

Женщина тяжело вздохнула.

— Значит, он уже нашёл вас.

— Почему меня?

— Потому что вы нашли Марию.

Я почувствовала злость.

— Вы знали, что это произойдёт?

Она молчала.

— Знали?!

— Да.

Я не могла поверить.

— Зачем вы принесли альбом?

Анна Сергеевна долго молчала.
Потом сказала:
— Потому что мне осталось мало времени.
— И что?
— Я должна была передать его.
— Кому?
Пауза.
— Тому, кто сможет сохранить фотографии.
Я почувствовала, как внутри поднимается холодная ярость.
— Вы решили пожертвовать мной?
Женщина тихо ответила:
— Нет.
— Тогда что?!
— Я решила дать вам выбор.
Она объяснила, что альбом не просто сохраняет память о людях.
Он удерживает их существование.
Пока фотография остаётся, человек не исчезает полностью.
Даже если все забыли его.
Даже если документы изменились.
Даже если сам человек перестал помнить, кто он.
Мария поняла это почти сто лет назад.
Поэтому и фотографировала людей отдельно.
Поэтому вклеивала себя рядом с ними.
Она становилась свидетелем.
Человеком, который помнит.
— Но почему она сама исчезла? — спросила я.
Анна Сергеевна ответила:
— Потому что однажды некому стало помнить её.
Я долго молчала.
Потом спросила:
— Что мне делать?
Женщина сказала:
— Найдите свой снимок.
— Какой?
— Тот, на котором вы ещё существуете.
Я начала искать.
В телефоне.
В компьютере.
В социальных сетях.
В старых альбомах.
На фотографиях с друзьями.
С родственниками.
С коллегами.
Я была везде.
Но постепенно замечала изменения.
На одном снимке моё лицо стало размытым.
На другом исчезла рука.
На третьем я стояла немного дальше от остальных, чем помнила.
Потом нашла фотографию с выпускного.

Мне семнадцать.
Я стою рядом с одноклассниками.
Смеюсь.
Держу букет цветов.
И за моей спиной находится мужчина в тёмном костюме.
Я увеличила изображение.
Он стоял в дверях актового зала.
Лицо было обычным.
Но тени не было.
Я почувствовала, как сердце начинает биться быстрее.
Потому что поняла.
Он смотрел на меня задолго до того, как я увидела альбом.
Я начала искать более ранние фотографии.
Детский сад.
Первый класс.
Семейные праздники.
На каждом снимке находился кто-то, кто смотрел на меня.
Иногда мужчина.
Иногда женщина.
Иногда ребёнок.
Всегда без тени.
Я позвонила матери.
Она ответила после нескольких гудков.
— Алло?
— Мам, это я.
Пауза.
— Кто?
Я закрыла глаза.
— Ирина.
— Какая Ирина?
Я не смогла ответить.
В тот вечер я поняла, что у меня почти не осталось времени.
Я вернулась в мастерскую.
Достала старый фотоаппарат.
Поставила штатив.
Настроила свет.
Села перед объективом.
Сделала снимок.
Потом ещё один.
И ещё.
На первом изображении я выглядела нормально.
На втором — немного размыто.
На третьем моё лицо почти исчезло.
На четвёртом остался только силуэт.
На пятом — пустой стул.
Я сидела перед монитором.
Плакала.
Потом вспомнила слова Анны Сергеевны.
«Найдите свой снимок».

Не сделайте новый.
Найдите.
Я открыла альбом Кругловых.
Начала просматривать фотографии.
Снова.
Медленно.
Одну за другой.
На снимке 1936 года было двадцать четыре человека.
На фотографии 1924 года — семнадцать.
На снимке 1912 года — девять.
Я искала себя.
Не понимая зачем.
Пока не дошла до последней страницы.
Там находилась фотография, которую я раньше не замечала.
Маленькая.
Почти полностью выцветшая.
На ней была мастерская.
Моя мастерская.
Тот же стол.
Те же лампы.
Те же шкафы.
И я.
Сидящая перед старым фотоаппаратом.
Я перевернула снимок.
На обороте было написано:
«Ирина Лебедева. 21 ноября 2026 года».
Ниже:
«Снимать отдельно. Всегда».
Я долго смотрела на фотографию.
Потом заметила, что рядом со мной стоит Мария.
Та самая женщина в тёмном платье с белым воротником.
Она положила руку мне на плечо.
И смотрела не в объектив.
А на кого-то за моей спиной.
Я медленно повернулась.
В мастерской никого не было.
Но на стене висело зеркало.
В нём отражались стол.
Лампы.
Шкафы.
Я.
И Мария.
Она стояла рядом.
Смотрела на меня.
Потом медленно подняла руку.
Указала на старый фотоаппарат.
Я посмотрела на него.
И вдруг поняла, что нужно сделать.
Я установила таймер.

Села перед объективом.
Мария стояла рядом.
Я видела её только в зеркале.
Она положила руку мне на плечо.
Потом наклонилась и тихо сказала:
— Теперь вы знаете.
Я не успела спросить, что именно.
Сработала вспышка.
На фотографии мы были вдвоём.
Я.
И Мария.
Обе смотрели прямо в объектив.
Но позади нас, в зеркале, стоял мужчина в тёмном костюме.
Его лицо было совершенно чёрным.
И впервые за всё время он смотрел не на меня.
Он смотрел на Марию.
На следующий день мать позвонила сама.
Спросила, как у меня дела.
Михаил снова узнал меня.
Рабочие документы вернулись к прежнему виду.
Фотографии перестали меняться.
Я почувствовала облегчение.
Почти счастье.
Но когда открыла альбом Кругловых, обнаружила, что Мария исчезла со всех снимков.
Я пересмотрела девятнадцать фотографий.
Её не было нигде.
Люди стояли на крыльце.
Сидели за столами.
Обнимались.
Улыбались.
Но рядом с ними больше не было женщины в тёмном платье.
Я поняла, что произошло.
Мария наконец перестала быть свидетелем.
Она передала эту обязанность мне.
Я долго сидела за столом.
Потом достала фотографию, сделанную ночью.
На ней мы стояли вдвоём.
Я и Мария.
Она улыбалась.
Впервые за все годы.
Я перевернула снимок.
На обороте появилась новая надпись.
Почерк был мой.
Хотя я ничего не писала.
«Теперь ваша очередь помнить».
Я не знаю, что это значит.
Не знаю, сколько людей исчезло до Марии.
Не знаю, кто тот мужчина с чёрным лицом.
И не знаю, почему он выбирает людей.

Но теперь я понимаю, зачем существуют фотографии.
Не для того, чтобы сохранять воспоминания.
А для того, чтобы сохранять самих людей.
Неделю назад мне принесли новый альбом.
Обычный семейный архив.
Снимки семидесятых годов.
Свадьбы.
Дни рождения.
Поездки.
На одной фотографии я заметила женщину в красном платье.
Она стояла среди гостей.
Улыбалась.
Но её тень падала в противоположную сторону.
Я перевернула снимок.
На обороте было написано:
«Семья Петровых. 1978 год».
Ниже карандашом:
«Надежду снимать отдельно».
Я посмотрела на женщину.
Она смотрела прямо в объектив.
И улыбалась.
Но за её спиной стоял маленький мальчик.
Лет пяти.
В светлой рубашке.
Он держал в руках игрушечный автомобиль.
И смотрел не на фотографа.
А на меня.
Я увеличила изображение.
У мальчика не было тени.
Я почувствовала, как холодеют пальцы.
Потому что узнала его.
Это был мой сын.
Я никогда не была замужем.
У меня нет детей.
Но на фотографии 1978 года стоял мальчик, которого я узнала сразу.
Не по лицу.
Не по одежде.
А по ощущению.
Так узнают человека, которого любили всю жизнь.
Даже если никогда не встречали.
Я долго смотрела на снимок.
Потом достала чистый лист бумаги.
Написала:
«Мальчик. Около пяти лет. Светлая рубашка. Игрушечная машина».
Потом добавила:
«Я должна его помнить».
Сегодня утром я проснулась с уверенностью, что забыла что-то очень важное.
Долго сидела на кровати.
Пыталась вспомнить.

Потом увидела на столе лист бумаги.
Прочитала.
И ничего не почувствовала.
Совсем ничего.
Просто чужая запись о незнакомом ребёнке.
Я приехала в мастерскую.
Открыла альбом.
Нашла фотографию.
Женщина в красном платье стояла среди гостей.
Улыбалась.
За её спиной никого не было.
Я посмотрела на оборот.
Там появилась новая надпись.
Очень мелкая.
Карандашная.
«Не позволяйте ей вспомнить мальчика».
Ниже — ещё одна строка.
«В прошлый раз она ради него забыла всех остальных».
Я долго смотрела на эти слова.
Потом открыла рабочий журнал.
На последней странице обнаружила список имён.
Сто сорок семь человек.
Рядом с каждым — дата.
И маленькая галочка.
Я узнала некоторые фамилии.
Кругловы.
Петровы.
Люди с фотографий.
Но большинство имён были мне незнакомы.
Внизу страницы находилась запись, сделанная моим почерком:
«Не искать мальчика. Не пытаться вернуть. Мария не исчезла. Я сама попросила её уйти, потому что она мешала».
Я закрыла журнал.
И впервые за всё время почувствовала настоящий страх.
Не перед человеком с чёрным лицом.
Не перед исчезновением.
Перед самой собой.
Потому что, возможно, всё это время я пыталась не спасти людей.
А выбрать, кого из них оставить.
Вечером я снова открыла фотографию 1936 года.
Двадцать три человека.
Двенадцать мужчин.
Девять женщин.
Двое детей.
Марии больше не было.
Но теперь в последнем ряду стояла я.
В своей обычной рабочей одежде.
С рукой на плече мальчика с котёнком.
Я смотрела прямо в объектив.

И улыбалась.
Я не помню, когда меня фотографировали.
Не помню, как оказалась там.
Но знаю, что снимок настоящий.
Потому что на обороте, под старой надписью, появилась ещё одна.
«Ирину снимать отдельно. Всегда».
Конец.

Я двадцать лет ремонтировал лифты. В одном доме жильцы просили никогда не менять перегоревшую лампочку

Первое, что мне сказали в доме на улице Строителей, — не трогать лампочку.

Не двери. Не тормоза. Не электронику.

Лампочку.

Она висела в кабине старого пассажирского лифта. Обычная лампа накаливания, сорок ватт, в металлическом плафоне с мутным стеклом.

Она не горела.

Плафон выглядел так, будто его много лет никто не снимал.

— Только её не меняйте, — попросила председательница дома.

— Почему?

— Не надо.

Я посмотрел на женщину.

Ей было около шестидесяти. Короткая стрижка, очки на цепочке, домашний халат под пальто.

— Вы же понимаете, что в лифте должно быть освещение?

— Понимаю.

— Тогда в чём проблема?

Она немного помолчала.

— Мы привыкли.

За двадцать лет работы с лифтами я слышал множество странных просьб.

Не включать музыку в кабине.

Не менять зеркало.

Не устанавливать голосовое объявление этажей.

Один жилец требовал отключить кнопку пятого этажа, потому что его бывшая жена жила на пятом и он не хотел случайно туда попасть.

Но просьбу оставить неисправное освещение я услышал впервые.

— Так нельзя, — сказал я. — Это нарушение требований безопасности.

Женщина вздохнула.

— Тогда хотя бы сначала поговорите с жильцами.

Меня зовут Виктор Сергеевич. Мне пятьдесят четыре года.

Двадцать два из них я обслуживаю лифты.

Начинал электромехаником на муниципальном предприятии, потом перешёл в частную компанию.

Сейчас работаю в аварийной бригаде.

Работа не самая приятная.

Ночные вызовы, застрявшие пассажиры, затопленные шахты, сгоревшие двигатели, оборванные контакты.

И люди.

Люди бывают хуже любого неисправного оборудования.

Особенно когда застревают между этажами и начинают самостоятельно разжимать двери.

Дом на Строителей, 18, достался нашей компании после смены подрядчика.

Девятиэтажная панелька конца семидесятых.

Два подъезда.

В каждом по одному пассажирскому лифту.

В первом подъезде лифт заменили пять лет назад.

Во втором оставили старый.

По документам его капитально ремонтировали в 2009 году.

Кабина выглядела соответствующе: потёртые стенки, пластиковые кнопки, металлический поручень.

И перегоревшая лампа.

Я приехал туда в понедельник, в половине десятого утра.

Заявка была обычная: лифт иногда останавливался между четвёртым и пятым этажами.

Председательница, Нина Павловна, встретила меня у подъезда.

Проводила к лифту.

Потом неожиданно спросила:

— Вы один?

— Да.

— А помощника нет?

— Начну с осмотра. Если понадобится помощник, вызову.

Она посмотрела на закрытые двери.

— Лучше бы вдвоём.

Я усмехнулся.

— Не переживайте. Справлюсь.

Она не улыбнулась.

В кабине пахло пылью, старой проводкой и чем-то сладковатым.

Не гнилью.

Скорее перегретым пластиком.

Я включил фонарь.

Проверил кнопки.

Дверные контакты.

Панель управления.

Потом поднялся на технический этаж, осмотрел оборудование.

Нашёл несколько проблем, требовавших устранения.

Ничего необычного.

Когда вернулся вниз, возле лифта стояли трое жильцов.

Пожилой мужчина в спортивном костюме.

Женщина лет сорока с хозяйственной сумкой.

И парень лет двадцати.

Они молча смотрели на меня.

— Вы лифт чините? — спросил мужчина.

— Да.

— Свет будете делать?

— Конечно.

Он посмотрел на остальных.

Женщина с сумкой тихо сказала:

— Нина Павловна же просила.

Я нахмурился.

— Послушайте, я не могу оставить неисправное освещение.

Мужчина кивнул.

— Понимаем.

Потом добавил:

— Только не сегодня.

Я решил, что дело в каком-то местном суеверии.

В старых домах такое встречается.

Люди десятилетиями живут рядом, обрастают историями, придумывают правила.

Но здесь было что-то другое.

Они не спорили.

Не угрожали.

Не пытались меня убедить.

Они выглядели так, будто уже знали, чем закончится разговор.

Лампу я тогда не заменил.

Не из-за жильцов.

При осмотре выяснилось, что дело не только в лампе. Цепь освещения требовала отдельной проверки. Остановки между этажами я записал отдельно.

Я оформил замечания и предупредил: пока не разберёмся с обеими неисправностями, пассажиров пускать нельзя.

Нина Павловна выслушала.

Потом спросила:

— А если мы сами купим лампочку?

— Дело не только в лампочке.

— Я понимаю.

Она посмотрела на меня.

— Вы можете оставить старую?

— Как экспонат?

— Да.

Я пожал плечами.

— Забирайте после замены, если она вам так дорога.

Она заметно побледнела.

— Нет. Нам нужна именно там.

Вечером мне позвонил начальник участка.

— Виктор, что там у тебя со Строителей?

Я рассказал.

Он помолчал.

— Интересно.

— Что?

— Предыдущий подрядчик отказался обслуживать этот лифт.

— Почему?

— Не знаю. В документах написано «расторжение договора по соглашению сторон».

— Бывает.

— Бывает. Только они обслуживали этот дом семнадцать лет.

На следующий день я решил позвонить бывшему механику.

Его звали Олег Михайлович.

Номер нашёл через знакомых.

Мужчина ответил не сразу.

Когда услышал адрес, замолчал.

— Строителей, восемнадцать? Второй подъезд?

— Да.

— А что там?

— Лифт барахлит. И жильцы не дают лампочку менять.

Он выдохнул.

— Значит, ещё стоит.

— Что стоит?

— Лампа.
— Да.
Олег Михайлович долго молчал.
Потом спросил:
— Вы её выкручивали?
— Нет.
— Хорошо.
— Почему?
Он ответил:
— Потому что я однажды выкрутил.
Мы встретились в кафе возле автобусной станции.
Олегу Михайловичу было около семидесяти.
Крупный мужчина с красными руками и тяжёлым взглядом.
Он заказал чай.
Потом достал из кармана маленькую записную книжку.
— Я этот лифт с девяносто восьмого обслуживал, — сказал он.
— И что с лампочкой?
Он посмотрел на меня.
— Она не перегорела.
— В смысле?
— Она исправная.
Я нахмурился.
— Но не горит.
— Потому что её не включают.
— Кто?
Олег Михайлович помолчал.
— Лифт.
Я решил, что ослышался.
— Что значит «лифт не включает лампу»?
— То и значит.
Он открыл записную книжку.
Показал страницу.
На ней были даты.
Рядом с каждой — короткая запись.
«Проверка. Свет отсутствует. Лампа исправна».
— Вы её проверяли?
— Да.
— На стенде?
— Да.
— И она работала?
— Работала.
— А в кабине нет?
Он кивнул.
— Только в кабине.
Я пожал плечами.
— Значит, проблема в цепи питания.
Олег Михайлович посмотрел на меня.
— Виктор, я двадцать лет ремонтировал этот лифт. Думаешь, я не проверял питание?
Он рассказал, что впервые заметил странность в 2001 году.

Лампа перестала гореть.
Жильцы пожаловались.
Он приехал, снял плафон, выкрутил лампочку.
Поставил новую.
Свет появился.
Обычный ремонт.
Но вечером ему позвонила диспетчер.
В кабине застряли трое пассажиров.
Лифт остановился между шестым и седьмым этажами.
Когда приехала аварийная бригада, пассажиры были в сознании.
Но один из них, пожилой мужчина, сидел на полу и повторял:
— Он теперь знает.
— Кто знает? — спросил я.
Олег Михайлович покачал головой.
— Мы тоже спрашивали.
— И?
— Он не отвечал.
Остальные пассажиры ничего необычного не заметили.
Говорили, что лифт просто остановился.
Но через неделю пожилой мужчина исчез.
Не уехал.
Не умер.
Пропал.
Его искали.
Заявление в полицию.
Объявления.
Ничего.
Я пожал плечами.
— Совпадение.
— Я тоже так подумал.
Олег Михайлович отпил чай.
— Пока не случилось второй раз.
В 2004 году в лифте снова заменили лампу.
На этот раз другой механик.
Через два дня пропала женщина с восьмого этажа.
Потом в 2009-м — подросток.
В 2013-м — пенсионерка.
Каждый раз перед исчезновением лампу меняли или включали освещение в кабине.
И каждый раз кто-то из жильцов пропадал.
— Но вы же понимаете, что это не доказательство? — спросил я.
— Конечно.
— Тогда почему перестали менять лампу?
Он посмотрел на меня.
— Потому что в 2018 году я увидел, куда они уходят.
Я молчал.
Олег Михайлович достал телефон.
Показал старую фотографию.
На ней была открытая лифтовая кабина.
Внутри стоял мужчина в синей куртке.

Снимок был плохого качества.
Но я заметил одну деталь.
На полу кабины лежала тень.
Очень длинная.
Она тянулась от мужчины к задней стенке.
Хотя свет падал сверху.
— И что? — спросил я.
Олег Михайлович увеличил изображение.
— Посмотри внимательно.
Я наклонился.
Тень была не похожа на человеческую.
Она начиналась от ног мужчины.
Но ближе к стене становилась шире.
И заканчивалась чем-то вроде головы.
Большой.
Неправильной формы.
— Это что? — спросил я.
Олег Михайлович ответил:
— То, что стоит в кабине, когда включают свет.
Я хотел сказать, что это невозможно.
Но он продолжил.
— В 2018-м я сам поменял лампу. Хотел доказать, что всё это ерунда.
— И?
— Вечером застрял лифт.
— Кто внутри?
— Никого.
— Пустой?
— Да.
Он помолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.